ТРИ ВЕКА

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты до нашего времени

Исторический сборник
под редакцией
В. В. Каллаша

III ТОМ

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты до нашего времени

В шести томах

XVII ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

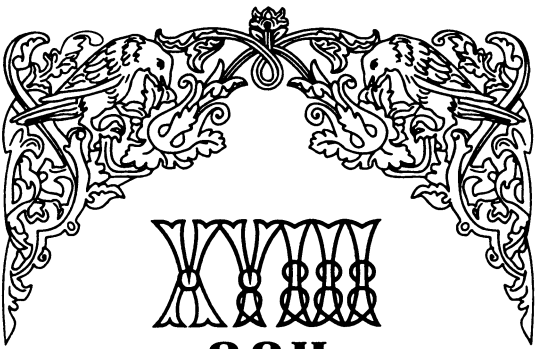
XVII ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

МОСКВА 2006

УДК 947
ББК 63.3(0)5
Т67

Т67 **Три века:** Россия от Смуты до нашего времени: В 6 т. Т. 3. – М.: Юнвес, 2006. – 320 с.: ил.

ISBN 5-88682-249-6

Настоящее издание посвящено 300-летнему юбилею дома Романовых. Оно охватывает три века русской истории.

Третий том содержит описание Московского государства первой половины XVIII века.

УДК 947
ББК 63.3(0)5

ISBN 5-88682-249-6

© Юнвес, 2005

XVIII век

Первая половина

XVII век
и реформа Петра Великого

Петр Великий унаследовал от предшественников направляющие реформу силы, ясно определившийся план реформы и частичные опыты ее осуществления, а главное — уже сложившееся сознательное отношение к реформе части русского общества, давшего активных сотрудников Петру. В этом отношении переход от царствования и политики деда, отца и брата Петра к реформам последнего был вполне естественным и необходимым, как разные фазисы одного и того же процесса. Уже в XVII в. ясно определились те международные отношения, мирные и военные, которые имели решительное влияние на события и реформы Петровского времени. Объединенная под властью московских государей великорусская народность при предшественниках Петра достигла своих национальных границ, которые далеко не совпали с границами естественно-географическими, экономическими и,

если можно так выразиться, вероисповедными. Округление границ Русского государства в этих отношениях и составило, уже начиная с эпохи обоих грозных Иванов, в течение всего Московского периода, сознательную задачу московской дипломатии. Выдвигаются вопросы дальневосточный (сибирский), крымско-турецкий, малороссийский, балтийский и другие менее важные (как, например, кавказско-персидский). Из них некоторые были почти ликвидированы (малороссийский), другие же были определенно поставлены и напряженно разрабатывались, когда вступил на престол Петр I. Самыми важными из них были два — вопрос крымский и балтийский. Лучшие руководители московской дипломатии вполне подготовили теоретически и практически разрешение этих вопросов,— уяснили себе степень важности и возможности разрешения каждого из них.

Уже Иван Грозный понял бесцельность завоевания Крыма, который отделялся от России необъятной полосой незаселенной степи, делавшей почти неразрешимою эту задачу, в чем печально убедилась царевна Софья после того, когда ее фаворит кн. В. В. Голицын оставил в степях две громадные армии. При этих условиях даже успешное завоевание хищника в его гнезде не сделало бы этого гнезда прочным приобретением России, но зато поставило бы последнюю вплотную с таким грозным и могучим соседом, как султан турецкий, сюзерен Крыма. Независимый татарский Крым был хотя и колючим, но все же достаточным буфером между Москвою и Стамбулом. В решении крымского вопроса уже старая династия нашла медленное, но рациональное средство. Приближение к Черноморью шло путем земледельческой и военной колонизации, не только защищавшей центр от хищников, но удовлетворявшей нуждам народного хозяйства и побеждавшей пустую степь, как главное препятствие к Черному морю, что относительно было до-

стигнуто только при Екатерине II. Азовские походы Петра I были не столько попыткой ускоренного разрешения этого вопроса, сколько пробой западноевропейского оружия на азиатском театре войны. Прутский поход с его печальным финалом рассеял у Петра Великого всякие иллюзии на этот счет и оправдал осторожную постановку вопроса его предшественников.

Зато Петр ни на шаг не отступил от традиции в балтийском вопросе, сущность которого, задачи и средства его разрешения были во всей полноте разработаны допетровской дипломатией. Берега Балтийского моря казались естественною западной границей Московского царства для Ивана Грозного и Бориса Годунова, так же как для Ордин-Нащокина, лучшего дипломата царя Алексея. Впрочем, не одно стремление к доведению границ государства до естественных пределов влекло Москву к балтийским берегам, но также цели культурно-экономического характера — потребность народного хозяйства в открытом торговом пути в Западную Европу и потребность государства и общества в культурном общении с Западом. Последняя задача послужила casus'ом belli для Ивана III в борьбе с Ливонией. Приобретение «морских пристанищ» в Ливонии в торговых целях сделалось лозунгом дипломатии царя Алексея, при котором значительно упростилось разрешение балтийского вопроса. Раньше стремление России к Балтийскому морю вызывало дружный отпор не только со стороны тех государств, которые должны были поплатиться своими владениями при осуществлении стремлений России; противились последним и те, которым выгодно было в торговом отношении держать Россию подальше от свободного выхода в торговый мир. Но в царствование Михаила и Алексея политическая конъюнктура изменилась в пользу России. Швеция жестоко разгромила Польшу, отнявши у последней ряд владений по балтийскому побе-

режью. Лифляндия, служившая когда-то яблоком раздора между Москвою и Польшей, не досталась ни той, ни другой, а попала в руки Швеции, которая через то нажила себе двух непримиримых врагов в лице Польши и России, которые к тому же разрешением малороссийского вопроса на время прекратили между собою «семейный спор». Таким образом на пути России к балтийским берегам теперь стояла одна Швеция, враждебная Польше и другим соседям. На этой комбинации международных отношений строил Ордин-Нащокин свой план сложной коалиции против Швеции для отнятия у нее Ливонии, и Петру оставалось только осуществить планы знаменитого министра царя Алексея.

XVII век, подготовивший для Петра балтийский вопрос во всем его объеме, выяснил для него и вопрос о наиболее пригодных средствах борьбы с Западом. Предшественники Петра Великого на горьком опыте убедились в несостоятельности громоздких ополчений помещиков в борьбе с западными войсками нового строя. И уже правительство царя Михаила тысячами приглашает иноземных кондотьеров на подмогу своим инвалидным ополчениям в борьбе с войсками, обученными «огненному бою». Позорная капитуляция под Смоленском в 1634 году отбила у москвичей охоту надеяться на наемников, но не разочаровала в силе нового строя, и от системы найма иноземных «регументов» правительство перешло к обучению своих воинов «огненному бою», при содействии иноземных инструкторов. Сначала полки эти были смешанными: к иноземцам подпускались русские, чтобы «нашего государства люди то ремесло переняли». В 1632 г. в русском войске было иноземного строя 9500 чел., из которых 6500 чел. было русских, а остальные — иностранцы. После смоленской капитуляции русский элемент быстро усиливался не только за счет рядовых, но и офицеров из иноземцев. Войска эти по своей

организации ближе стояли к регулярным войскам, чем к поместным ополчениям. Они разбивались на солдатские (пешие) полки и рейтарские и драгунские — конные. Содержались они не с поместий, а получали жалованье, производили постоянное учение «строю и огненному бою», жили в городе на постое в обывательских домах, и домой отпускались в мирное время на рабочую пору только те из них, которых родина отстояла не дальше 300 верст от места постоя полка. Это уже ярко определившийся тип регулярной армии, которую Петр Великий превратил в постоянную и единственную, если не считать иррегулярных казацких войск.

Принимая во внимание, что в 1681 г. по «росписи разным людям» полков иностранного строя было уже 63, численностью до 90 тысяч, мы поймем значение наследства военных реформ XVII века для Петра Великого.

И в решении завести флот Петр I не был новатором. С помыслами о заведении «морских пристанищ» у царя Алексея и его советников была неразрывна мысль о своем флоте. Завести последний пытались даже раньше приобретения гаваней. В 1662 г. московский посол вел переговоры с курляндским канцлером о заведении в курляндских гаванях русского флота. В 1669 г. приглашенные из Голландии корабельные мастера выстроили первый русский корабль «Орел», который и спустили в Каспийское море; но уже в следующем году этот первенец русского флота был сожжен Разиным. Если XVII век не оставил Петру флота и не шел дальше помышлений и жалкой пробы в этом отношении, то объясняется это, как видим, не отсутствием сознательных стремлений, а простым недостатком гаваней. Приобретение последних было для Петра побуждением к заведению военного и торгового флота, так сказать, очередной задачей, сознательно поставленной в XVII веке предшественниками Петра. XVII же век указал Петру и на способы разре-

шения финансовых затруднений, которые были сопряжены главным образом с военными расходами, напрягавшими платежные силы страны в XVII в. до чрезвычайной степени. Посошная подать, раскладывавшаяся на крупные земельные единицы, оказалась невыгодною для казны и разорительною для слабейших тяглецов, благодаря ускользанию от тягла плательщиков, скучивавшихся на одних сохах, как единицах обложения. Финансовые затруднения, остро почувствовавшиеся вследствие Смуты, вызвали правительство новой династии к реформе системы податного обложения. Чтоб уловить производителя труда и капитала, перенесли податное обложение с земли на хозяйственно-трудовую единицу — двор, который менее удобен для «избывания государевых податей», чем обширная соха. Но и двор оказался слишком растяжимым понятием, под сенью которого можно было укрыться от государственного тягла путем внесения в эту единицу нескольких дворов (посредством огораживания соседних дворов одним забором). Вследствие этого недобирала казна и разорялись слабейшие податные элементы от неравномерного распределения тягла. Нужно было в целях фиска отыскать еще более дробную единицу обложения народного хозяйства, в которую нельзя было бы спрятаться от тягла. Таковою была признана ревизская душа, как податная единица обложения. Вводя подушную подать, Петр Великий только сделал последний шаг на том пути, по которому шли его предшественники в борьбе с избыванием от государственных податей. XVII же век упредил Петра и по части привлечения к государеву тяглу нетяглого населения. Известен маневр землевладельцев в XVII в. обсчитывать казну в свою пользу путем приложения к земледельческому тяглу несвободного труда холопов, не тянувших государственного тягла. В ответ правительство объявило дворы земледельцев-холопов («задворных людей») тяг-

лыми наряду с крестьянскими дворами. Петр, переведший тягло с тяглого двора на тяглую душу, вполне последовательно обложил податью холопов без различия их занятия — во дворе ли господском, на господской пашне или на крестьянском хозяйстве. Поставленные рядом с крестьянами в тягловом отношении, холопы были уравнены с ними и в гражданских правах; но это сближение холопов с крестьянами в податном и правовом отношении было последним шагом на долгом пути приближения крестьян к холопскому состоянию. На языке Петра быть свободным значило стать тяглецом наравне со свободными, но не значило свободно располагать своею личностью, независимо от господина-землевладельца. В этом должен был сознаться Петр Великий, когда писал: «Продажу людей пресечь; а если нельзя уж совсем, то продавать как скот, чего во всем свете не водится».

Прямым преемником законодательной и бытовой практики в XVII в. был Петр Великий и в вопросе о служилом землевладении. Слияние юридической природы вотчины и поместья при Петре далеко не было «изящнейшим благодеянием» Петра дворянству, а простым узаконением сложившегося уже к тому времени факта. В течение всего XVII в. и особенно второй его половины процесс слияния поместья с вотчиною происходит безостановочно: поместье сначала обычным путем переходит от служилого человека к его сыну или другому родственнику, пока, наконец, закон не превращает этого явления в норму. Вместе с тем постепенно расширяются права помещика распоряжаться поместьем, как вотчиной. Положенные в Уложении препоны в этом отношении быстро падают во второй половине XVII в., и помещик начинает менять, давать в приданое, закладывать, сдавать и даже продавать поместье, как свою вотчинную собственность, при молчаливом попустительстве или даже утверждении закона. В этом отношении закон

23 марта 1714 г. о единонаследии только санкционировал уже сложившиеся порядки, не внося в них ничего нового. Ново здесь было только то, что превращение условного поместного владения в безусловную вотчинную собственность придало последней некоторую условность, а именно запрета дробления между наследниками. С другой стороны, превращение условного владения поместьем в постоянную собственность стало основанием для превращения наследственной дворянской службы в постоянную не только с превращенного в вотчину поместья, но и с вотчины. Это был настолько же логически вытекавший из практики XVII в. вывод, насколько акт справедливости и удовлетворения военных запросов времени.

Но не одни только способы эксплуатации народного труда и использования социально-хозяйственных отношений в государственных интересах завещал XVII век времени Петра I. Не в одних публицистических идеях, но и в практической деятельности этого века ясно наметилось стремление поднять искусственными «заморскими» мерами народное хозяйство и производительные силы страны. Котошихин с горечью отмечает отсутствие в Московском государстве прочных гарантий для иноземцев в их предпринимательской торговой и промышленной деятельности, что отбивает у них всякую охоту вкладывать свои капиталы в разработку естественных, втуне лежащих богатств страны. Еще определеннее ставят вопрос о развитии отечественной промышленности Юр. Крижанич и Ордин-Нащокин.

Необходимость заставляла от слов переходить к делу. Заведение войск, наученных «огненному бою», ребром поставило вопрос о выработке ружей, пушек, ядер на русских заводах, так как выписывание всего этого из-за границы обременяло казну чрезвычайными издержками; но оружейные заводы на Руси могли развиваться только при условии развития горно-заводской промыш-

ленности. И уже правительство царя Михаила решительно приступило к организации горного и чугунолитейного дела. В 1626 г. начинают приглашать с Запада «рудознатцев», которые «своим ремеслом и разумом знают и умеют находить руду золотую и серебряную, и медную, и дорогое каменье и места знают такие».

С этого времени, особенно в царствование Алексея Михайловича, редкое посольство за границу не получает поручения подыскать «знатных мастеров» в литейном, пушечном, бархатном, канительном, стеклянном и т. п. делах. Привлекаются не только носители технического знания, но и капиталы Западной Европы. В 1632 г. компания голландских купцов получила концессию на устройство чугунолитейного завода близ Тулы для приготовления железа, оружия и снарядов. Через двенадцать лет такую же концессию на 20 лет получает компания гамбургских купцов. Близ Немецкой слободы находилось три завода — железоплавильный, стеклянный и бумажный. Если верить Невиллю, доходы от одних железных рудников в XVII в. приближались к 50 тысячам рублей. Заводы эти несли двойную службу: не только обслуживали военные нужды государства, но и удовлетворяли требованиям правительства, «чтобы нашего государства люди того ремесла переняли». Так XVII в. подготовлял почву и трудовые руки для обширной фабричной и заводской промышленности, которая пышным цветом распустилась в царствование Петра благодаря его решительному покровительственному отношению к этому делу. То обстоятельство, что во главе многих фабрик и заводов Петровского времени стояли уже русские люди, вкладывавшие иногда в промышленность капиталы и труды на свой риск и страх, пользуясь русскими же мастерами и рабочими, было возможным, несомненно, только благодаря опытам фабрично-заводской деятельности в XVII в.

Нельзя сказать, чтобы Петр Великий в своих усилиях развить торговлю в России и поставить на ноги русский торговый класс, бессильный пред западной конкуренцией, разрывал с прошлым и шел по непроторенным путям. Упомянутый уже нами знаменитый министр царя Алексея Ордин-Нащокин попытался объединить разные слои русского купечества г. Пскова на началах компанейской солидарности в торговле с иноземцами, сделал попытку дать самоуправление посадским людям и мечтал даже выделить управление купечеством в специальное ведомство — «Приказ купецких дел». Петровские торговые компании, Бурмистрская палата и частью Магистраты далеко не стоят в одиноком своеобразии от этих попыток XVII в. Это не значит, конечно, что Петр Великий в своей деятельности копировал в широком масштабе опыты Ордин-Нащокина,— у них обоих был общий оригинал — «пример сторонних чужих земель», но это значит только, что дела Петра назрели уже при его предшественниках и выливались в проектах и формах, которые диктовались внутреннею необходимостью и влиянием сношений с Западом. Если мы обратимся к организации управления, то и здесь находим такую же преемственную связь реформ Петра Великого с изменениями в области управления в XVII в.

Таков прежде всего переход Боярской думы в Сенат. Боярская дума и по своему составу, и по компетенции стала анахронизмом уже при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Боярство, как класс, разрушилось; дума наполняется разнородными дельцами, которым уже как-то не к лицу стало вспоминать про «отечество». Отмена местничества была формальной отходной над старым родовитым боярством, пользовавшимся Боярской думой как проводником своих интересов. С другой стороны, установившееся в XVII в. на практике право постановлять окончательные решения лишь по уполно-

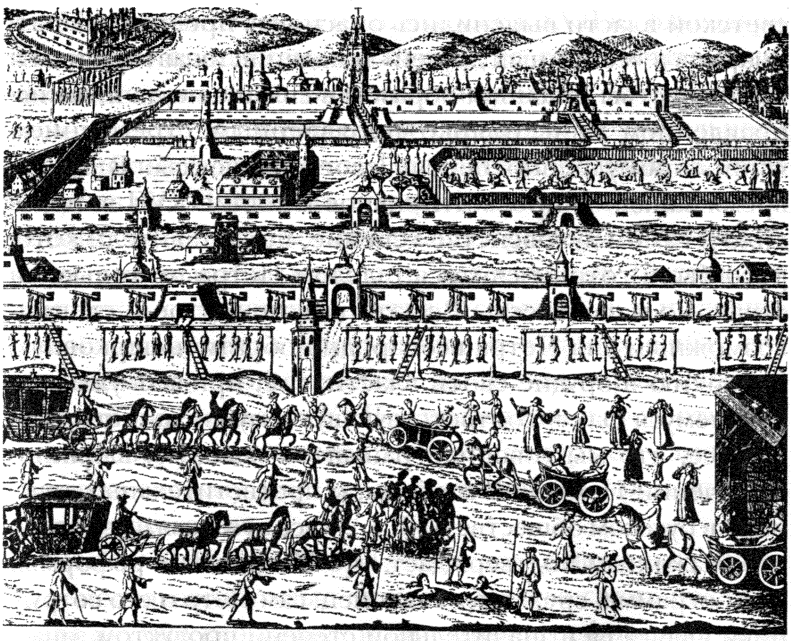

Петр Великий. С портрета Кнеллера

мочию от государя, по словам проф. Дьяконова, «низводило думу с места, ей ранее принадлежавшего в составе законодательной власти, и единственным источником последней становился тот, от кого Дума получала свои полномочия, т. е. государь. Для преобразования такой думы в Сенат Петру Великому оставалось сделать немногое».

То же можно сказать и об отношении Петровских коллегий к приказам. Основной принцип организации коллегий — распределение управления между учреждениями с более сосредоточенным и систематическим разделением ведомств, был только завершением того процесса, который заметно сказывался на бессистемных, но проявлявших одну и ту же тенденцию изменениях в центрально-областном управлении при царях Алексее и Федоре Алексеевиче. Уже к половине XVII в. заметно усиливается самостоятельность приказов, которые получают право вершить в окончательной инстанции множество мелких дел, ранее обязательно доходивших до верховной власти. С другой стороны, заметно стягивается к большему единству управление, раздробленное между полусотней приказов, перекрещивавшихся по своим ведомствам. Во второй половине XVII в. приказы сокращаются, и управление сосредоточивается путем слияния в ведомстве одного приказа нескольких более мелких или посредством подчинения одному лицу нескольких самостоятельных приказов. Образовавшиеся таким путем крупные ведомства и послужили прототипами Петровских коллегий.

Подобный же процесс происходил в XVII в. и в областном управлении. Непрерывное военное положение, в каком находилась Россия после Смуты, усилило власть воевод, которая поглотила местное самоуправление и его органы; те же военные потребности привели правительство первых трех Романовых к образованию круп-

Корб. *Казни стрельцов в 1698 г.*

ных военных округов, разрядов, в которых одному окружному воеводе были подчинены самостоятельные уездные воеводы. Таких разрядов, если считать и проектированные в царствование Федора Алексеевича новые 3 округа, насчитывалось до 10: они-то и легли почти целиком в основание деления России на губернии при Петре I.

Реформа церковная также не разрывала с подготовленными в XVI и XVII вв. процессами в этой области.

Подчинение церкви государству явно обнаружилось уже в XVI в. Патриарх Никон был последней вспышкой не столько свободного духа церкви, сколько отчаянной попытки установить равновесие между светским и духовным главою народа. Но дело Никона было проиграно вдвойне, поскольку на этом деле для

светской власти выяснились опасность превращать патриархов в «собинных друзей» и падение их авторитета в глазах паствы, главным образом в связи с неудачным исправлением книг и ярко проявленным стремлением «смиренномудренно беречь своего клобука». В то же время западное просветительное влияние XVII в. породило в самом духовенстве течение, представители которого были готовы слиться с делом Петра не только за страх, но и за совесть. Все это вместе взятое и сделало возможным для Петра всенародно обратить церковную иерархию в орудие своей власти, т. е. придать уже сложившемуся факту соответствующую ему внешность.

Все, что мы говорили раньше о западном влиянии, о значении Немецкой слободы, о просветительных течениях в русском обществе XVII в.[1],— все это в связи с только что сказанным подтверждает, что Петровские реформы, их программа, средства и, наконец, сам Петр и его сотрудники являются в значительной степени продуктом западных влияний XVII века. Известно влияние Немецкой слободы на развитие в Петре Великом «западничества», давшего окраску всей его деятельности. Нечего и говорить, что Немецкая слобода была детищем не Петра, а предшествующих Петру царствований. Небезынтересно отметить, что большинство иностранных терминов, которые ввел Петр в номенклатуру своего официального языка, как оказывается, были у нас в употреблении уже в XVII в. В допетровском «Лексиконе вокабулам новым» встречаются следующие слова: «Генерал, граф, канцлер, капитан, квартирмейстер, компания, майор, натура, профос, регимент, рота, ротмистр, секретарь, сержант, солдат, фальшивый, фортуна, фронт, танцы, квадрат, фельдфебель, фурьер», и другие[1].

[1] *См.* в I вып. мою статью: «Западное влияние».

[2] Н. А. Смирнов. «Западное влияние на русский язык». 12—13 стр.

Несомненно также и то, что уже в XVII в., благодаря указанным процессам, носившим на себе печать несомненного западного влияния, в народных массах создалась вполне подготовленная среда для сознательного восприятия большинства Петровских реформ. В этом нас убеждает Посошков, который совершенно самостоятельно составлял проекты разных реформ в то время, когда они вырабатывались в недоступных Посошкову кабинетах сотрудников Петра. Усвоение и выражение Посошковым начал меркантилизма в самых ясных его положениях говорит только за то; что практические сношения с Западом в XVII в. рассеяли и в этом отношении среди русских семена, собрать которые в самостоятельную систему уже не представлялось трудным для недюжинного ума.

Но от XVII века Петр I унаследовал не только зачатки и подготовительные силы и средства своих реформ: тогда же уже сложилась и оппозиция реформаторской деятельности Петра I. Мятежи казацкие, стрелецкие, крестьянские, городские, принимавшие в XVII в. внешнюю форму протеста то против церковных нововведений, то против гнета социальных и податных отношений, то против злоупотреблений фаворитов-бояр, в сущности исходили и питались прямо или косвенно из одного источника — непосильной тягости военных повинностей, государственных налогов и крепостного гнета. Силы эти, сливающие в общий поток недовольства разные угнетенные и оттесненные элементы, стали еще могущественнее проявляться в тяжкие времена Петра Великого, и уже по одному этому оппозиция должна была во время Петра проявляться в еще бóльших размерах, становясь отчасти под старые знамена или выдвигая новые лозунги, не столько выражающие настоящие стимулы, сколько бьющие в глаза излишества и причуды реформационного курса.

Но Петр, унаследовавший от предшественников оппозицию, в большинстве случаев усвоил и старые приемы борьбы с нею. Жестокость, с которою Петр обрушивался на своих «внутренних» врагов и которая отталкивающе действует на нас в облике Петра,— мрачное наследие той атмосферы, которой дышал юный Петр. Жестокости застеночных расправ, лобных экзекуций, торговых казней и количество побитых и изуродованных гилевщиков во времена царя «тишайшего» едва ли превзойдены заплечных дел мастерами времени Петра. Правда, Петр I, по нетерпеливости, часто вырывал топор у палача, как и весло у рулевого, и начинал самолично работать... Но даже и от «тишайшего» царя иногда веяло не меньшею жестокостью, чем от запальчивых зверств его сына.

Мы видим таким образом, как свет и тени XVII в. незаметно перешли в эпоху Петра Великого, без резких колебаний и с исчерпывающей полнотой оттенков. Давно миновало то время, когда отношение реформ Петра к XVII в. представляли так, как это выразил поэт:

Россия тьмой была покрыта много лет...
Бог рек: «Да будет Петр» — и бысть в России свет...

В. Уланов

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Опыт характеристики)

Петр Великий, первое дитя царя Алексея Михайловича от его второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной, родился 30 мая 1672 года. На четвертом году он осиротел, так как царь Алексей умер в январе 1676 года. Петр остался на попечении матери, царицы Натальи. Первоначальное воспитание, какое он получил, ничем не отличалось от воспитания, вообще дававшегося древнерусским царевичам. На пятом году его стали учить грамоте, и для этого обучения был приглашен дьяк из Приказа большого прихода, министерства финансов по-нашему, человек искусный в книжном чтении, тихий и небражник, Никита Моисеев сын Зотов. Раз, совершенно неожиданно для него, Зотова вызвали из-за работы в приказе и привели во дворец в приемную царя. Вскоре вышел царский спальник и спросил, кто здесь Никита Зотов, чтобы вести его к самому царю. От страха Зотов пришел в беспа-

мятство. «Отстоявшись», придя в себя, он вошел в царский кабинет, и здесь в присутствии царя ему произведен был экзамен в чтении, который он с успехом выдержал, а затем ему было объявлено его новое назначение. По древнерусскому обычаю отслужили молебен, и учитель, поклонившись своему ученику в ноги, посадил его за азбуку. Покончив с азбукой, он прошел с ним Часослов, Псалтырь и Евангелие, в чем и заключалось первоначальное обучение в Древней Руси. Впрочем, Зотов умел разнообразить свои уроки. Мальчик оказался живым, бойким и замечательно любознательным, засыпал учителя вопросами. Удовлетворяя эту любознательность, Зотов стал ему показывать и объяснять «куншты» — картинки с изображением городов, крепостей, кораблей, сражений, оружия и т. д. Такие картинки приготовлялись иконописцами, состоявшими при дворе в ведомстве Оружейной палаты. Так шло обучение до десятилетнего возраста. Весной 1682 г. разыгрались в Москве события, вызвавшие крутой перелом в воспитании Петра.

В апреле этого же года скончался царь Федор, и Петр был избран царем помимо старшего брата царевича Ивана Алексеевича (от Милославской), которого признали неспособным к правлению. Партия родственников первой жены царя Алексея — Милославских, руководимая энергичной и даровитой царевной Софьей, возмутила в защиту прав обойденного царевича московских стрельцов. 15-го мая стрельцы собрались в Кремль к Красному крыльцу и сбросили с крыльца на копья нескольких представителей партии Нарышкиных, и в том числе боярина Артамона Сергеевича Матвеева, любимца царя Алексея, у которого в детстве воспитывалась царица Наталья. Царями были признаны теперь оба брата, а Софья провозглашена правительницей государства. Десятилетний Петр присутствовал при этой сцене на

Красном крыльце и был спокоен. Однако она не прошла для него бесследно. Для него не было ничего впоследствии ненавистнее стрельца. Он потому так и ненавидел древнерусскую бороду, что она напоминала ему стрельца. Стрельцы, державшиеся раскола, стояли за старину. Может быть, и старина сделалась для Петра так ненавистна потому, что связывалась в его представлении с ее ревнителем и защитником, стрельцом, сбрасывавшим на копья его родных и близких.

События весны 1682 г. принудили царицу Наталью, уступившую место Софье, удалиться с детьми в подмосковное село Преображенское, любимую летнюю резиденцию царя Алексея. Учебные занятия Петра были прерваны, остановившись таким образом на одной грамотности. Он остался без внимательного призора. Скучая сидеть в тереме возле печальной матери, он выбежал на улицу села Преображенского, где нашел себе общество детей придворных конюхов и лакеев. Из этой веселой компании царь устроил два потешных полка, с которыми и играл в военные игры, совершая походы в окрестностях села Преображенского. В то же время он пристрастился и к кораблю. В амбаре села Измайлова, неподалеку от Преображенского, среди разного хлама, оставшегося после деда Никиты Ивановича Романова, Петр нашел ботик заграничной постройки. Призванный немец объяснил ему, как этот ботик ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра. С тех пор страсть к кораблю и мореплаванию захватывает Петра. Яуза, где он плавал на ботике, стала ему тесна. Заведены были корабли на Переяславском озере, а в 1693 г. царь выпросился у матери в Архангельск, где впервые увидел настоящее море.

Эти игры, которым предавался Петр на свободе в Преображенском, снаряжение и обучение потешных полков, постройка корабликов и управление ими — вы-

зывали много вопросов, разрешить которые не умели придворные русские люди, и за разрешением которых приходилось вызывать то того, то другого немца из соседней с Преображенским Немецкой слободы. Петр заинтересовался слободой, сделался там частым гостем, своим человеком, с удовольствием пировал с иноземными офицерами, купцами и мастерами, жившими в слободе, и танцевал с немками на свадьбах, на которые его запросто приглашали. Немецкая слобода в Москве, где жили иностранцы, приезжавшие в Москву на службу или по торговым делам, была как бы маленьким уголком Европы, занесенным в дикую Московию, подобно тому, как в азиатских больших городах непременно существуют европейские кварталы. В слободе завязались у него дружеские связи и романические привязанности. Слобода дала ему толчок и к науке. Познакомившись со сведущими иностранцами, Петр понял свою отсталость и снова, на этот раз уже по собственной охоте, сел за книгу, прилежно стал изучать математические науки: арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию под руководством Франца Тиммермана, который был вызван во дворец, чтобы объяснить царю употребление астролябии. В слободе Петр впервые познакомился с Европой. С захватывающим интересом слушал он рассказы своих иностранных друзей о чудесах западного мира. В нем загорелось желание самому поближе познакомиться с этими чудесами, самому повидать, как живут образованные люди на Западе, и вот в 1697 г. совершилось небывалое дело, поразившее современников: царь уехал за границу. Снаряжено было большое посольство к разным западным государям, во главе которого стал ближайший друг Петра в годы его юности иностранец Франц Лефорт, знакомец царя по Немецкой слободе. К посольству примкнул и сам Петр инкогнито, под именем Петра Михайлова. Петр ехал за границу учиться и прежде все-

Маска Петра Великого

го выучиться корабельному делу. В то время две державы славились своими флотами: Голландия и Англия. В этих странах и оставался Петр подолгу. Приехав в Голландию, он поселился сначала в маленьком городке Саардаме, чтобы работать на тамошней верфи. Но вскоре жители Саардама узнали, что русский плотник Петр, master Piter, как его стали называть, не простой плотник, а царь московский. В самом деле, выдает себя за плотника, а купил буер (лодку) за несколько сот гульденов. За царем стала ходить неотвязчивая, надоедливая толпа любопытных. Однажды Петр был так раздражен глупой физиономией некоего саардамца Марцена, который протискивался сквозь толпу и всюду лез за ним, что не удержался и дал ему пощечину. «Марцен пожалован в рыцари»,— воскликнули в толпе, и прозвание рыцаря навсегда осталось за Марценом. Встретив помеху в Саардаме, Петр перебрался в Амстердам: благодаря его величине и многолюдству, там можно было оставаться неузнанным. Здесь он работал на верфях Ост-Индской компании. В свободные от работы часы он плавал по морю, посещал фабрики, заводы, мастерские, музеи, собрания редкостей, воспитательные дома, госпитали, побывал и на астрономической обсерватории, всем живо интересовался, обо всем расспрашивал и заставлял

давать себе объяснения,— словом, прилежно и внимательно учился. Такую же жизнь вел он затем и в Англии, куда перебрался, пробыв более четырех месяцев в Амстердаме, чтобы у английских инженеров поучиться теории кораблестроения, практику которого он хорошо усвоил в Голландии. Заграничное путешествие было как бы высшей школой в образовании, пройденном Петром, если считать уроки Зотова начальной, а занятия с Тиммерманом средней. Но подобно тому, как его первоначальное обучение было прервано стрелецким бунтом 1682 г., новый стрелецкий мятеж, вспыхнувший в России в отсутствие Петра, заставил его прервать курс высшей школы и поспешить в Россию. Опять перед ним стоял ненавистный с детства образ стрельца-бунтаря, защитника старины, опять мешал ему учиться.

Нас не удивит после этого жестокость, с которой царь, приехав в Москву, расправился со стрельцами. Стрелецкое войско было уничтожено, несколько сот стрельцов было казнено. Пробелы прерванного образования Петр восполнял потом в течение всей жизни. Он и под старость сохранил ту же жажду к знанию, ту же неутолимую любознательность, с какою засыпал вопросами Никиту Зотова в детской комнате Кремлевского дворца. На своей печати, которой он запечатывал отправляемые им из-за границы письма, Петр вырезал девиз: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Этому девизу царь и остался верен до конца своих дней.

Петр Великий! Кто не слыхал о нем многочисленных рассказов?! Ведь первые сведения о царе-преобразователе мы получаем еще в детстве. Как только произнесено это имя, перед нами возникает хорошо знакомый образ: высокая могучая фигура с орлиным взором, с крупными чертами лица, которые искажались иногда нервными судорожными конвульсиями — следствие кровавой сцены, пережитой на Красном крыльце в

десятилетнем возрасте. Над всякой толпой, как бы велика она ни была, царь заметно выдавался, будучи без малого в сажень ростом. Когда на светлый праздник он христосовался, а этот обычай он строго соблюдал, у него заболевала обыкновенно спина, потому что к каждому, кто к нему подходил, он должен был непременно нагибаться. Когда он шел пешком, обыкновенно размахивая при этом руками, он делал такие крупные шаги, что спутнику, его сопровождавшему, приходилось бежать рядом с ним рысью. Царь отличался огромной физической силой, был богатырь в буквальном смысле слова: выковывал без труда железную полосу в несколько пудов весом и легко мог разогнуть подкову. Когда он хотел кого-нибудь похвалить и дружески потрепать по плечу, то удостоившийся этой царской милости не рад был и похвале, потому что ему приходилось чуть не кричать от боли. Те же крупные черты и в его нравственном складе. Его нравственная природа способна была к широким размахам в ту и другую сторону, в положительную и в отрицательную. Петр способен был на благородный подвиг самопожертвования. Он и погиб от такого подвига. Глубокой осенью 1724 г. он без раздумья бросился в ледяную воду, чтобы спасать лодку с тонувшими матросами, причем жестоко простудился и заплатил жизнью за спасенье матросов. Он не мог вынести опыта над ласточкой, посаженной под колокол воздушного насоса, производимого придворным доктором Арескиным. Когда воздух из-под колокола был вытянут настолько, что птичка зашаталась и затрепетала крыльями, царь сказал Арескину: «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной, она не разбойник», и выпустил птицу. В то же время он мог совершенно спокойно смотреть на самые жестокие пытки и казни, которым подвергались те, кого он считал врагами своего дела. Расправляясь с взбунтовавшимися стрельцами, он собственноручно отрубил голо-

вы нескольким из них. Он был способен трудиться без устали, но также и гулять без всякой сдержки. Он был способен предаваться разгулу, описание которого превосходит всякую меру воображения, на празднествах по случаю спуска нового корабля, когда гости напивались до того, что их выносили замертво, а иные и совсем отдавали Богу душу, или на собраниях всепьянейшего и всешутейшего собора, собиравшегося под председательством князя-папы, его старшего учителя Н. М. Зотова, причем сам Петр, выступавший в роли протодьякона, оказывался неистощимым в изобретательности, сочиняя разные процессии и торжества для собора. То князя-папу должны нести на троне 12 плешивых кардиналов, а папа, снабженный особым молотком, должен во время движения процессии стукать этих кардиналов по головам, то князь-папа должен переправляться через Неву в просторном чану, наполненном пивом, плавая по пиву на небольшом плотике, причем Петр, в конце концов, все-таки не удержится и столкнет князя-папу в пиво, дав ему купанье. Непомерное знакомство с «Ивашкою Хмельницким», как называл Петр вино, рано расстроило его здоровье. Он приходил в дурное расположение духа, становился раздражителен и тяжел для окружающих. Но он привлекал к себе сердца своей правдивостью и любовью к правде. За правдивое признание он готов был простить всякий поступок. Неплюев, один из молодых людей, которые были отправлены для обучения за границу, вернувшись и сдавши экзамен, назначен был работать вместе с царем на верфи. Раз, пропировав накануне в гостях, он опоздал на работу, пришел уже после государя, и до такой степени испугался, что хотел уже бежать и сказаться больным, но потом решил говорить всю правду. «А я, мой друг, уж здесь»,— сказал ему Петр. «Виноват, государь,— отвечал Неплюев,— вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал».— «Спасибо,

малый,— сказал ему Петр,— что говоришь правду; Бог простит, кто Богу не грешен, кто бабе не внук?!» Царь не терпел неправды. Раз в его присутствии один иноземный офицер разоврался о сражениях, в которых он бывал, и о подвигах, которые совершил. Петр слушал, слушал его, потом плюнул ему в лицо и отошел в сторону.

Сломив силу Швеции, Петр сделался одним из самых могущественных государей Европы. Но при этом он умел сохранить простоту в образе жизни. Он был очень бережлив в государственных средствах и расчетлив в своих и впервые внес строгое различие между теми и другими. Расходы на содержание двора убавились при нем вчетверо (15%—4%) сравнительно с прежними их размерами. Он обыкновенно ходил в поношенном кафтане, сшитом из русского сукна, в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных Екатериной. Ездил, по свидетельству очевидцев-иностранцев, на таких плохих лошадях, на которых согласился бы ехать не всякий столичный обыватель, обыкновенно в одноколке, один или в сопровождении денщика. Царь не выносил просторных зал. Когда он был во Франции в 1717 г., ему отвели помещение во дворце, но его комнаты оказались для него так высоки, что он приказал натянуть в них потолок из парусины. В Петербурге он построил себе два дворца: летний и зимний, настолько маленькие, что в них не могли вмещаться приглашенные гости, и более важные торжества происходили в здании Сената и в обширном дворце князя Меншикова, а летом собрания при дворе происходили на открытом воздухе в Летнем саду.

По простоте, с которой царь себя держал, он вовсе не походил на своих предшественников. Те были окружены религиозной обстановкой. Народ видал их редко, во время торжественных выходов, когда царя в золотой одежде церковного покроя вели под руки под звон кремлевских колоколов в один из соборов. Теперь носитель

верховной власти стал появляться перед народом в странном виде, в голландской матросской куртке на корабельной мачте, с трубкою в зубах. Для него не было ничего стеснительнее придворного этикета. Для торжественных придворных церемоний у него была заведена особая должность князя-кесаря, много лет занимаемая кн. Ромодановским, который и должен был носить знаки императорского достоинства. В августе 1723 г. надо было дать прием персидскому послу. С Персией только что был заключен мир, и вообще посла восточной державы нельзя было принять запросто. В ожидании посла император, одетый в парадный красный кафтан, вышитый серебром и опушенный собольим мехом, ходил большими шагами по комнате, прилегающей к тронной зале, страшно волновался и приводил в смущение императрицу. Заслышав шаги посла, он перешел в тронную залу и занял место на троне в торжественной позе, держа под мышкой треугольную шляпу. Он сильно потел и от волнения часто нюхал табак, когда посол произносил длинную высокопарную речь и когда он затем по восточному обычаю пополз по ступеням трона, чтобы поцеловать руку императора. С большим облегчением он вздохнул и выбежал из тронной залы, как только эта утомившая его церемония кончилась. На разных торжествах Петр занимал первое попавшееся место, обыкновенно в конце стола, причем наиболее любимыми его собеседниками были иностранные мастера и купцы. В царе Петре таился простой рабочий. С необыкновенной легкостью Петр постигал и усваивал каждое мастерство и везде, где он ни бывал, а изъездил он вдоль и поперек всю Россию, он оставил предметы, им самим сработанные. Он гордился мозолями на руках. «Видишь, братец, я и царь,— говорил Петр Неплюеву,— да у меня на руках мозоли, а все оттого — показать вам пример и хотя бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству». Простой

рабочий с необыкновенной легкостью обнаруживался в нем, в какой бы обстановке царь ни находился. Раз на одной великосветской свадьбе, когда гостям показалось, что в зале, назначенной для танцев, слишком жарко, хотели открыть окно, но они оказались заколоченными снаружи; царь потребовал топор и сам стал отбивать раму, по окна оказались заколоченными так крепко, что ему пришлось провозиться с ними более получасу. Он не раз выбегал на улицу, чтобы осмотреть окно снаружи, и наконец добился своего — открыл окно, вернулся к гостям и принял участие в танцах, до которых был большой охотник. Он мог трудиться неутомимо, притом на самых разнообразных поприщах, то с топором плотника, то с пером историка в руках,— свойство, которое дало поэту повод сказать о нем: «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Этому царю-работнику выпало на долю переработать Россию.

Царь перерабатывал Россию не без общей политической мысли. Правда, он, делец и практик по преимуществу, был чужд отвлеченным теориям. Но то, что было практического в политических взглядах его времени, он хорошо усвоил. Переменчивость намерений и планов в преобразовательной деятельности, выразившаяся в отрывочных и часто противоречивых указах, один за другим выходивших из-под его пера, не показывает еще отсутствия политического идеала: она является лишь признаком страстных порывов в стремлении к нему. Вдохновленный идеалом, Петр хватается то за одно, то за другое средство, которое кажется ему ведущим к достижению идеала; разочаровываясь в результатах, бросает начатое, меняет его на другое средство, которым увлекается со всею горячностью своей пылкой натуры. Но во всей этой кипучей деятельности, во всей этой быстрой смене намерений и начинаний ясно видно одно стремле-

ние, один политический идеал. Он становится все яснее по мере развития самого Петра, по мере его все более широкого знакомства с западноевропейским миром,— знакомства, которое началось с поездок в Немецкую слободу и окончилось посещением важнейших государств Европы, которое началось с приглашения немецкого плотника Тиммермана и кончилось сношениями с одним из самых великих мыслителей того времени — Лейбницем, которое началось с вопросов о том, как действовать астролябией и пускать на парусах игрушечные ботики, и привело к изучениям государственных учреждений Европы. Этой заветной целью, этим идеалом Петра была Россия как европейское государство.

Чтобы понять, что Петр подразумевал под европейским государством, надо вспомнить ту политическую обстановку, в которой он жил, как политическую деятельность того времени, так и политические идеи той эпохи. Мы замечаем всегда взаимодействие между действительностью и идеями. С одной стороны, политическая философия осмысливает то, что сложилось в действительности, с другой — сама действительность следует правилам, установленным политической философией. К XVII в. везде в Европе на месте феодальных дроблений возникает государство с абсолютной, неограниченной властью. В то время появляется и политическая философия, которая даст теоретическое обоснование этому государству с абсолютной верховной властью. Это был век блестящего расцвета политической мысли, когда на философском горизонте светят звезды первой величины: Гроций, Пуффендорф, Гоббс, Локк и другие мелкие, которые теперь уже забыты. Это было время господства рационализма в политической философии, который сводил все к разуму и все пытался объяснить из разумных начал. Это было время договорной теории происхождения государств. Люди первоначально живут в есте-

ственном состоянии, как говорит Гоббс, один из представителей этой мысли, но от этого происходит зло, начинается борьба всех против всех, и вот, в целях общего блага, в целях прекращения этой борьбы, люди заключают между собой договор, которым образуется государство. Люди соглашаются договором учредить верховную власть, в пользу которой они отказываются каждый от своей самостоятельности, и все свои права переносят на эту верховную власть, которая таким образом является абсолютной. По учению Гоббса, верховная власть в государстве не подлежит ничьему контролю, она выше закона, так как она служит источником закона. Только верховной власти принадлежит право суждения, только верховная власть обладает всеми свойствами для достижения истины, только верховная власть не может ошибиться в выборе между суждениями. Такова теория государства, возникшая в XVII в.

Политическая действительность много усвоила из этой теории и пыталась осуществить ее на деле. Вот почему верховная власть в XVII и XVIII вв. играет такую выдающуюся роль, получает такое огромное значение. Как говорит Токвиль, она становится для подданных на место Провидения, она окружает их всеобъемлющей опекой: она дает подданным не только безопасность, не только заведует внешней обороной, не только учреждает правосудие, она также насаждает промышленность путем финансовых субсидий и подробных предписаний, регулирующих все мелочи экономического производства. Она заботится также о здоровье подданных, следит за их нравственностью, она выбирает для них религию, вмешиваясь таким образом даже в интимную сторону жизни подданных. В XVI в., действительно, был установлен такой политический принцип: государь определяет религию для своего государства, а подданные обязаны повиноваться верховной власти. Наивысшего значения в таком смыс-

ле верховная власть достигает в XVIII в., в эпоху просвещенного абсолютизма, когда на европейских тронах являются монархи-философы, а у этих тронов становятся министры, проводящие философские аксиомы в жизни.

Вот та политическая действительность и те идеи, в среде которых пришлось действовать Петру. Он, конечно, не был теоретическим мыслителем, отвлеченные теории ему не давались, он с трудом их усваивал. Но, обладая живым, любознательным и проницательным умом, он не мог не присмотреться во время своих странствований по Европе к западноевропейской политической действительности и не мог остаться глух к западноевропейским политическим идеям. Ведь идеи имеют свойство как бы носиться в воздухе и заражать собою хоть немного восприимчивые умы. Петр, разумеется, не оставил после себя цельной и стройной системы, но он весь был пропитан политическими идеями своего времени. Правда, отвлеченное в этих идеях не давалось ему. Будучи практическим дельцом по преимуществу, он не занимался теорией происхождения государства, но то, что было практического в этих идеях, он хорошо усвоил. Он очень ясно выразил свой взгляд на общее благо, как на цель государства, и на верховную власть, как на средство, ведущее к этой цели. В своей ответной речи на торжестве 22 октября 1721 г. он, указывая на предстоящие после войны задачи правительственной деятельности, между прочим, заметил, что теперь, когда окончилась война, его задачей является «трудиться о пользе и прибытке общем». Этими словами он выражает ту же мысль, какую проводили и философы.

При нем верховная власть, как средство для достижения этой цели, получает новое значение. Она становится более отвлеченной: люди XVII в. смотрели на верховную власть слишком конкретно. Они отожествляли государство с личностью государя, для них эти два по-

нятия были неразрывны. Московское государство XVII в. есть еще вотчина, населенная разного рода крепостными, а государь — вотчинник этой вотчины, хозяин в этом большом хозяйстве. При Петре эти два понятия: государство и государь расчленяются и становятся отдельными, и верховная власть теряет эти вотчинные свойства: она становится государственным учреждением, с характером строго государственного, а не частного права.

Перемена в положении верховной власти выражалась не только в этих внешних формах, она сказывалась также и в самом законодательстве. Законодательство Петра Великого отличается от законодательства предыдущего времени двумя чертами. Первое отличие его состоит в том, что оно является всеобъемлющим, оно касается всех сторон жизни подданного. Судебники и Уложение Алексея Михайловича содержат главным образом процессуальное право; материального права в них очень немного. Государство XVI и XVII вв. ставит себе немногие задачи: оно берет на себя внешнюю оборону, обеспечивает внутреннюю безопасность и собирает средства для этих двух целей. В этом и заключается его деятельность; оно почти не вмешивается ни в общественную, ни в частную жизнь подданных. Для людей того времени в законодательстве не было нужды, у них была сила, на которую они всегда опирались, и этой силой был обычай. Московское государство жило обычаем, судьи судили в приказах, опиравшихся на обычаи, обычай руководил и частной жизнью человека: в сомнительных случаях он справлялся с тем, как указывал обычай, как повелось от предков. «Так повелось», и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить все сомнения и прекратить всякое колебание. «Так не повелось», и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этим основанием.

В XVIII в. на место обычая поставлен разум, который объявляет обычаю беспощадную войну, который

стремится изгнать его из всех сфер, который всю жизнь перестраивает на новый лад. Отсюда ясно, что закон, основанный на разуме, должен был определить все мельчайшие подробности не только общественной жизни, но и частной.

И вот законодательство Петра, как законодательство всех европейских государств того времени, охватывает жизнь подданных решительно со всех сторон. Правительство окружает подданных всеобъемлющим попечением: оно предписывает, как строить города, как строить дома в городах и деревнях, но не ограничивается постройкой жилищ, а шагает за его стены и определяет весь обиход частной жизни; оно указывает, какой внешний облик и какую одежду должен носить подданный, например, одни должны брить бороду и носить немецкое платье, другим — раскольникам — предписывалось носить длинные бороды и русское платье.

Таким образом, законодательство предписывало внешнее обличие и одежду подданных, но оно предписывало также и те науки, которым подданные должны были учиться. Дальше оно не ограничивалось тем, что брало на себя обучение, оно заведовало также и увеселениями. Тогда у государства не было средств для устройства общественных увеселений, поэтому оно вмешивалось в частные увеселения, например, был издан указ об устройстве ассамблей, подробно определяющий, как должен был держать себя хозяин, чем занимать гостей, в котором часу начинать, в котором кончать и т. п. Мало того, что государство вмешивалось в то, как люди должны веселиться, оно указывало также, как они должны лечиться. Петр сам пользовался за границей водами, надо было открыть такие и в России, и вот был открыт железистый источник в Олонецком краю, вода которого была объявлена целительной. Тотчас был издан подробный регламент о том, как надо было пользоваться этими

водами. Если больному случалось умереть, то и на такой случай были изданы правила: в каких гробах хоронить, как ставить на могиле памятник и т. п.

Словом, все решительно шаги подданного были строго определены законом: подданные все должны делать по указу, все должно быть «указным», как тогда выражались: жилища должны быть построены по указному плану, обитатели должны одеваться в указное платье, указным образом должны были веселиться, указным наукам учиться и указным образом лечиться, указным образом хорониться и указным порядком лежать в могиле, очистив предварительно душу покаянием в указные сроки. Государство заботится даже о загробной жизни, наблюдая за тем, чтобы подданные ежегодно исповедывались и причащались. Оно не стеснялось даже предписывать правила поведения для тех церковных иерархов, которые облечены были особенною благодатью Святого Духа: вышел закон о том, как должны были держать себя архиереи во время службы — «упражняться в богомыслии и посторонних докладов не принимать».

Таким образом, законодательство охватило подданного со всех сторон его жизни и окружало его всеобъемлющей и самой тщательной опекой. Этот всеобъемлющий характер законодательства Петра — одна его черта. Вторая черта — это те средства, которые имеет в виду законодатель для исполнения своих законов. До Петра известно было одно средство — угрозы и наказание: законодатель действовал, как суровый педагог, рука которого постоянно вооружена кнутом и плетью. Откройте Уложение, на каждом шагу вы увидите там слова: «а буде которые люди учнут делати то-то и то-то, и тех людей казнить без всякого милосердия», или «бить нещадно». Законодательство Петра также не скупится на угрозы, но оно рассчитывает и на другие способы исполнения своих законов: оно стремится повлиять на разум поддан-

ного. Вот почему Петр приводит к каждому своему закону мотивы, причем эта мотивировка разрастается иногда в целые политические и естественнонаучные трактаты. Петр стремится прежде всего подействовать на рассудок подданного и только в случае неуспеха обращается к угрозе. В каждом из его указов непременно встречаем союз «понеже», которым начинается мотивировка закона. Эта неважная часть речи — союз «понеже» — знаменует собою очень важный момент в развитии русской личности. Вместе с отменой обычая писаться уменьшительными именами и земных поклонов при встрече с государем, появление этой частицы в тексте законов показывает новые отношения, в которые верховная власть стремится стать к управляемому обществу, рассчитывая на сознательное, разумное исполнение закона, ради его разумных целей, а не на рабское подчинение из-за страха плети. Когда Петр пишет указ, он непременно резонирует. Иногда мотивировка указов разрастается в целые поучения, в которых излагаются политические, юридические и даже естественнонаучные теории. Приведу примеры этого законодательства. Петр не раз издавал указ о том, чтобы никто не обращался с просьбами лично к государю, не подав прошения в установленных учреждениях и не пройдя всех инстанций. Вот как начинается один из таких указов: «Понеже челобитчики непрестанно е. и. в-ву докучают о своих обидах, везде, во всяких местах, не дая покою; и хотя с их стороны легко рассудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна: но притом каждому рассудить же надлежит, что какое их множество, а кому бьют челом, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всем известно есть. И хотя б и таких трудов не было, возможно ли одному человеку за так многими усмотреть? Воистину не точию человеку, ниже ангелу, понеже и оные местом описаны суть, ибо где присутствует, инде его нет». Указ о

собирании разного рода редкостей мотивирован таким образом: «Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так в зверской и птичьей случается, что родятся монстра, то есть уроды, которые всегда во всех государствах собираются для диковинки... но таят невежды, чая, что такие уроды родятся от действа дьявольского чрез ведовство и порчу, чему быть невозможно, ибо един Творец всея твари Бог, а не дьявол, которому ни над каким созданием власти нет»... Далее объясняются естественные причины происхождения таких человечьих, скотских, звериных и птичьих уродов.

Итак, Петр был воодушевлен идеалом «регулярного» европейского государства. Под этими словами он подразумевал государство, целью которого должно быть общее благо людей, средством для достижения этой цели должна служить сама верховная власть, окружающая подданных самой внимательной опекой. На себя Петр смотрит как на учителя своего народа,— «наш народ,— пишет он,— яко дети, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел — не все ли неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится» (П. С. З., № 4345). Эту обязанность учителя своего народа он доводил до высокой обязанности жертвовать за свой народ своею жизнью. Известны блестящие слова прусского короля, Фридриха II — «король есть первый слуга своего отечества». Но когда Петр Великий говорит в письме к сыну: «Я за свое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею», он высказывает ту же самую мысль, только не в таких блестящих выражениях.

М. Богословский

ПЕТР-ПИСАТЕЛЬ

Когда Петр В. в 1724 г. редактировал перевод книги Гохберга о сельском и домашнем немецком хозяйстве, то, возвращая исправленный перевод, дал переводчикам такое наставление: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит; но и вышереченный разговор, чтоб не праздной ради красоты и для вразумления и наставления о том чтущему было, чего ради о хлебопашестве трактат выправил (вычерня негодное) и для примера посылаю, дабы по сему книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют». Правил, изложенных в этом наставлении, Петр всегда держался сам: все, написанное им самим, чрезвычайно кратко, сжато, но в то же время ясно и определенно. Сказав однажды своему кабинет-секретарю Макарову: «Надлежит законы и указы писать ясно,

дабы их не перетолковывали», он и в личной переписке всегда следовал этому правилу. Писал Петр I много, и, например, одна его переписка, еще далеко не обработанная вполне, обнимает уже в печатном виде несколько томов[1], а, кроме того, ему принадлежит громадное количество собственноручных указов, реляций, резолюций, предисловий или заключений к различным книгам, корректурных поправок[2] и т. п. И все это разнообразие литературного материала объединено одним стилем, одним направлением. По отношению к Петру как нельзя более приложимо выражение: le style c'est l'homme; он весь тут, в своих писаниях: необыкновенно энергичный, вечно подвижный, порывистый, постоянно спешащий и торопящий других, практик-делец, не склонный к общим рассуждениям, жадно хватающийся за все новое, мастер на все руки. Все это и дало Тихонравову полное основание сказать[3], что правильная оценка литературы времени Петра невозможна «без того, кто стоял в центре ее, заправлял ею, кто сам поправлял ведомости, церковные службы, выбирал для перевода, писал программы для руководств, указывал идеи, которые следовало распространить посредством печатного слова, т. е. самого царя». «Взглянем,— говорит он,— хотя на ту литературу, которая развилась в течение великой Северной войны,— на проповеди, школьные драмы, объяснения триумфальных врат, издававшиеся для всенародного торжества, на первые опыты публицистики, даже ектении на супостатов, церковные службы: какое единство мысли, направления, даже образов! Чувствуешь, что сокровенные нити всех этих произведений сходятся в

[1] *См.* «Письма и бумаги имп. Петра В.», т. I–V, СПб., 1887–1907 гг. «Сборник русского истор. общества», т. XI. «Письма русских государей», ч. I. М., 1861 г.

[2] *См.* Пекарский. «Наука и литература в России при Петре В.», 2 т.

[3] Сочинения, т. I.

твердых руках одного человека, глубоко убежденного в правоте своего дела и не любящего диссонансов».

I

За свою жизнь Петр написал несколько тысяч писем. Нет ни одного сколько-нибудь важного события его царствования, которое бы не нашло себе места в его переписке; у него, по-видимому, была постоянная потребность делиться всеми новостями со своими отсутствующими сотрудниками, которых он не хотел оставлять в неведении относительно себя и всего, происходящего с ним. С другой стороны, сам первый слуга государства, он держал в своих руках все нити управления, во все входил, всем руководил. Читая письма Петра, положительно удивляешься его необыкновенной памяти: какое громадное количество фактов, имен, цифр и т. п. он был способен удерживать в своей голове! В какие мелочи хозяйственных распоряжений он мог входить: все он предусмотрит, всему назначит цену, укажет точно количество необходимых ружей или пудов муки! Отсюда масса писем Петра чисто делового характера. Одно перечисление того, о чем Петр писал своим корреспондентам, заняло бы несколько страниц, поэтому мы ограничимся лишь указанием известного преобладания тем в различные эпохи его царствования, поскольку об этом можно судить по приведенным пока в известность письмам преобразователя.

До 1700 г. главное внимание Петра было обращено на юг, к Азову и Азовскому морю, все стремления были направлены на устройство флота. Эти вопросы и составляют главное содержание его писем до 1700 г. О заграничном путешествии 1697–1698 г. (которому велся особый «юрнал») писем мало – по крайней мере, до нас их

мало дошло, и из них мы немного можем узнать о его жизни за границей; главное внимание в них уделяется вопросам судостроения. С 1700 г. вся энергия Петра, все его силы были обращены на борьбу со Швецией; перипетии этой борьбы и составляют главное содержание его писем, начиная с этого года; первые годы его немало озабочивал и флот, но по мере того, как Петр укреплялся на берегах Балтийского моря, а война становилась все более сухопутной, заботы о флоте отступают на второй план перед заботами об устройстве сухопутного войска. Одновременно с этим Петр в своих письмах руководит всеми дипломатическими сношениями и все чаще и чаще затрагивает вопросы финансовые (главным образом в письмах к Курбатову). В последние годы войны, когда исход ее был уже в сущности предрешен, внимание Петра все более и более привлекают вопросы внутреннего управления. В связи с заботами Петра о флоте, армии и внутреннем управлении стояли заботы о вызове из-за границы мастеров по разным специальностям, и целый ряд его писем к русским и западно-европейским корреспондентам посвящен именно этому вопросу. Но при всем этом Петр находил время и возможность писать о разведении клубники в Азове, о высылке цветов, огородных семян и китайских печей в Петербург, об устройстве фонтанов, о предстоящем затмении и необходимости разъяснить его значение народу, о незначительных путевых впечатлениях и т. д. Какая для всего этого нужна трудоспособность, какая память, какая работа нервов!

Все письма Петра носят на себе отпечаток делового характера их автора; так, Петр прежде всего в письмах указывает, когда чьи письма он получил, а потом немедленно переходит к делу, которое в данный момент его занимает или требует разрешения; в конце письма Петр обязательно делает пометку относительно того, когда и где данное письмо написано. Сообщая о своих делах или

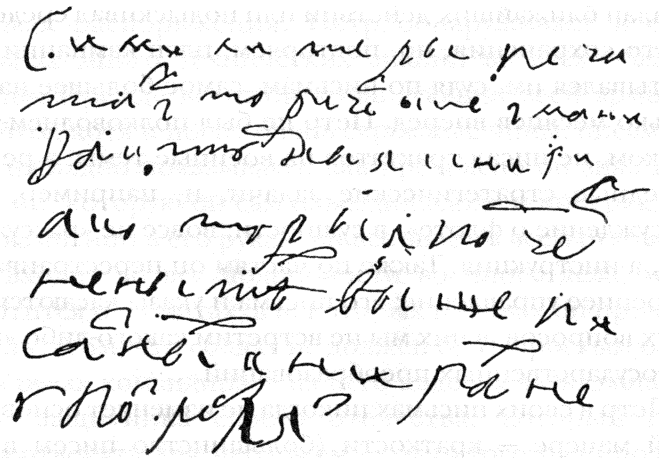
отдавая распоряжения, Петр обнаруживает в своих письмах много технических знаний во всех областях жизни. Прежде всего он командующий всей армией и флотом, хотя и носит очень скромные чины; письма Петра наглядно показывают, как прекрасно он знал карту России, которую он сам изъездил вдоль и поперек; весь ход кампании в его руках, он все знает и всем руководит. Он входит во все подробности военного дела, много заботится о солдатах; в некоторых письмах он проводит мысль о том, что солдат не должен быть простым орудием в руках командира — из него надо сделать сознательного защитника своего отечества, который готов пожертвовать для него всем, а для этого надо поднять нравственное достоинство солдата. Эта мысль нашла потом свое выражение, например, в Морском уставе.

Но в то же время на Петре лежала и вся тяжесть внутреннего управления; в какие мелочи он тут входил и какие знания обнаруживал, показывает, например, его инструкция Лефорту, Головину и Возницыну (в марте 1697 г.) о найме мастеров за границей и о всевозможных покупках; в его наставлениях виден опытный и бережливый хозяин. Петр не любил общих рассуждений, и потому не затрагивал в своих письмах общих вопросов; лишь в немногих письмах к сыну он касается, например, общих политических вопросов, высказывая при этом свою любимую мысль о том, что государь есть первый слуга государства. Делец и практик, Петр ставил себе всегда ближайшую, очередную задачу и к достижению ее стремился со всей свойственной ему энергией, но он как будто мало заглядывал в будущее, не загадывал о нем; поэтому в письмах Петра мы не найдем плана Северной войны или проекта внутренних реформ. Для Петра была ясна конечная цель войны — «ногою твердой стать при море», но он не забегал вперед, не строил планов и сложных комбинаций; в зависимости от хода дел он или ме-

нял план ближайших действий или подыскивал средства для его сохранения, но, повторяем, план кампании вырабатывался им, судя по письмам, самое большее на несколько месяцев вперед. Петр не был полководцем-теоретиком, не писал трактатов на военные темы, а решал очередные стратегические задачи, и, например, его «Рассуждение о флоте», в сущности, вовсе не «рассуждение», а инструкция. Также по частям он перестраивал и внутреннее управление: его письма и указы касаются частных вопросов, в них мы не встретим какого-либо «плана» государственных преобразований.

Петр в своих письмах никогда не изменяет основной своей манере — краткости (большинство писем в несколько строк), ясности и деловитости тона: пишет ли он о поражении, извещает ли о победе, везде он остается верен себе; в письмах первого рода нет и признаков какого-либо уныния, и за кратким извещением о постигшем несчастии сейчас же следует какое-либо очередное распоряжение или просьба о присылке чего-либо; в письмах второго рода мы не встретим ни хвастливости, ни заносчивости, в них нет фальшивого, приподнятого тона, которым часто грешат письма подобного рода. Доказательством этого служат, с одной стороны, например, письма Петра от 30 ноября и 5 декабря 1700 г., писанные по поводу Нарвского поражения, а с другой — письма от 27 июня 1709 г. о Полтавской победе. И несчастия, и победы Петр приписывал воле Бога, а потому и не роптал, и не хвалился. Составляя, например, 16 августа 1724 г. программу для торжества Ништадтского мира, Петр писал[1]: «Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать о всем празднике следующую: 1) неискусство наше во всех делах. 2) А наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и

[1] Везде мы сохраняем орфографию подлинников.

Автограф Петра Великого

своего состояния, начали, как слепые. 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в историях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас. 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и Турков подвигли на нас. 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов, а особливо, чтобы нас не допускать до света разума, во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели, но яко бы закрыто было сие пред их очесами. Сие поистине чудо Божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией. Сие пространно развести надлежит, а сенсу довольно». Это религиозное чувство Петра не покидало его и в моменты личных несчастий, причем и о последних он писал так же просто и кратко, как и о делах государственных. Сообщая, например, Ф. М. Апраксину о смерти матери, он писал ему 29 января 1694 г.: «Беду свою и последнюю печаль *глухо* (курсив наш) объ-

являю, о которой писать рука моя не может, купно же и сердце. Обаче воспоминая апостола Павла, «яко не скорбсти о таковых», и Ездры, «еже не возвратити день, иже мимо иде», сия вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чем и сам подлинно видал), аще поелику возможно, рассуждаю, яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу (вероятно, пропущено: «так угодно»). Аминь. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу... I. Посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля»... и т. д. Такие быстрые переходы от одной темы к другой, от одного настроения к другому вообще характерны для писем Петра: начатые в сухом, официальном тоне, они часто становятся в конце дружескими и шутливыми; спокойная в начале речь вдруг заканчивается какой-либо гневной тирадой. Тут сказывалась живая, экспансивная натура царя, который не бывал долго во власти одного настроения, одного чувства.

Не забывавший за личными несчастиями дел государственных и потому «глухо» сообщавший о них своим друзьям, Петр не обнаруживал склонности к пространным душевным излияниям и по поводу их несчастий. Так, тому же Апраксину он писал 21 октября 1702 г. по поводу смерти его жены лишь следующее (да и то в конце делового письма): «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали; уповай на Бога. Что же делать? И здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутца». Но это не обозначало черствости Петра (ее нет и в приведенных строках): он только всегда личные интересы — свои и чужие — приносил в жертву общим интересам, а потому последним уделял больше внимания, чем первым; как человек практического склада, он больше думал о живых, чем о мертвых. Друзья Петра знали это, и тем больше ценили всякое малейшее проявление внимания к их личным делам со стороны царя.

Простой в личных отношениях, Петр был очень прост и в переписке. Читая ее, не чувствуешь, что это царь пишет к своему подданному; получается впечатление, что переписку ведут обыкновенные люди, занятые одним большим и важным делом, которое стоит у них на первом плане. Эта простота сказывается как в общем тоне и характере писем, так и в их внешнем облике. «На подписях,— писал однажды Петр Апраксину,— пожалуй, пишите просто, также и в письмах, без великаго»; в другой раз он упрекал Апраксина за то, что тот писал «с зелеными чипами, чего не люблю, а тебе можно знать, для того, что ты нашей компании, как писать». Обращения Петра в заголовках писем очень кратки и просты: Her, Мудер. S. Grotvader, господин, генерал, Her Admiral и т. п. Лишь в письмах к родственникам он бывал пространнее в обращениях: «Многомышленная тетка и матка (так он называл Екатерину), здравствуйте!» или «Катеринушка, друг мой, здравствуй», да в письмах к Меншикову обычные сухие, официальные обращения заменяются такими, как «мейн герценкин» (с надписью иногда на конверте: «отдать Алексаше»), «мейн липъсте фринт» и т. п.

Петр редко изменял основному тону своих писем — деловитому, простому, но в то же время и несколько сухому. Лишь в немногие минуты отдыха он позволял себе повеселиться, и тогда письма, написанные в эти моменты, полны юмора и остроумия — хотя и грубого. Так, например, 24 марта 1706 г. Петр писал Меншикову из Петербурга: «Сего дни по обедни первое были в вашем дому и разговелись, и паки при скончании сего дня паки скончали веселие в вашем дому. Воистинно, слава Богу, веселы, но наше веселие без или от вас, яко брашно без соли.— Лизет Даниловна (любимая собака Петра), лапку приложа, челом бьет. К сему же приписались: Смиренный Мисаил Казанский и Свияжский... Протодиакон

Петр» и т. д. В ноябре того же года после известия о Калишской победе он писал Меншикову: «Уже сей третий день, как празднуем и ныне станем в вашем доме обедать и про ваше здоровье пить; мочно знать и по письму... Писано в вашем доме, принося жертву Бахусу довольную, а душею Бога славя». Юмористическая нота звучит иногда и в письмах Петра об одержанных им победах. Так, в одном из писем он сообщает, что прибывшая артиллерия будет отдавать шведам «контр-визит»; жене он в августе 1708 г. писал: «Правда, что я, как стал служить, такой игрушки не видал; однакож, сей танец в очах горячего Карлуса изрядно стонцовали; однакож больше всех попотел наш полк»; в сентябре 1722 г. Петр прислал из Дербента сенату шутливую реляцию; в ней сообщалось, например, что во время следования из Астрахани корпуса под начальством генерал-майора Кропотова «дорогою все видели смирно, и от владельцев горских принимаемы приятно лицом (а сия приятность их была с такой их воли, как проповедь о Божестве Христове реченное, что нам и тебе Иисусе Сыне Бога живого)». Неприятель атаковал в первый раз 19 августа, «которому гостю зело были рады (а особливо ребята, которые свисту не слыхали) и, приняв, проводили его кавалерию и третьею частью пехоты до его жилища, отдавая контр-визит, и побыв там для увеселения их сделали из всего его владения фейерверк для утехи им (а именно: сожжено в одном его местечке, где он жил, с 500 дворов, кроме других деревень, которых по сторонам сожгли 6)»... Зато в момент гнева Петр был грозен и груб, всякое неповиновение или нарушение приказа вызывало жестокую кару с его стороны. Письма отразили и эту черту его характера. Дурак, дурость, плут, скот — вот обычные слова в письмах, написанных в состоянии гнева; «смотри, шеею заплатишь» — вот обычная угроза в них. В письме к кесарю кн. Ромодановскому от 22 декабря 1699 г. он сделал такую

приписку: «Зверь! Долго ль тебе людей жечь? И сюды раненые от вас приехали. Перестань знатца с'Ывшкою[1]: быть от него роже драной», а Мусину-Пушкину 18 июня 1707 г. он писал: «Зело удивляюсь тебе, понеже я чаял, что есть ум в вас, а ныне как вижу, что скота глупее». Но гневом своим Петр преследовал не личных врагов, а нарушителей общего блага; чувство личной мести ему было чуждо. В этом отношении характерен совет, который Петр дал кн. В. В. Долгорукову в письме от 7 мая 1708 г. по поводу Булавинского бунта: «Еще вам зело надлежит во осмотрении иметь и с теми, которые воровству Булавина не пристали, или хотя и приставали, да повинную принесли, чтоб с оными зело ласково поступать, дабы (как есть простой народ) они того не помнили, что ты станешь мстить смерть брата своего[2], что уже и ныне не без молвы меж них, чтоб тем пущево чего не учинить»...

Что касается грубости Петра, то она проявляется не только в письмах, вышедших из-под его пера в минуту гнева; мы найдем ее и в других письмах, но только эта грубость иного рода — это грубость чувств, грубость всех житейских отношений; она ясно выступает, например, в его письмах к жене. Он касается в них таких интимных вопросов жизни и касается так грубо, что такие выражения в письмах, как: «Довольно у матки быть и одной тетки, а другую зачем черт принес» или (письмо из-за границы от 19 сентября 1711 г.): «А мы, славу Богу, здоровы, только с воды (Петр лечился на водах) брюхо одуло, для того так поят, как лошадей» — кажутся вполне литературными оборотами.

По своему построению речь Петра в его письмах по большей части очень проста, но иногда он разнообразит

[1] Тут игра слов: «знаться с Ивашкой, т. е. с Хмельницким» — значит быть под хмелем, пить водку.

[2] Брат кн. Долгорукова был убит в 1708 г. на Дону, в походе против Булавина и Некрасова.

ее пословицами — русскими и иностранными, или какими-нибудь образными выражениями; в них, правда, нет поэзии (как нет ее и во всем, что вышло из-под пера Преобразователя), но зато много силы и меткости. В этом нельзя отказать, например, таким выражениям: «Увяз швед в Польше», «Борис Петрович (Шереметев) в Лифляндах гостил изрядно довольно», «въехать в рот неприятелю», «Сею доброю ведомостию[1] (что уже крепкая падушка Санкт-Питербурху устроена чрез помощь Божью) вам поздравляю». Иногда он прибегает к игре слов: «знаться с Ивашко Хмельницким», «Нарву, которою 4 года нарывала, ныне, слава Богу, прорвало» и т. п. Но вообще оборотов витиеватой, тем более церковной речи в письмах Петра мы найдем немного. Он делает, правда, иногда цитаты из священного писания (они попадаются иногда в письмах шутливого характера), но лишь в немногих письмах к патриарху Адриану можно отметить наличность несколько напыщенного, торжественного тона; в этом случае он, по-видимому, считался с личностью адресата, и делал уступку старине. Но вообще значительной разницы в слоге его писем в зависимости от личности адресата незаметно.

Язык писем Петра носит на себе следы сильного влияния Запада. Сближение с Западной Европой, начавшееся у нас еще до Петра и быстро двинувшееся вперед при нем, его личные путешествия за границу, близкое знакомство с иностранцами, жившими в России,— все это ввело в язык Петра много иностранных слов: голландских, немецких, польских, шведских, французских и проч. Конечно, многие слова были необходимостью, так как обозначали понятия, незнакомые еще России, и потому не имевшие соответствующих русских слов;

[1] О взятии Выборга.

таковы хотя бы слова, относящиеся к морскому и сухопутному военному делу. Без них, конечно, язык Петровской эпохи обойтись не мог. Но Петр часто прибегал к иностранным словам без всякой необходимости: он, например, никогда не писал: «одержана победа», а «одержана викътория»; вместо слов: сражение, ответ, величие и т. п. он употреблял «баталия», «респонс» или «антвортен», «моестат»; довольно часто он употреблял имена римских и греческих богов, иностранные слова переделывал на русский лад и проч. Но не видно, чтобы он делал это нарочно и даже сознательно, по-видимому, это выходило как-то стихийно; Петр брал первые попавшиеся слова, если они были к месту, и действительно, часто прибегая к иностранным словам, он не избегал церковно-славянских и народных, русских; такие слова и обороты, как: «чаю», «нетчик», «побей челом», «аз», «рещи», «паки», «вяще», «точию», «животы отписывать», «прибирать солдат» и т. п.— встречаются у него сплошь и рядом. Как справедливо говорит А. Н. Пыпин[1], «кипучая натура Петра требовала прямого дела: чтобы назвать вещь, выразить мысль, он не терял времени на приискание слов, брал первое, русское или иностранное (как он мало придавал значения национальности своих сотрудников, прибавим мы, всякий находил у него место, если делал дело), писал всегда кратко и реально, и часто чрезвычайно метко: в его писаниях найдется много слов иностранных, но много также ярких образчиков народной речи». Что касается количества иностранных слов в письмах Петра, то при имеющихся теперь данных (пока не приведена в порядок вся переписка Петра) нельзя сказать, увеличивалось оно с течением времени или нет, но тот материал, который находится в нашем распоряжении, позволяет

[1] История литературы, т. III, стр. 271.

[1]
Изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ.
Дано Лета Божія 1710. Февраля въ 29 день

Русская азбука с поправками Петра Великого

ответить на этот вопрос отрицательно; по крайней мере незаметно увеличение количества слов общего характера.

Отразила на себе характер Петра и орфография его писем. Не изучивши ее в детстве, он не имел потом возможности и времени изучить ее и, по-видимому, мало придавал ей значения; лишь бы мысль была выражена точно и понятно, а орфография — дело второстепенное. Одни и те же слова пишутся Петром различно: «зѣло» и «зело», «провиантъ» и провиянтъ», «ѣхать» и «езда» и т. д.; в одних случаях в предложном падеже един. ч. ставится на конце ять, а в других не ставится: «по дѣле» и «о выходѣ», «по вѣсне» и «о хлѣбѣ» и т. д.; во многих словах Петр, по остроумному выражению проф. Ключевского, «то и дело между двумя согласными подозревает букву ѣ», причем он ставит ее даже в словах иностранных; так он писал: «упъровълять», въстретиѳъ», «ѳакъция», «ѳринъть» и т. п., но иногда слова того же корня пишутся им и без этой буквы; кроме того, он иногда совершенно напрасно «подозревает» в словах букву ѣ, и потому пишет: линѣя и т. д.; многие слова он писал по выговору, иностранные слова — русскими буквами (образцы были приведены выше). Факсимиле, воспроизводящие пись-

ма Петра, показывают, что писал он быстро, небрежно, иногда не разделяя слов, во многих словах пропущены буквы; почерк крупный, размашистый. чувствуется большая торопливость, когда слова не поспевают за мыслью, и Петр, действительно, постоянно торопился и торопил других, постоянно требуя в письмах от своих «птенцов» быстроты и решительности.

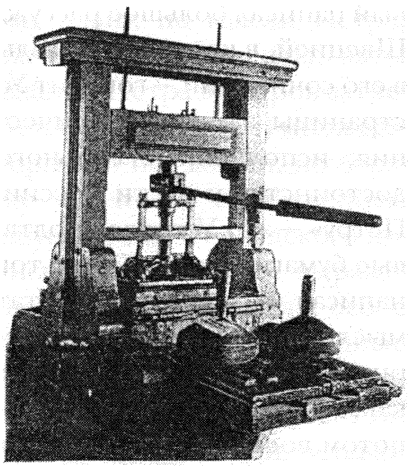
Таков в общих чертах Петр как писатель в его личной переписке.

II

Но, говоря о Петре как писателе, надо иметь в виду, помимо его переписки, и то, что хотя он не написал ни одной ученой книги, но многие сочинения (книги), вышедшие при нем, носят на себе печать работы преобразователя, и деятельность Петра-редактора была настолько важна и разносторонна, что без рассмотрения ее его характеристика, как писателя, была бы далеко не полна. Из массы оригинальных русских книг, вышедших при участии Петра, мы выделим, прежде всего, книги исторического и духовного содержания, которыми он особенно интересовался.

Петра рано стали занимать вопросы истории, и он уже в 1708 г. дал через Мусина-Пушкина поручение Поликарпову написать русскую историю от начала царствования Василия III до последнего времени. Для образца Поликарпов должен был составить историю первых пяти лет в двух редакциях: краткой и пространной. В 1712 г., напоминая Поликарпову об этом поручении, Мусин-Пушкин писал ему: «понеже его царское величество желает ведать Российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государств, понеже о сем много писано. И того

ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и приводить в согласие». Таким образом, Поликарпову была поставлена вполне ясная цель и указаны источники работы. Но труд Поликарпова, представленный в 1715 г., не удовлетворил Петра.

Печатный станок Петра Великого (Синодальная типография)

Еще до представления труда Поликарпова, в 1713 г. Петр, как свидетельствует Устрялов[1], «пересмотрев, исправив и дополнив подробностями журналы осады крепостей и реляции замечательных сражений от покорения Нотебурга до битвы при Гангуде», приказал их напечатать под названием «Марсовой книги». Один из «юрналов», которые легли в основу этой книги, именно «Юрнал или поденная роспись, что под крепостью Нарвою чинилось 1704 г.», написан был весь рукою Петра I, а другие — правлены им. Но так как в «Марсовой книге» говорилось почти исключительно об одних победах, не указывалось начало войны, не выяснялся ее общий ход и т. д., то Петр задумал через 2 года более обширное сочинение по иному плану. «Написать о войне, как зачалась, и о правах по случаях, как и кем делана», записал он в 1715 г. За работу по этому плану взялись Шафиров и Прокопович. Пер-

[1] «Об исторических трудах Петра В.». Акт в СПб. университете в 1845 г.

вый написал большое рассуждение о причинах войны со Швецией, в котором оправдывал Россию и Петра. «Есть в его сочинении,— говорит Устрялов,— и красноречивые страницы, заметные величественной простотой изложения, исполненные сильного, благородного чувства к достоинству и чести России: они принадлежат самому Петру» — это Устрялов подтверждает ссылкой на черновые бумаги Петра. Кроме того, к труду Шафирова Петр написал «заключение к читателю», в котором проводил мысль о необходимости довести войну до конца и не мириться до полного завоевания Балтийского моря, так как, не добившись теперь своего, мы будем вынуждены потом воевать снова. Проредактировав книгу Шафирова, Петр напечатал ее. Но сочинением Феофана Прокоповича, писавшего историю его царствования, Петр был не доволен: Прокопович говорил почти исключительно о войне, сделал много ошибок и пропусков, слишком льстил и хвалил. Ввиду этого Петр приказал кабинет-секретарю Макарову собирать материалы. Подлинные журналы походов, донесения и т. п. После, в 1721 г., Петр назначил даже один день в неделю (субботу) именно для занятия историей. За $3^1/_2$ месяца до смерти он писал: «Вписать в историю, в которое время какие вещи для войны и прочих художеств и по какой причине или принуждению зачаты, например, ружье, для того, что не стали (шведы) пропускать, також и о прочих». Таким образом, по-видимому, он хотел с военной историей соединить и историю внутреннюю. Это намерение еще яснее высказано им в одной записи 1722 г.: «Вписать в историю, что в сию войну сделано, каких тогда распорядков земских и воинских, обоих путей регламентов (т. е. сухопутных и морских) и духовных; також строения фортец, гаванов, флотов корабельного и галерного, и мануфактур всяких, и строения в Петербурхе и па Котлине, и в прочих местах». К истории, напи-

санной по такому широкому плану, по мысли Петра, должны были быть приложены все документы, акты и т. п. В исполнение этих желаний Петра Макаров затребовал от разных лиц (даже от пленных шведов) множество сведений и справок, которые до нас дошли, но справиться с поставленной ему задачей — составлением истории — не мог. Петр, вернувшись из Персидского похода, переделал всю рукопись Макарова: «все выражения велеречивые, в особенности относившиеся к особе его, исключил, обороты растянутые сжал; нескладные фразы исправил», добавил много подробностей (Устрялов). Но он не удовлетворился ни этой редакцией, ни несколькими последующими. Исправления и вставки Петра показывают, что он не хотел скрывать неудач, ошибок и потерь. О Нарвском сражении он писал, например, что эта битва была «яко младенческое играние, а искусства ниже вида; разбитое войско пошло в свои границы в конфузии, полки можно было собрать только в Новгороде; несчастие было так велико, что оно казалось гневом Божиим, и вся надежда поправить его, повидимому, исчезла». Не замалчивалась и неудача на Пруте: «Зашли в землю, где полки ни единого сухаря не имели, к тому же и о неприятеле слишком легко рассуждали; со всех сторон были окружены, нельзя было ни ретироваться, ни стоять на месте; пришло до того, или выиграть, или умереть, и если бы турки послушали совета короля шведского, тоб крайнюю беду принесло. Одно милосердие Божие избавило от такого отчаянного случая». Силы врагов Петр исчислял очень осторожно: на вопрос Макарова, сколько было шведов при Нарве, он написал в докладе: «подлинно неизвестно, понеже их офицеры после недавно сказывали, иные 12 000, иные больше, а иные только 8000». О своем участии в войне Петр говорил очень скромно. Слова Макарова, что в битве под Полтавой «государь свою храбрость, велико-

душие и воинское искусство, не опасаясь никак страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал», он заменил такими: «за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал, как доброму приводцу надлежит».

Затем в 1722 г. Петр поручал сенатскому обер-прокурору Григорию Скорнякову-Писареву составить какой-то летописец, а в 1723 г. несколько раз приказывал работать над русской историей барону Гюйссену. В связи со всем этим стоят распоряжения Петра губернаторам и духовному ведомству о том, чтобы «во всех монастырях и епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, такожде и исторические рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать... и те переписные книги прислать в сенат».

Петр придавал важное значение также религиозным вопросам; будучи человеком верующим, он разорвал во многом со стариной и был чужд религиозной исключительности. С другой стороны, враг ханжества и лицемерия, Петр приложил много усилий к тому, чтобы сделать религиозную истину доступной народу в чистом, неизвращенном виде. Отсюда его участие в издании книг религиозного содержания. Так, например, в 1720 г. по его приказанию было издано для народного употребления «первое учение отроком, в ней же буквы и слоги; также краткое толкование законного десятисловия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств». В 1723 г. велено было читать эту книгу Великим постом в церквах, вместо творений Ефрема Сирина и Соборника. Кроме того, Петр думал еще о составлении Катехизиса, о чем он отправил 19 апреля 1724 г. собственноручную записку в Синод: «Святейший Синод! Понеже я разговорами давно пробуждал, а ныне письменно, дабы краткие поучения людям сделать (понеже ученых проповедников зело мало имеем), также сделать книгу, где изъяснить: что непременный закон Божий, и что советы,

и что предания отеческие, и что вещи средние, и что только для чину и обряду сделано, и что непременное, и что ко времени и случаю применялось, дабы знать могли, что в каковой силе иметь.— О первых кажется мне, чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на-двое: поселяном простее, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется. В которых бы наставлениях — что есть прямой путь? истолкован был, а особливо Веру, Надежду и Любовь: и о первой, и о последней зело мало знают и не прямо что и знают; а о средней и не слыхали, понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, в них же строение церквей, свечи и ладон. О страдании Христовом толкуют только за один первородный грех, а спасения делами своими получат, как вышеписано.— О втором же, чтобы книгу сочинить, мне кажется, не лучше ль оную катехизисом, к тому и прочие вещи последовательно, что в церкви обретается, внесть с пространным толком; також приложить: когда, и от кого, и чего ради в церковь что внесено».

Затем в 1722 г. Петр поручает Кантемиру написать книгу о магометанской религии, а для «Духовного регламента» сам редактирует предисловие и присягу для членов Синода, причем в манифесте 9 февраля 1721 г. об установлении Синода ему принадлежит наиболее сильное возражение сторонникам патриаршества: он писал, что Синод лучше «соборного правительства, понеже в единой персоне не без страсти бывает к тому ж не наследственная власть, чего ради вящше не брегут». Для борьбы с суеверием и ханжеством он хотел издать книгу против ханжей, и сам составил программу, в которой, указав поразив грехи против каждой заповеди, вывел заключение, что всеми заповедями осуждается лицемерие, хотя оно не в одной из них не названо по имени, и развивает эту мысль в применении к каждой заповеди.

По этой программе Феофан Прокопович составил задуманную Петром книгу о блаженствах, которая толковала 10 заповедей и имела целью бороться против тогдашних изуверов, выясняя сущность христианской веры. Прочитав эту книгу, Петр писал из Астрахани 13 июля 1722 г.: «Книгу о блаженствах я всю чел, которая зело изрядна и прямой путь христианский. Только надлежит предисловие сделать, в котором розные наши толкования неправые ханжевские все выяснить, дабы читающий перво свой порок узнал, и потом пользу и прямую и истинную. Також в конце силу всей книги зело короткую выпискою без толку (понеже оный уже выше писан) положить, дабы мог на память оное иметь, понеже всей книги на память не возможно иметь, и сочиня сие не печатать до возвращения нашего; також и того, что хотели исправить в исповедях»... В исполнение этого желания Петра к книге было добавлено «краткое собрание из книги сея, ради удобнейшего припамятования учиненное». Относительно предисловия к этой книге Петр написал следующее: «Впереди печатать: понеже многие пути спасения не ведают и звание свое ни во что ставят, но еще и суете всего мира, а не точию божию определению приписуют, что и пословица есть, кто постригжется, говорят: работал земному царю, а ныне пошел работать небесному. К тому же, ханжи толкуют разно: иные, ежели не покинешь мира и не будешь чернец — несть спасения; иные: надобно по вся дни всю службу церковную слушать, или и по две или и по три обедни на день. Иные, когда кому в путь ехать, наперед голоса в два ли три и более выговаривают церковную службу наперед, или многие поклоны и правилы, оставя врученное им дело или домоправление, делают, полагают в том спасение».

В чем Петр видел сущность христианской жизни, об этом свидетельствует еще его записка о монашестве,

к которому он относился неблагосклонно; рассмотрев происхождение монашества и его значение, Петр говорил, что монахи большею частью тунеядцы, и что корень всему злу — праздность. «Прилежат ли же разумению Божественного писания и учения?» спрашивает он. «Всячески нет. А что говорят: молятся, то и все молятся, и сию оговорку отвергает Василий святой. Что же прибыло обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть».

Наконец, Петр редактировал текст церковной службы по поводу празднования Ништадтского мира; по указаниям царя в нее были вставлены Гавриилом Бужинским целые фразы и песни, а кроме того, он сделал много других поправок, которые клонились к тому, чтобы сократить растянутость текста и исключить резкие выходки по адресу побежденных; так, например, против слов: «отрините гордость, свеяне (шведы), и не злобствуйте россианом: Бог бо их заступник», Петр написал: «отставить».

III

Таково было участие Петра в составлении и издании оригинальных русских сочинений по историческим и религиозным вопросам. В то же время при его участии выходят произведения и другого, очень разнообразного содержания. В 1703 г. Петр редактировал книгу: «Торжественные врата», которая объясняла аллегорические картины, изображенные на воротах, устроенных в Москве в 1703 г. по случаю побед этого года. В 1707 г. он приказал напечатать новым гражданским шрифтом азбуку и сам исправлял ее. В 1716 г. он собственноручно написал «Воинский сухопутный устав», причем в его рас-

поряжении были, по-видимому, уставы французский, английский, датский и шведский. В манифесте, который предшествовал уставу, Петр историческими примерами показывал необходимость регулярных войск: хорошо обученные войска у нас одерживали победы, например, при царе Алексее Михайловиче, наоборот, необученные войска, например, при Азове и Нарве, терпели поражения. «Того ради,— говорилось в манифесте,— будучи в сем деле самовидцы обоим, за благо изобрели сию книгу воинский устав учинить, дабы всякий чин знал свою должность и обязан был своим знанием и неведением не отговаривался. Еже через собственный наш труд собрано и умножено». И вообще надо сказать (на это указывают и другие приведенные выше примеры), Петр всегда старался печатным путем объяснить обществу цель и сущность принимаемых им мер. Затем в 1718 г. Петр пишет часть объявления, «каким образом асамблеи отправлять надлежит», дав начало и первые три пункта (всего их 7), а в следующем году редактирует «объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце» и пишет к нему указ. В 1721 г. он составил и напечатал «табель о рангах» по французским, прусским, шведским, английским и датским источникам, причем им было сделано такое примечание (в феврале этого года): «сие не публиковать и не печатать до сентября месяца, дабы еще осмотреться, ежели что переменить, прибавить или убавить, о чем надлежит в сенате во время сей отсрочки думать: так ли быть всем чинам или которые переменить и как? И свое мнение к сентябрю изготовить, а особливо о тех чинах, которые от ранга генерал-майора и ниже; также и о их жалованье, кому какое надлежит, против ли ранга служивых, которые с кем в одном классе, и меньше, також свое мнение на письме изготовить». Это примечание показывает, насколько Петр был осторожен и осмотрителен, как законодатель.

Одновременно с работой над «табелью» Петр целый месяц провел над составлением портового и адмиралтейского регламентов, отведя на это 4 дня в поделю и занимаясь иногда по 14 часов в сутки. Затем, когда Петр издал в 1722 г. указ о престолонаследии, то по его поручению была написана «правда воли монаршей» для объяснения мотивов принятого им решения, а в следующем году он сам написал сигнал для парусной флотилии и манифест о короновании Екатерины.

Вот наиболее важнейшие сочинения на русском языке, вышедшие при ближайшем участии преобразователя или даже им единолично написанные. Среди написанного самим Петром мы не найдем сочинений исторического, богословского, философского или какого-нибудь другого общего содержания — ни времени, ни знаний для таких сочинений у Петра не было; инструкция, устав, объявление — вот заголовки тех произведений, которые вышли из-под пера царя-работника, туг он чувствовал себя на твердой почве, был во всеоружии разнообразных практических сведений. Но не написавши сам ни одного ученого трактата, Петр В. понимал их пользу и значение, и потому принимал чрезвычайно деятельное участие в их сочинении. Так как оригинальных книг на русском языке было мало, то он постоянно делал распоряжения о переводе различных сочинений с иностранных языков, принимая в их редактировании самое близкое участие.

IV

Какие требования он предъявлял к переводу и переводчикам, отчасти уже видно из его наставления, проведенного в начале статьи. Дополним его взгляды на эти вопросы лишь следующим. 25 февраля 1709 г. он писал

Зотову о его переводе книги Блонделя: «Господин Зотов! Книгу о фортификации Манира Блопделева, которую вы переводили, мы оную прочли и разговоры (т. е. discours) зело хорошо и внятно перевсдены, но как учить оной фортификации делать? также в табеле не именовано, руты ли, или рауты? то зело темно и не понятно переведено, который лист переправя, вклеили в книгу, а старый вырезан. Притом же посылаем, где сами увидите погрешение и невероятность, и того ради надлежит вам в той книжке, которую ныне переводите, остерегаться в том, дабы внятнее перевесть и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сии выразумев, на свой язык уж так писать, как внятнее». Какие серьезные требования Петр предъявлял к переводчикам, это видно из его указа 23 января 1724 г.: «Для перевода книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных (под «художествами» Петр разумел математические, медицинские, военные и другие науки или знания), понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских или иноземцев, кои или здесь родились, или зело малы приехали, и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой». Благодаря таким заботам царя, переводы книг по его указам делались очень тщательно, с предисловиями и всякими пояснениями. Насколько при этом Петр уважал подлинник, об этом свидетельствует следующий случай. Когда Гавриил Бужинский представил царю свой перевод книги Пуффендорфа «Введение в историю», то Петр тотчас же начал его перелистывать с явным намерением отыскать там какое-то место. Не находя его, го-

сударь с гневом обратился к переводчику: «Глупец, что я тебе приказывал сделать с этою книгой?» — «Перевести»,— отвечал тот. «Разве это переведено? — возразил царь, указывая на статью о России, из которой был выпущен при переводе приговор Пуффендорфа о русских, не совсем лестный для национального самолюбия.— Тотчас поди,— прибавил Петр,— и сделай, что я тебе приказал, и переведи книгу везде так, как она в подлиннике есть».

Однако не следует думать, что Петр I предоставил своим подданным полную свободу печати. Придавая большое значение печати, он принимал меры к тому, чтобы она не стала средством оппозиции ему. Поэтому, с одной стороны, например, сообщая 26 февраля 1706 г. Головину о поражении саксонцев шведами, при чем погибло немало русских, он писал: «Вышереченное несчастие (паче же измену (Паткуля) своему королю) изволь объявить всем, но гораздо полехче, ибо уже тайна быть не может, а подлинно не большим (т. е. немногим) персонам»; а с другой стороны, монахам он запрещает в 1722 г. вести переписку без разрешения настоятеля, и велено было отбирать у них в кельях чернила и бумагу, для писания же отводить особое место в трапезной,— очевидно, после отмены патриаршества Петр опасался оппозиции именно со стороны монахов. В связи с этим стоят распоряжения 1720—1721 гг. По первому из них вольные типографии в Киеве и Чернигове подчинялись предварительной цензуре духовной коллегии, а второе гласило: «Аще кто о чем богословское письмо сочинит, и тое б не печатать, но первое презентовать в коллегиум. А коллегиум рассмотреть должно, нет ли какового в письме оном прегрешения, учению православному противного». Когда против реформ Петра стали появляться «пасквили», то авторов их разыскивали и сурово наказывали. Затем в 1721 г. был издан указ, по которому нужно было: «книги харатейные и старопечатные, у кого явились

и впредь по извету явятся в продаже, как в книжном ряду, так и в домах,— оные все взять к церковным делам и отослать на печатный двор, а вместо тех дать тем людям с печатного двора новоисправленные». Владельцы таких книг должны были дать подписку — «как харатейных, так и старопечатных» книг не продавать и в домах у себя не держать. А у кого и какие именно харатейные и старопечатные книги взяты будут, а потом в правительствующий сенат прислать доношение немедленно».

Количество книг, переведенных по приказам Петра с иностранных языков, было весьма значительно, а содержание их было очень разнообразно. По словам Пекарского, «переводы по приказаниям Петра у нас известны от детских почти его лет», и он указывает, что уже в 1685 г. была переведена по его приказу книга «художества огненная и разные воинские орудия ко всяким городовым приступам и к обороне приличные». Потом число этих переводов с каждым годом все увеличивалось. Переводились книги, преимущественно касающиеся военного, сухопутного и морского дела, а также книги по разным прикладным наукам, но было переведено немало книг исторических, политических, религиозных, географических и т. п. Назовем лишь некоторые из них, чтобы показать, насколько было разнообразно их содержание: «Дружеские разговоры Еразма ротердамского», «История Курция об Александре», «История о Кромвеле», «О изобретателях вещей», «О должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Архитектура цивильная», «Лексикон Универсалис», «История Юлия Цесаря», «Галландская грамматика», «География» Гибнера, «Приклады, како пишутся комплементы», «Аполлодора грамматика афинельского библиотека или о богах» и т. д. Как видим, действительно, содержание переводных сочинений было очень разнообразно, как разнообразны были интересы самого Петра и потребности руко-

водимого им общества. Но что характерно — среди переведенных по приказу Петра книг мы почти не найдем произведений поэтической литературы; вся личность Петра, все его интересы, вся его деятельность слишком были прозаичны, чтобы в них было какое-нибудь место поэзии. Петр и поэзия — это понятия совершенно противоречащие. Зато среди этих книг нет сочинений незначительного содержания. Петр умел выбрать для перевода не только наиболее нужную книгу, но и наиболее ценную, у него был на это верный и меткий глаз. Ценность переводов еще увеличивалась от того, что Петр, придавая большое значение наглядности, снабжал переводимые книги иллюстрациями и чертежами. Заботился он также и о внешности книг, их печати и переплетах.

V

Из всего сказанного видно, какое значение Петр придавал печатному слову. Он видел в нем могучее средство пропаганды своих идей, но также и средство защиты. Доказательством последнего служат его старания оправдаться путем печати перед Европой в деле царевича Алексея. Так, «Манифест» и «Объявление» по этому делу были вскоре же переведены на иностранные языки, и Петр всячески старался «через своих послов распространять в Европе составленные по делу царевича документы» (Пекарский). Кроме того, для оправдания действий царя, там издавались брошюры.

Что же касается взгляда Петра на печать как на оружие пропаганды своих идей, то наиболее ярко он сказался в факте появления по его почину первой русской газеты, и деятельность царя-редактора и сотрудника газеты заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов.

«Ведомости»[1] стали выходить с начала 1703 г. В них сообщалось о событиях на театре войны, о флоте, о расширении русской торговли, об открытии заводов и фабрик и т. п., а, с другой стороны, о событиях в Западной Европе: войнах, народных бедствиях, о погоде и проч. Петр сам держал корректуру первого номера «Ведомостей», и потом они велись по его постоянным указаниям. Язык их был очень своеобразен и разнообразен, как вообще язык всей Петровской эпохи и самого Петра. Что касается их внешности, то она была очень скромна: небольшая осьмушка, почти без полей, или с очень небольшими, мелкий, сбитый шрифт, небрежная печать — «во всем,— по словам современного нам их редактора,— виден дух преобразователя,— бережливого, предпочитавшего содержание внешности и требовавшего во всем — быстроты». По словам Неустроева, сам Петр обозначал карандашом для перевода и помещения в русской газете места из голландских газет. В сомнительных случаях обращались к царю, и потому на полях рукописей, предназначенных для набора, часто встречается пометка: «доложить». Большая часть материала нашей первой газеты черпалась из иностранных источников; оригинальных статей и известий было мало. Кто их давал? Большинство русских известий в «Ведомостях» представляли собой письма или донесения — самого Петра и его сподвижников. Так, например, до 1709 г. Петр вел оживленную переписку с польским королем, и в «Ведомостях» было много известий из Польши, сокращается эта переписка — и известий становится меньше. Затем Петр иногда посылал извещение о каком-либо событии разным лицам в одном и том же виде (примеров таких писем можно было бы привести много), и вот такие извещения часто попадали в газету, что доказыва-

[1] *См.* издание Москов. Синод. топографии под ред. Погорелова.

ется сличением некоторых №№ с письмами; кроме того, в «Ведомости» попали, например, некоторые письма Петра к царевичу Алексею и Екатерине. Иногда печатались донесения послов и т. п. Г. Погорелов даже утверждает, что «почти половина оригинальных, непереводных статей принадлежала самому Петру или возникла по его настоянию». Цензура, о существовании которой при Петре было сказано выше, коснулась и «Ведомостей», и известия о неудачах или поражениях скрывались и в них не попадали.

Такова была деятельность Петра-писателя: участник обширной переписки, редактор русских и переводных книг, автор многочисленных уставов, табелей и манифестов, наконец, основатель, редактор и сотрудник первой русской газеты — во всем этом он сумел проявить свою самобытную, сильную и даровитую натуру. Петр-писатель оставил в нашей литературе, в истории нашего просвещения не меньший след, чем Петр-полководец в истории войн первой четверти XVIII в.

К. Сивков

ОППОЗИЦИЯ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

«Видим мы все, как великий наш монарх трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору только сам-десят тянет, а под гору миллионы тянут»...

Так учитывал вдумчивый современник Петра Великого И. Т. Посошков отношение к реформам Петра современного ему русского народа.

Эта оценка, несомненно, преувеличена. При таком соотношении поддерживающих и противодействующих сил дело Петра было бы невозможно; да и выясненное значение XVII в. в деле подготовки Петровских реформ, а также сознательное и бескорыстное отношение к реформам со стороны множества современников Петра в качестве ее частичных прожектеров, проводников, пропагандистов и защитников, не оставляет сомнения в том, что дело Петра отвечало живым запросам времени и опиралось на поддержку значительной части русского общества, значительной не столько своим количеством,

сколько сознательным, активным отношением к делам вооруженного неограниченной властью реформатора, что при пассивном отношении неорганизованных народных масс было силою, способною двинуть вверх инертные миллионы.

Но современному наблюдателю, вроде Посошкова, приходилось учитывать соотношение созидающих и противодействующих сил не столько по их практическому удельному весу, сколько по шумным и страстным возгласам одобрительного и протестующего характера. Потому немудрено, что у наблюдателя складывалось впечатление, не говорящее о сочувствии подавляющего большинства, так как наиболее роптали и всегда ропщут на дело те, кто несет на своих плечах его наибольшую тяжесть. Причислили ли этих «неключимых работников» времени Петра к той силе, которая «тянула под гору»? А ведь эти-то незаметные труженики и составляли миллионы, движимые нуждами времени, которые придавали приказам власти непреодолимую силу, даже в случаях недоброжелательного отношения к ней. Недоброжелательность эту Петр Великий унаследовал вместе с властью от своих предшественников. Разорительные войны, непосильное тягло, вместе с прогрессировавшим сословным закрепощением и разнузданной бюрократией, были основными силами, будившими в XVII в. недовольство, проявлявшееся в протестах и мятежах.

Силы эти с воцарением Петра проявлялись в еще бóльших размерах. Немудрено, что и оппозиция XVII в. не только не ослабела, но усилилась притоком новых союзников, в зависимости от тягловых факторов, но, главным образом, от своеобразия целей, средств, приемов введения Петровских реформ.

Немногие сознательно разделяли стремление Петра жертвовать всем в настоящем ради благ далекого будущего; заурядные труженики жизни редко имеют досуг и по-

буждения находить оправдание своих невзгод и тяжелых переживаний в философском заглядывании в счастливые возможности будущего, которое принадлежит другим.

Еще менее понимали современники Петра необходимость непосильных жертв во имя таких ценностей, которые являлись отрицанием всего того, что по традиции привык чтить русский человек за добрую «пошлину», ставшую тем более дорогою, чем большая опасность грозила ей со стороны новых веяний, пропитанных, в глазах москвича, ядом душевредной латинской заразы. Эта именно чужебоязнь, до болезненности взвинченная уже в XVII в. западным влиянием и неудачной реформой Никона, и придала общий тон оппозиции, выступавшей против Петра на самом деле по разным реальным побуждениям. Только внимательно вслушиваясь в речи оппонентов Петра, мы в однообразных лозунгах можем отличить специфические оттенки, указывающие на разнородные слои оппозиции. И только всматриваясь в характер реформаторских приемов Петра, мы постигаем, почему эти разнообразные слагаемые слились в оппозиционную сумму, почти однородную по своим лозунгам и проявлениям.

Сам Петр Великий всячески старался, сознательно и бессознательно, волновать Россию яркими потрясающими впечатлениями, возбуждать в ней переживания, не вкладывавшиеся в традиционный кругозор русского человека. Все замутилось в вихре Петровских демонстраций царского веселья и гнева, педагогических выходок и дипломатических «спектакулей», происходивших «пред всенародными очами всяких чинов людей». Пышные шествия царственных особ, торжественные церковные ходы, яркие въезды иностранных послов, свадебные и погребальные процессии, как и кровавые акты, разыгрывавшиеся в застенках и на площадях,— все

это было знакомо русским и в свое время оставляло глубокие следы не только в памяти туземца, но и заезжего иноземца; но все это не выходило из «чина», к которому привыкла исконная Русь. Публичные же выступления Петра Великого носили всегда, с точки зрения москвича, какой-то «бесчинный» характер, потому что в большинстве случаев были проникнуты тенденциозно-педагогическими замыслами Петра, который был столь же решительным и нетерпеливым воспитателем общества, как хирургом, зубным врачом и костюмером. В своих красочных выступлениях пред подданными Петр не только торжествовал победы, веселился и карал, но вместе с тем старался подчеркнуть превосходство вводимых им новшеств, заодно унизить противников, кто бы они ни были, саркастически поиздеваться над ненавистной стариной, забросать ее грязью, не стесняясь в средствах и предметах осмеяния, не считаясь с чувствами участников и зрителей своих педагогических экспериментов — зрелищ.

Чтобы понять народно-психологические последствия этих выступлений, мы приглашаем читателя на минуту проникнуться настроением русского человека, только что перешедшего из Московии XVII в. в Русское государство XVIII в. со всеми общественными, политическими и религиозными навыками и предрассудками современников «Тишайшего» царя Алексея,— войти в положение москвича, который и от царя требовал известного «чина» поведения, знал толк в церемониях и церемониале и убедился в самозванстве Димитрия I, когда воочию увидел, что царь этот не «наследует предкам» в спанье после обеда, запросто гуляет, водится с поляками и проч.

Каким отступлением от традиционного чина должен был показаться русским людям введенный Петром обычай триумфальных празднований победы вроде той, ко-

торую описал Юст Юл, с пальбой из орудий, с музыкой иноземных игрецов, с языческими символами и чудодейственными фейерверками, с комическим элементом из шутов и самоедов, едущих на свиньях, наконец, с публичным пьянством, окончившимся эпилепсией и рассечением на куски невинного солдата, попавшегося под гневный взор разнервничавшегося Петра?..

Тяжелые мысли должен был навевать на степенного москвича полуязыческий триумф Петра. Все поведение его обличало в нем «не настоящего» царя. Эта жестокая расправа с солдатом, это странное на глазах у всех подергиванье головы, лица, рук и ног... И это многие учли, как явный показатель того, что Петр — царь не настоящий: «Что он головой запрометывает и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый дух ломает...»

Иного рода сцены разыгрывались пред москвичами по манию Петра, сцены невиданной жестокости и бесчинного участия в них самого государя. При розыске стрелецкого бунта сам Петр собственноручно рубил головы стрельцам и требовал от приближенных того же: «кн. Ромодановский отсек четыре головы стрелецких; Голицын, по неуменью рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра Алексашка (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек».

Ничего нет удивительного, что по Москве пошли толки о ненормальной кровожадности Петра.

Еще более необычными казались москвичам веселые потехи Петра, обращавшие, в конце концов, сановитых и родовитых бояр в предмет народного посмешища, да еще на глазах у иноземцев, когда их вываливали из саней.

Иностранцу было «забавно видеть» это зрелище: злорадствовали, может быть, и некоторые из москвичей; но каково-то было степенным москвичам, привыкшим видеть бояр государя окруженными ореолом важно-

сти, горделивой позы и общественного преклонения? Мы уже не говорим о самих сановниках, в среде которых были не одни «Алексашки да Лефортки», пирожники и иноземные мастера, но и родовитые князья и бояре, предки которых даже Грозному не позволяли «наносить поруху роду своему».

Впрочем, Петр «посягал» не на один ореол своих сановников: многое святое в глазах москвича обращалось Петром в площадное посмешище.

Мы не говорим о скабрезных и кощунственных деяниях «всепьянейшего и сумасброднейшего собора», этой злейшей пародии на некоторые церковные обряды.

Они совершались среди «избранного» общества, при накрепко закрытых дверях, редко выливаясь на улицу Москвы в виде шутовской процессии, и могли считаться даже своеобразным торжеством православия над осмеянным папежством. По Петр решил подвергнуть публичному позорищу и память об упраздняемом патриаршестве.

Еще при жизни патриарха учитель Петра дьяк Зотов носил кличку «патриарха Кокуйского». В сане князя-папы и «всепьянейшего патриарха» выступал он в шутовских процессиях в одежде патриарха и даже рассылал москвичам свои послания, пародировавшие не только послания патриархов, но и известные молитвы.

Этот же Зотов играл роль высмеиваемого патриарха в целом ряде комических выступлений, на изобретение которых Петр был неистощим. Зотов в патриарших одеждах садился на ряженую ослом лошадь, а Петр «держал стремя его коня, по примеру некоторых царей Российских, при восседании патриарха на коня в назначенные дни» (в известной процессии, изображающей «шествие Христа в Иерусалим на осляти»). К этой же цели публичного осмеяния патриарха в глазах москвичей

клонилась справленная в Москве грандиозная свадьба всешутейшего патриарха.

Наряду с Зотовым в патриаршем одеянии выступал кесарь Ромодановский в одежде русского царя XVII в. Нарядить первого палача, ужас Москвы и всей России, в царские одежды, которые носили отец и дед Петра, и в таком виде демонстрировать своих царственных предков пред москвичами не значило ли повергать зрителей в недоумение, чреватое самыми острыми чувствами протеста, самыми нелепыми объяснениями «бесчинных» в глазах москвича выходок царя?

Но не одни только публичные издевательства Петра над всем, что искони привык благоговейно и чинно чтить москвич, вызывали в последнем «недоуменные помыслы», «скаредную брань» и «неистовые желания». Петр в своих «замыслах» не любил останавливаться на полдороге, и решительным законодательством, с строгими угрозами за нарушение его, проводил в жизни те мысли, какие проглядывали в его уличных «спектакулях» и частных выходках.

Больше всего, можетъ быть, разошелся Петр с Москвою в своих попытках разрушить внешнюю рознь между русскими и немцами, придать русским такой вид, чтобы западный иноземец чувствовал себя среди русских не диковинкой, за которой ходят толпы зевак, а в знакомой бытовой атмосфере. Но москвич видел в своей бороде, кафтане и воздержании от табака не только исконный, от предков унаследованный образ и подобие, которое легко можно изменить по вкусу брадобрея или портного, но сливал с ними вековечные заветы святой старины, видел в них «мерило праведное» своего православия и народности и непременный признак своего церковного превосходства «над люторами и прочими еретиками». Петру известно было именно такое воззрение своего народа на свой внешний вид, и это обстоятельст-

во для него служило тем большим побуждением переодеть и причесать русского по-немецки; раз москвич преодолел себя и перелицевался, значит, он преодолел в себе старого человека, сделал надлежащее усилие над собою, чтобы стать достойным подданным своего повелителя, а кто по «замерзелому своему стыду» или «упорству» не сможет этого сделать, и в том можно видеть один только прибыток: лишняя статья дохода в виде штрафных денег,— авось, крупные штрафы и налоги заставят упрямца не мозолить государевы очи своими азиатскими костюмами и звероподобным видом.

Так думал Петр, когда сначала в виде монаршей шутки обрезал собственноручно и при содействии шутов бороды и кафтаны, а потом издавал указы в три дня выбриться и переодеться всей Москве, за исключением духовенства и пашенных людей; в этом же убеждении находил он оправдание своим указам брить в съезжих избах русские бороды, надевать роги на головной убор женам бородачей, запрещать портным шить и продавать русское платье, облагать бородачей штрафом от 30 до 100 р. и ссылать на каторгу тех купецких людей, которые будут иметь скобы и гвозди, которыми подбиваются русские сапоги.

Но народ не понимал целей своего царственного костюмера, и в лучшем случае видел в его распоряжениях — заблуждение человека, которого «немцы обошли», а чаще всего издевательство над русским и православным, «печать антихриста», стирающего с православных образ Божий.

К «прещениям» Стоглава о брадобритии и вообще о «латинских обычаях» присоединились еще и заветы последнего патриарха Адриана, который изощрялся в своем пастырском красноречии, громя брадобритие такими филиппиками, как будто дело шло о борьбе вверенной ему церкви православной с грозным врагом, разру-

шающим ее догматические основы, канонический строй и практические средства спасения паствы.

Впрочем, патриарх еще при жизни своей прекратил эти филиппики, как только заметил, что они могут стоить ему патриаршего клобука; но не замолкло брошенное им в паству осужденье брадобрития на понятном для ревнителей древнего православия языке. Немудрено, что некоторые из паствы оказались устойчивее своего пастыря и смотрели на его упражнения в красноречии, как на завет последнего первосвятителя «стоять до последнего» за русскую бороду и кафтан, как на явное осуждение заморских новшеств, которые должны были быть проникнуты духом еретичества так же, как длинная борода — духом иконописного православия. Немудрено, что у многих возгорелось желание обличить заблудшего царственного «еретика».

Перед Рождеством 1704 г. подошел к Красному крыльцу красильщик Андрей Иванов и закричал караул, объявив за собою «государево дело» на самого государя: «Государево дело за мною,— говорил он кесарю Ромодановскому,— такое: пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую: велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть».

«О брадобритии,— говорил Иванов,— писано в Уложении соборном (он намекал на Стоглав). А про платье написано: кто станет иноземное платье носить, тот будет проклят, а где про то написано, того не знаю, потому что грамоте не умею. А кто табак пьет, и тем людям в старые годы носы резывали. А на Москве у него Андрея знакомцев никого нет и с сказанными словами к государю его никто не подсылывал — пришел он о том извещать собою, потому что и у них посадские люди многие бороды бреют, и немецкое платье носят, и табак тянут — и потому для обличения он, Андрей, и пришел, чтоб государь велел то все пере-

мсиить. Кроме того, за ним Андреем иного государева дела нет»...

И это не был какой-нибудь раскольник-фанатик, а заурядный посадский человек, поверивший, что если он и горе скажет с присущею ему верою в правое дело: двинься! — и она двинется...

Мы не будем множить подобных примеров самоотверженного протеста москвичей против реформ Петра Великого. Скажем обще, что этого рода оппозиция, после раскольничьей, была едва ли не самая многочисленная. И в ней не надо видеть только комическую сторону, так как борода и кафтан были для москвича тем же, чем для Петра парик и немецкое платье; в конце концов, значком, по которому бойцы отличают врагов от друзей в смертельной борьбе,— знаменем, под которым скрывается целый мир дорогих переживаний, чувств и интересов высшего и житейского порядка.

Петру «недосуг было за великими потребами» ждать, пока «замерзелые подданные» добровольно перерядятся в его форму, поверив ему на слово, что его новое будет лучше доброго старого его предков.

И он нетерпеливо переливал новое вино в старые мехи, не думая о последствиях. Подданным меры государя казались «бесчинным» попранием святой старины, незаслуженным издевательством над степенными и добросовестными в своем вековечном поведении людьми; они порождали бездну непонимания и подозрений, которые обостряли взаимное раздражение, заставляли в обыденных и простых вещах видеть несуществующие страхи, непростительные преступления. Произнесенное в «шумстве» (в пьяном виде) неосторожное слово раздувалось усердными застеночных дел мастерами в целое «государево дело», захватывавшее десятки и сотни лиц, имевших несчастье быть в каком-либо отношении к «шумному» болтуну, и редкий счастливец не отвозился «в

убогих домы на Покровском монастыре», где находили себе последнее успокоение все жертвы ненасытной любознательности кесаря Ромодановского (а по нем — его сына И. Ф. Ромодановского, унаследовавшего от отца страшный Преображенский застенок).

Оппозиция, в свою очередь, сознательно и бессознательно, толковала вкривь и вкось деяния Петра, раздувая его странности в апокалипсические знамения времени, входила с легендарными суждениями в его личную жизнь, не стеснялась сильной квалификацией его семейных отношений,— и во всем старалась подчеркнуть «бесчинность» этого царя, ничем не похожего на своих предшественников, которых он так высмеивал.

Петр не отделялся неприступными степами от своих подданных, подобно своим предшественникам: он всегда был на виду у своих подданных таким, каков он был, со всеми своими великими недостатками и достоинствами. И это давало оппозиции много сильных аргументов.

«Бесчинной» казалась ей в православном царе его личная и семейная жизнь.

Град сатирических картинок выставил на позорище семейную жизнь Петра, смущавшую русского человека. Изображение «Немки верхом на старике», «Старого немца на коленях у молодой немки», «Молодой немки, кормящей старого немца соской», «Бабы-Яги с плешивыми стариками»,— все это, по мнению В. В. Стасова, имело связь с рассказами, ходившими в народе о слабости Петра к шведской девице, к «кухварочке», к «чухонке — адмиральше Маланье»; причем во всех этих произведениях народного творчества Петр изображается под башмаком у немки, на картинке «Как Баба-Яга дерется с крокодилом»; по мнению Ровинского, изображена немирная сторона жизни царственных супругов. Застеночные речи не оставляют сомнения в этом, что семейная

жизнь Петра составляла большую тему для пересудов и умозаключений «всяких чинов людей».

Постепенно туманился в глазах современников образ Петра, близких ему людей и его дел. «Бесчинность» поведения царя, столь непохожего на своих предшественников ни личным поведением, ни занятиями, ни отношением к церкви, вековечным обычаям, к родне, эксцентричные формы его забав и гнева,— все это поражало москвичей и вырывало целую пропасть между властелином и подчиненными. Москвичи не узнавали в Петре ни благоверного царя, ни русского человека, ни православного первенца русской церкви. Оппозиция не могла в упор посмотреть на странные дела Петра, не в состоянии была умом обнять и освоить их.

Нужны были искусственные толкования, привлечение к делу легендарных и мистических стекол, сквозь призму которых православный москвич привык воспринимать все, что выходило из его обыденного кругозора, что не вкладывалось в узкие рамки повседневных явлений общественной и политической жизни Москвы.

И современники, очевидцы Петра и его дел, стали верить фантазии и создаваемым ею образам больше, чем реальным впечатлениям. Последние были дальше от московского миропонимания, чем апокалипсические бредни и легендарные гипотезы.

Царица Евдокия Федоровна (Лопухина)

По возвращении Петра из-за границы все чаще и чаще в речах москвичей о Петре стал проскальзывать взгляд, что Петр не похож на настоящего царя, что его царственные предшественники так не поступали, что Петр — царь не настоящий. Это, если можно так выразиться, ощущение чего-то чуждого в царе естественно вызвало потребность объяснить, почему русский царь стал больше похож на немецкого мастера, чем на великого государя, скорее выглядел «лютором» и «последователем католического костела», чем православным христианином. И эта психологическая потребность разрешить загадку нашла себе удовлетворение в двух распространеннейших легендах, удовлетворявших людей не одинаковых по трезвости взгляда категорий. Оппозиционеры с более реальными воззрениями приняли легенду о том, что Петр — не настоящий сын царя Алексея, а подмененный немчин; люди с мистическою настроенностью объясняли странности Петра тем, что он — новоявленный антихрист. Были и такие, которые преломляли свои удивленные взоры сквозь призму обеих легенд, объясняющих загадку Петра.

Мы сначала остановимся на выяснении первой легенды. Она имела свои варианты. Самым распространенным из них был рассказ о подмене ребенка царя Алексея Михайловича на немчина, сына Лефорта. Один монах рассказывал своему собеседнику:

«Над нами царствует ныне,— говорил он,— не наш государь Петр Алексеевич, но Лефортов сын. Блаженной памяти государь царь Алексей Михайлович говорил жене своей, царице: «Ежели сына не родишь, то учиню тебе некоторое озлобление»... И она, государыня, родила дщерь, а Лефорт — сына, и за помянутым страхом, втайне от царя, разменялись — и тот Лефортов сын и ныне царствует!» Этот рассказ повторяли в самых отдаленных и разнообразных концах русской земли.

Другой вариант, оставляя сущность первого, указывает только на другой момент подмены: не во время рождения, а во время путешествия за границу немцы заменили настоящего Петра, сына Алексея Михайловича, немчином.

«Наш государь,— рассказывали в народе,— пошел в Стек-холм или, по другому варианту, в стекольное царство (Стокгольм), а там его посадили в заточение (по другим сказаниям — в бочку); а этот, что ныне царствует, не наш государь, Петр Алексеевич, а иной — немчин»... Этот вариант, видимо, принадлежал русским, которые помнили бойкого сына, царя Алексея, разгуливавшего со своими потешными по улицам Москвы. Несмотря на его любовь к Немецкой слободе, в нем все же москвичи не могли видеть того отчуждения от всего русского и прямой ненависти к Москве, какие круто проявил возвратившийся из-за границы государь, отвергший жену, заливший Москву кровью и с места в карьер начавший обстригать благочестивые бороды и творить иные издевательства над православными. И, правду сказать, момент для создания легенды был самый подходящий, потому что со времени возвращения Петра из путешествия поведение его, действительно, круто меняется.

Нельзя сказать, чтобы распространители этой легенды рассчитывали на доверие слушателей: они приводили очень убедительные аргументы ее истинности. Этой легендарной гипотезой объяснялись самые непонятные для москвича стороны поведения царя, и в том был секрет ее популярности. Старица Платонида про его императорское величество говорила: «Он-де швед обменной, потому догадывайся-де: делает Богу противно, против солнца крестят и свадьбы венчают, и образы пишут со шведских персон, и посту не может воздержать, и платье возлюбил шведское, и со шведами пьет и ест, и из их королевства не выходит, и швед-де у него в

набольших, а паче-де того догадывайся: он извел русскую царицу и от себя сослал в ссылку в монастырь, чтобы с нею царевичев не было, и царевича-де Алексея Петровича извел — своими руками убил для того, чтоб ему, царевичу, не царствовать, и взял-де за себя шведку, царицу Екатерину Алексеевну, и та-де царица детей не родит, и он-де, государь, сделал указ, чтоб с предбудущего государя крест целовать и то-де крест целует за шведа, одноконечно-де станет царствовать швед, родственник или брат царицы Екатерины Алексеевны, и великий-де князь Петр Алексеевич (внук Петра) родился от шведки с зубами»...

Но для людей, привыкших корень вещей и непонятных явлений искать не на земле, хотя бы и в стекольном царстве, а в потусторонних сферах, образы которых запечатлелись в нездоровом творчестве благочестивой фантазии,— для людей с более мистической настроенностью Петр и его дела не вмещались в легенду о немецком происхождении государя. Немцы тоже люди, и безнаказанно бороть на Бога обыкновенному немцу тоже не дано. Затем, так искусно «обойти» русский народ и ближайших к трону лиц, чтоб они не заметили в немце Петре отменного от государя человека,— тоже для простого смертного несбыточно. Дело здесь не простое. «Государь-то наш, что ныне на Москве, Петр Алексеевич, не прост человек, он антихрист»...

Где и кто первым пустил эту гипотезу, уяснявшую необычные дела, Петром вершенные, неизвестно. Только мысль о Петре-антихристе, как ветер, загуляла по русской равнине: ее передавали друг другу в отдаленных окраинах Сибири, Архангельской губернии, на Украйне, так же как и в центре. Гипотеза становилась тем более вероятною и популярною, что в делах и поведении Петра так много было черт, напрашивавшихся на сравнение со страшным образом народной фантазии, питаемой

чтением Апокалипсиса и подобных ему творений. Дела Петра могли привести в сомнение даже самого трезвого человека, только не безразличного к православию, которое для массы воплощалось в часовнях, колоколах, в формах перстосложения и т. п. элементах практического проявления религиозной мысли того времени. Против всех этих проявлений русского христианства прямо или косвенно пошел Петр. «Времена ныне пошли неудобоносимые,— думал про себя православный.— Государь Бога гонит: мощи и школы рушит, часовни разбирает, колокола снимает, курит, мясо ест и другим велит в посты и среды с пятницами; сам правит без патриарха... Какой же он христианин: гонитель христианства,— стало быть, «настали времена и воцарился антихрист»...

Даже «инквизитор», на обязанности которого было вылавливать «противные слова», вразумлять и доносить,— и тот усомнился, слыша подобные речи.— «Нет, то не антихрист,— успокаивал он собеседника для очистки совести,— разве предтеча антихриста»...

И если так «лукавил» инквизитор, то что же должен был думать православный человек? Благочестивая фантазия заработала над сплетением мистического клубка из элементов действительности. «Хотел было антихрист в патриархи поставить киевского митрополита,— по-своему объяснял монах Степан своему спутнику факт отмены патриаршества.— Вот и привели его в соборную церковь ставить, а митрополит говорит: «Дай мне, чтоб были старопечатные книги — и буду патриархом, а ежели не так,— не хочу». А антихрист-то, в ответ на то, выхватил палаш и замахнулся на митрополита, да как замахнулся, так и упал на него... Знатно, за то случилось с ним это,— заключил Степан,— что он, антихрист, не может о святых книгах слышать... благодать Божия за это и ушибла его (намек на нервные судороги Петра). А под-

нял его Александр Мепшиков, и по поднятии молвил антихрист ко всем: «не будет вам патриарха!»...

«Антихрист» сам стал патриархом: «Принял титул патриаршеский», назвавшись отцом отечества. «Восхитил первенство Иисуса Христа», назвавшись первым, ибо, замечает составитель рукописи «Цветника», еще в Апокалипсисе сказано: «аз есмь альфа и омега, первый и последний», «у Бога восемь лет украл»[1], обличали Петра за его реформу календаря.

Раз сливался Петр в некоторых чертах своих с бредовым образом антихриста, то нетрудно было разъяснить и «озверить такие его дела, которые никак не подходили под Апокалипсис. Даже военные подвиги Петра делались уликою против него. «Да он же-де государь неприятельские города берет боем, а иные лестью, и то-де по Писанию сбывается; и Царь-град он, государь, возьмет».

Войска Петра со своеобразием их формы дали иллюстратору одного рассказа «о скончании мира» живые краски и сценки для наглядного выяснения старинного текста. «Перед нами проходят солдаты в кафтанах Петровской эпохи, с подписью под рисунками из пророка Исайи: «страну вашу чуждии поядят», так что не остается никакого сомнения, кого надо подразумевать под «чуждими»; те же петровские солдаты расстреливают старцев, связанных и облеченных во власяницы, или сражаются с казаками; у ворот города человек в красном кафтане держит в руке развернутый свиток, рядом с ним барабанщик бьет в барабан — это приводят в подданство антихристу; укрывшихся ведут к нему насильно, отпавшие знаменуются его печатью, верные предаются на муку. Сам антихрист на некоторых рисунках изображен с

[1] Новое столетие, по старому счислению, начиналось с 1692 г. 1 сентября, т. е. на 8 лет раньше того, как стали его считать по новому календарю с 1700 года.

чертами лица, не оставляющими никакого сомнения в тожестве их с чертами императора Петра I.

Это мистическое настроение, переходившее в бред наяву, было в это время, как в большинстве случаев, только обратной стороной того непосильного нравственного и материального гнета, который наложила на русское общество тяжелая рука железного Петра. Люди, для которых эта жизнь являлась бесконечною юдолью печалей и огорчений, люди, не могшие жить, подобно Петру, мыслью о благе народа и государства реального будущего, естественно, ожидали себе услад и отдыха только в потустороннем мире, и чем сильнее был гнет жизни, тем больше было желания уходить в мир грез и видений, тем истеричнее были выходки против «гордого князя мира сего» со всеми исходившими от него тягостями и оскорблениями.

Но эта мистическая настроенность не носила созерцательного характера: образы апокалипсического бреда перемешивались с впечатлениями тяжелой действительности тем более, что у наших ревнителей православия Петровского времени религиозные представления были грубо материальны. Тяжелой житейской действительностью с ее «тягловыми мотивами» проникнуты все мистические суждения о Петре.

В легенды, в замысловатые толкования введенных Петром новых слов обыкновенно вплетается и отзвук непосильно-тяжелой действительности. Называют ли царя антихристом, тут же говорят и об антихристовых слугах — грабителях и разорителях, которые, во исполнение пророчества, «страну поедают». Указывая на небывалую раньше «бесчинность» поведения царя-антихриста, прибавляют кстати: «ныне по городам везде заставы, и нашего православного христианина в городе в русском платье не пропускают и бьют, и мучают, и штрафы берут». В самом иноземном титуле, поднесенном

Петру Сенатом от имени парода, этот народ видит созвучие с словом, характеризующим тяжести Петровских повинностей: один поп на ектениях называл императора «императёром». «Прямой императер,— пояснял он частным образом,— немало он людей перетер».

Непрерывные войны Петра и требование от всех той или иной службы для этих войн, сопряженные с ними бедствия и лишения вызывали громкий ропот, гулко отражавшийся в Преображенском застенке.

При непосильной тяжести всякого рода служб и повинностей, взваленных Петром на подданных во имя незримого блага будущего, многими чувствовалась нравственная тяжесть бесправия, отсутствие всякого уважения, если не к личности, то даже к тому, что привыкла уважать эта личность, в чем видел москвич издревле идеальную, если не практическую гарантию своих прав на призрак свободного обывательства. Мы не хотим сказать, что москвич раньше чувствовал под собой более устойчивую правовую почву. Но раньше самое бесправие облекалось в привычные, традиционные формы, и эти формы были своеобразной гарантией, ограждавшей личность (кривосудие, произвол воевод, укрощаемые поклонами и посулами и т. п.); теперь формы права и бесправия стали удивительно подвижны, законы и указы, учреждения и должности создавались в таком изобилии, противореча друг другу, что приспособиться к ним привыкшему к устойчивой старине-пошлине москвичу не было возможности. Кроме того, в старину все злоупотребления москвич приписывал неверным слугам царя; зато в последнем он видел хотя и далекую, но все же прочную свою «надежду», от которой можно было, при желании, добиться правды и защиты: вот только трудно приблизиться к ней практически. Зато хотя в мечтах можно было успокоить себя мыслью, что правда с земли не ушла. В лице Петра эта последняя «надежда — право-

славный царь» умирала в душе москвича, так как теперь самые большие тяжести и самые чувствительные оскорбления исходили, на глазах у всех, от этого центра старых надежд и мечтаний.

Это чувство бесправия и безвыходной тревоги, свойственной времени Петра, лучше всего выразил отставной дьяк Докукин в написанной им прокламации, которую он намеревался прибить у церкви.

«Зрите,— обращал внимание ех-дьяк своих сограждан,— зрите, како мы от завистца и губителя своего диавола древляго нашего супостата здесь живущи на земли от онаго Божественнго дара многие отрезаемы и свободной жизни лишаемы, гонимы из дому в дом, из места в место, из града в град, оскорбляемы, озлобляемы, домов и торгов, земледельства такожде и рукодельства, и всех своих прежних промыслов пачеж и христианских добрых дел и всякого во благочестии живущих состояния и грацких издревлеуставленных законов лишились, о суетных своих делех в лестных учениях обычай свой изменили, слова и звании нашего славянского языка и платья переменили, главы и брады брили, персоны свои ругательски обесчестили; несть в нас вида и доброты и разнствия с иноверными языки, рыбныя ловли и торговыя и завоцкия промыслы отняты многие и везде бедами погружаемы, на правежех стоя от великих и несносных податей и... оброков налагаемых, и многия от того умерщвляеми, домы и приходы запустели, святыя церкви обетщали, древоделей и каменосечцов отгнали, плинфы на созидание святых Божиих церквей и домов делать заказали на воздух, пути нам к жизни не указали и сами себе тамошняго пути не сыскали, а пришельцев иноверных языков щедро и благоутробно за сыновление себе восприяли и всеми благими их наградили, а христиан бедных бьючи на правежех и с податей своих гладом поморили и до основания всех разорили... Вельми сердце

ми болит, видя опустошения Нового Иерусалима и люд в бедах явлен нестерпимыми язвами».

Эта-то «скорбь и туга», составлявшая лейтмотив в общественных переживаниях славного царствования Петра, и была почвой, питавшей легенды о личности Петра, легенды «продерзостные», потому что они не были только страшными рассказами, удовлетворявшими благочестивой потребности, а носили агитационно-протестующий характер против деятельности Петра. В этих легендах степенный москвич почерпал оправдание не только для своих «скаредных браней» и «неистовых слов», но толчки и к «продерзостным» делам против Петра, который был обменный немец, льстивый антихрист, все, что угодно, но только не настоящий царь: значит против него все позволено. И многие втихомолку «посягали», но в большинстве случаев с «негодными средствами». Вынимали «след» из-под ног государя, чтоб превратить вынутую землю в кровь: «сколь-де скоро на государев след ту кровавую землю выльем, столь-де скоро он живота своего гонзнет», думала одна москвичка. Другие пытались достать волос государя, чтоб сделать его милостивым; третьи с тайной радостью рассуждали об его болезни и учитывали возможность скорой смерти; один фанатик, по свидетельству Штелина, даже проник в кабинет Петра с «превеликим ножом» с целью «зарезать» Петра «за обиды своей братии и нашей веры»...

Пусть все это были трусливые желания и жалкие «покушения с негодными средствами». Но они были грозным симптомом той степени оппозиционной ненависти, когда она, при благоприятных условиях, из единичных переживаний переходит в массовый взрыв. Это массовое брожение и зачалось в Москве вокруг царевича Алексея Петровича, ставшего знаменем и центром, в котором стихийно стягивались недовольные, сливая с делом царевича свое дело, с его личным протестом свое

общественное недовольство. В деле царевича Алексея ярче всего сказалась истина, что «благодать Божия и в немощах совершается». Алексей Петрович по натуре своей вовсе не был способен к каким бы то ни было активным геройским выступлениям, да еще против такого соперника, как Петр Великий; тем не менее доходившие до него отклики народного неудовольствия и в его робкой душе породили смелые желания насильственно избавиться от «ненавистного тирана» и уничтожить все его «богомерзкие дела».

Ненависть эта была продуктом сложных семейных и общественных отношений. Царевич Алексей до девяти лет находился под надзором своей матери Евдокии Лопухиной, которая сразу же разошлась с Петром в его западнических выступлениях. Семейные столкновения, кончившиеся трагическим заточением царицы в суздальский Покровский девичий монастырь, не могли не наложить на душу юного Алексея некоторого предубеждения против отца и его дела. Лишившись матери, царевич не мог привязаться к отцу, который сдал его сначала на руки саксонского генерала Карловича, а затем последовательно двум иноземцам — Нейгебауеру и барону Гюйссену (Huyssen), а сам интересовался им, поскольку письменно или лично проверял успехи своего сына.

Убедившись по личному опыту, как трудно быть активным правителем государства для человека, не получившего в свое время надлежащего образования, Петр требовал от сына не только усердного, но и добровольного обучения разным наукам и упражнениям, строго взыскивая за небрежность и лень, упорное нежелание учиться, что, кажется, в избытке проявлял Алексей Петрович. Плохо было и то, что Петр, разлучивши сына с матерью, не сумел устранить ее влияния на царевича, который тем больше склонен был поддаваться этому влиянию, что влияние это отвечало его природе и исходило

от близкого лица, невинно страдавшего в глазах царевича, по воле того самого человека, который был так взыскателен к слабостям сына и своим поведением вызывал столько нареканий у близких царевичу лиц.

Насильственным и, может быть, непосильным заданиям отца Алексей Петрович противопоставлял упорное нежелание работать. Невольное путешествие за границу, невольная женитьба на немецкой принцессе, невольное участие в военных упражнениях,— все это порождало то чувство охлаждения и ненависти, которое разрослось под влиянием сторонников матери в сочувствие к насильственному устранению отца и привело, как известно, к трагической развязке.

Правда, нерешительность, трусость и физическое отвращение к какому бы то ни было усилию воли заставили Алексея Петровича бежать от соблазна, на который толкали его окружающие, и бегством царевич погубил дело своих ближайших друзей, как и дело активного выступления инстинктивно тянувшей к нему оппозиции.

Трагическая смерть царевича Алексея, присужденного сановниками к смертной казни, вызывала у современников и позднейших поколений разноречивые слухи и догадки. Одни утверждали, что царевич умер после пытки, в которой участвовал сам Петр; другие предполагали смерть от волнения; официальная версия гласила, что царевич «от кровяного пострела умер». В Русской Старине[1] было напечатано письмо капитана гвардии

[1] «Русск. Стар.», 1905 г., август, 410—416 стр.

В письме чувствуется неподдельная живость впечатления очевидца события, которая, впрочем, не устраняет некоторых сомнений в его подлинности. Прежде всего бросается в глаза дата письма. 26 июня царевич был задушен, а 27-го Румянцев уже пишет своему благодетелю подробное доношение (семь страниц печатного текста), очень больших размеров и хорошо отделанным языком. Затем непонятна решимость вверить «тайну» бумаге, когда автор мог удовлетворить любопытство своего «благодетеля» устно, тем более что

Александра Румянцева к Д. И. Титову, в котором автор, признавая себя участником убийства царевича, в живой драматической форме описывает это событие. Ввиду выдающегося интереса, какой представляет из себя это признание, мы приводим из него выдержки. «Светлейший князь Меншиков,— пишет Румянцев,— да канцлер граф Голкин, да тайный советник граф Петр Толстой, да я ему (царевичу) то осуждение прочитали. Едва же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав охранение его слугам да лекарю, мы отъехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал, и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии майор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в 1-м часу пополуночи. Недоумевая, ради коей вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введен от дворцового камергера во внутренние упокои и даже увидел царя сидяща и вельми горююща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, Троицкий архимандрит Феодосий от Александровского монастыря, его же царь зело уважая за духовника и доброго советодателя имеяти, да Толстой, да Ушаков, а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил. А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя

Д. И. Титов, по-видимому, жил в Петербурге, иначе так скоро Румянцев не мог бы получить от него запроса, если бы Титов жил в другом городе. Приходится пожалеть, что редакция журнала, печатая этот интересный документ, не сообщила, доставлен ли ей он был в подлиннике или копии, как этот документ попал в руки А. А. Карасева и пр. Без этих указаний пользоваться письмом, как документом, мы не решаемся и приводим его, как версию слухов о смерти царевича.

к блаженному Феодосию, просил у него благословение, на что сей рек: «Царю благий, помысли мало, да не каяться будеши». А царь сказал: «Злу, отче святый, мера грехов его, и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет, и пред Богом, и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагого Бога, да простит мое окаянство». Тогда Феодосий, воздев руки, помолился и благословил царя, глаголя: «Да будет воля твоя, пресветлый государь, твори, яко же пошлет ти на разум сердцевидец Бог». Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: «Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделать; оный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву, пред Богом данную, скрыл от нас большую часть своих преступлений и общенников, имел в уме, да сии последнии о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся, мы, праведно негодуя за такое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многие и премногие злодеяния, о коих нам и в помышление придти не могло. Суд тот, якоже и вы все ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от Св. писания указуя, его царевича достойно к понесению смертной казни осудил... Не хощу поругать царскую кровь всенародною казнию; но да совершится сей предел тихо и неслышно, якобы его умрети от естества предназначенного смертью. Идите и исполните, тако бо хощет законный ваш государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!»

«Сие глаголаше, царь новыя тучи исполнился, и аще бы не утешения от царицы да не слова в иноцех блаженного Феодосия, толике яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключила бы. Не веда-

но, в кое время и коим способом мы из царского упокоя к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковинного казуса весь ум мой обуяла, и долго бы я оттого в память не пришел, когда бы Толстой напамятованием об исполнении царского указа меня не возбудил.

А как прошли мы в великие сени, то стоящего тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовые стражи, отойти к наружным дверям приказал, яко бы стук оружия недугующему царевичу беспокойство творя, вредоносен быть может... И так во всем доме осталося лишь нас четверо да единый царевич, и то спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством, да его безвременно не разбудят. Тогда мы елико возможно тихо перешли темные упокои и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампады, пред образом горящей, и нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, якобы от некоего сонного и страшного видения, да еще по времени и стонуща. А-бы и вправду недужен вельми, так что и св. причастия тоѓо дня вечером, по выслушании приговора, сподобился страхом, да не умрет, не покаявшись во гресех; с поры его здравие далеко лучше стало и по словам лекарей к совершенному выздоровлению надежду крепкую подавал. И нехотяще никто из нас его мирно покоя нарушати, промеж собою судяще, не лучше ли да его во сне смерти предать, и тем от лютого мучения избавити. Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы (!). Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: «Ваше царское высочество, восстаните!» Он же, открыв очеса и недоумевая, что сие есть, сиде на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства вопрошая. Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: «Государь царевич, по суду знатнейших

людей земли русской ты приговорен к смертной казни за многие измены государю, родителю твоему, и отечеству. Се мы, по его царского величества указу, пришли к тебе тот суд исполнить, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть к концу своему».

«Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из того успеха не возымев, начал горько плакатися и глаголя: «Горе мне бедному, горе мне, от царския крове рожденному, не лучше ли мне родитися от последнейшего подданного?» Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «Государь яко отец простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но, яко монарх, он измен твоих и клятв нарушения простить не мог, боясь, не в кое злоключение отечество свое повергнет чрез то, того для отвергни вопли и слезы, единых баб свойство, и приими удел свой, якоже подобает мужу царских кровь и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих». Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекал детоубийцей. А как увидели, что царевич молиться не хочет, то, взяв его под руки, поставили на колени, и один из нас, кто же именно, от страха не упомню, говорит за ним: «Господи! в руце твои предаю дух мой;» он же не говори того, ру-

Принцесса Шарлотта, жена царевича Алексея Петровича

ками и ногами прямися и вырваться хотяще. Тогда той же, мню, яко Бутурлин, рек: «Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец». И с сим словом царевича на ложу спиною повалиши, и, взяв от возглавия два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движения рук и ног утихли и сердце битеся перестало... что сделалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти ему разума потрясения сталося.

А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича, якобы спящего, и, помоляся Богу о душе, тихо вышли»[1].

Дело царевича Алексея было раскрыто как раз в тот момент, когда оно из тесного кольца окружавших царевича лиц стало пускать свои корни в массу. В этом мы можем убедиться из тех заявлений подчас фанатического сочувствия царевичу Алексею, какое неоднократно высказывалось в обществе и смело повторялось в застенке.

В 1718 г. Петр потребовал у подданных отречения от наследника Алексея Петровича и присяги своему второму трехлетнему сыну (от Екатерины) Петру Петровичу. 2 марта Петр I был в церкви. Во время богослужения перед ним явился старик и подал ему бумаги. Петр принял их и развернул первую: это был печатный экземпляр присяги царевичу Петру Петровичу и отречение от царевича Алексея Петровича. Под присягою, где следовало быть подписи присягающего, написано было крючковатым, но четким крупным почерком:

«Святым пречестным Евангелию и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызаю ныне и всегда за избавление моих грехов и за охранение от тяжких мо-

[1] Язык этого письма вызывает основательные сомнения. По всей вероятности, оно — позднейшая подделка. *Ред.*

их видимых и невидимых врагов; а за неповинное отлучение и изгнание всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворящего Креста Христова не целую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим вняти в свидетельство изрядное, хотя за то и царской гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь».

Раскольники по-своему объясняли трагедию царевича, выражая ему сочувствие: «Царь — не прямой царь, а антихрист; приводил царевича в свое состояние, и он его не послушал, и за то его и убил»...

Неизвестно, чем бы кончилось «дело царевича», в котором московская оппозиция нашла знамя для своего выступления, если бы оно не было вовремя раскрыто.

Тот интерес, который всецело захватил Петра при розыске этого дела, та жестокость, которую он проявил к его ближайшим и отдаленнейшим участникам, а равно и к лицам, выражавшим участие много позже уже несуществующему царевичу, показывают, что Петр в этом деле видел для себя такую же опасность, какую ему удалось уже раз подавить в лице стрельцов, этой первой организованной оппозиции Москвы против Петра. Небезынтересно отметить, что именно в трагедии царевича Алексея фиксировался в народном сознании образ борьбы старого с новым.

Самыми ярыми выразителями оппозиционного настроения Москвы к делам Петра были большею частью, выражаясь тогдашним языком, «подлые люди»: солдатская жена и квартирохозяйка, поп да фанатик-«раскольщик», дьячок да капитан с монашескими на-

клонностями, захудалый помещик да отставной дьяк,— вот приблизительно те чины и звания, которые больше всего доставляли материалов для заплечных работ преображенских мастеров. Что они громче и энергичнее всего кричали,— это понятно: «подлые люди» острее всего чувствовали на себе гнет Петра.

Но эти чины и звания не составляли еще всей Москвы, ее самой влиятельной части.

Мы не слышим в Преображенском застенке авторитетного голоса старого боярства, поместного служилого дворянства и высших чинов «учительского класса». Было ли их молчание знаком согласия? Далеко нет! Высшее духовенство, как и старое боярство, имело хороший практический взгляд и политический опыт от времени Грозного и стрелецкого бунта при Софье вплоть до розыскных дел Соковнина с Пушкиным и царевича Алексея. Во всяком случае, положение этих чинов при Петре было сравнительно настолько хорошо, чтобы не желать променять его на виску в Преображенском Приказе.

В частности высшее духовенство уже в лице патр. Адриана научилось искусству смирно «жить из-за куска, беречь мантии и клобука белого», как говорили современники. Английским купцам, изъявившим опасение, не будет ли патриарх сопротивляться табачной продаже, Петр сказал: «Не беспокойтесь: патриарх при мне блюститель только веры, а не табачный надзиратель». Да и вероблюстительство его было Петром укорочено. Перед началом казни стрельцов патр. Адриан поднял икону и пошел в Преображенское печаловаться за обреченных. Завидев патриарха, Петр закричал ему: «К чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорей и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев...» Патриарх

после этого навек замолк. Замолкли и другие иерархи, для которых позорная казнь архиеп. ростовского Досифея была наглядным уроком, что сан не спасет их от Петра. Иерархи и подручное им духовенство, когда «не могло молчать», выражали свое оппозиционное настроение много-много в туманных проповедях, вроде той, какую произнес Стефан Яворский, говоря рабским языком о верблюде, мутящем воду, чтоб не видеть своего безобразия, да в форме пассивного сопротивления, какое, напр., духовенством было проявлено по отношению к указу Петра об учреждении цыфирных школ.

Старое родовитое боярство при Петре раскололось — часть поступила на службу Петру и перемешалась между «новыми людьми»; другая часть молчаливо доживала свои дни, довольная тем, что Петр редко обращал на них свое насмешливое внимание, хотя и не выпускал их из сферы своего полицейского наблюдения. Указ боярам строить себе дома в Петербурге едва ли мотивировался исключительно желанием скорее застроить любимый «Парадиз»: Петр любил одним выстрелом убивать нескольких зайцев. Но молчание родовитого московского боярства не было сердечным согласием его с делами Петра. Процесс царевича Алексея показал, какое тяготение к этому делу имели некоторые родовитые бояре (кн. Долгорукий и др.). Еще ярче их оппозиционное настроение сказалось при решении вопроса, кому быть наследником Петра. Только решительное заявление гвардейских офицеров, что они «голову разобьют старым боярам», если они будут подавать голос против Екатерины, спасло ей трон. Тем не менее, учреждение Верховного тайного совета было явною уступкой оппозиционному боярству, молчавшему, пока уста их сковывал страх перед железною волею Петра. Этот страх чувствовался в Керженских скитах не менее ощутимо, чем в боярском тереме, за стеной московского монасты-

ря и «на верху» в царской семье. Сестра Петра, Екатерина Алексеевна, писала своей наперснице, поверенной по открытию кладов, когда дело об их кладоискательстве попало к Ромодановскому: «Пуще всего писем чтобы не поминала (соучастница); для Бога, ты этих слов никому не сказывай, о чем писано.— Не верь ни в чем никому, ни родному...» «О чем и спрашивают, и в чем нет свидетелей, так нечего и говорить, чтоб моего имени не поминали, и так нам горько и без того...»

В этом всеобщем страхе, который пережил своего носителя, и нужно искать разгадку той парализованности и нерешительности, какую проявляли враги Петра, чувствовавшие себя и свой мозг в щупальцах того спрута, который сидел сначала в Преображенском застенке, в виде Ромодановских, а потом, сверх того, и в тайной канцелярии Петербурга в лице гр. Петра Андр. Толстого и его клевретов. Но этот страх не долго продолжался, и уже через 10—13 лет обнаружилась цена того молчания, которым напутствовали высшие слои русского общества дела Петра Великого. «Память Петра I,— писал Фоккеродт в 1737 г.,— в почтении только у простоватых и низшего звания людей (им было плохо и после Петра) да у солдат, особливо у гвардейцев, которые не могут еще позабыть того значения и отличия, какими они пользовались в его царствование. Прочие хоть и делают ему пышные похвалы в общественных беседах, но если имеешь счастье коротко познакомиться с ними, снискать их доверенность, они поют уже другую песню... Большинство их не только взваливает на него самые гнусные распутства и самые ужасные жестокости, но даже утверждает, что он не настоящий сын царя Алексея.

Об его храбрости и прочих, приписываемых ему, качествах у них совсем другое понятие, нежели какое составили о том за границей, и большей части его дел они дают очень странные, не слишком-то для него почетные

причины. Все его новые распоряжения и учреждения они умеют превосходно обращать в смешную сторону; кроме того, Петербург и флот в их глазах мерзость... Да и заведение правильного (регулярного) войска, считаемое всем светом за величайшую пользу, доставленную царству Петром I, для них бесполезно и вредно; бесполезно по их твердой уверенности, что только бы они сами сидели смирно и не мешались без надобности в ссоры, а то никто не нападет на них из соседей и что, во всяком случае, довольно с них и старых военных порядков для удаления врага от своих пределов; вредно потому, что считают правильно обученное войско новыми узами, которые вполне подчиняют их самовластному произволу государя, как бы ни был он несправедлив и странен, лишают их всякого покоя и удовольствия, какими они могли бы наслаждаться на родине, и принуждают их служить на войне, которая в подобном случае, по мнению их, великая беда, а для тех, которые служат тут по доброй воле,— большая глупость.

Их рассуждения об этом предмете своеобразны. Если приведешь им на ум пример других европейских народов, у которых дворянство ставит себе в величайшую почесть отличаться военными заслугами, они отвечают: «Много примеров такого рода доказывают только то одно, что на свете больше дураков, чем рассудительных людей. Коли вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всем тем подвергаетесь из пустой чести потере здоровья и жизни, и в этом только и ставите такую честь, так покажите нам разумную причину такого поведения. Вот коли вы из нужды служите, тогда можно извинить вас, да и пожалеть. Бог и природа поставили нас в гораздо выгоднейшие обстоятельства, только бы не мутили нашего благоденствия иноземные затеи. Земля наша такая обширная, а нивы такие плодородные, что ни одному дворянину не с чего голодать, сиди он только дома, да

смотри за своим хозяйством. Как ни маловато его имение, хотя бы и сам он должен был ходить за сохой, ему все же лучше, чем солдату. Ну, а кто мало-мальски зажиточен, тот пользуется всеми утехами, каких может желать с рассудком: вдоволь у него и пищи, и питья, одежи, челяди, повозок; тешится он, сколько душе угодно, охотой и всеми другими забавами, какие бывали у его прадедов... Теперь после того, как вы-то, иностранцы, внушили нашему государю такие правила, что войско следует держать всегда, в мирную и военную пору, нам уж нечего и помышлять о таком покое... Только что замирились, думают уж опять о новой войне, у которой зачастую и причины-то другой нет, кроме самолюбия государя, да еще его близких слуг. В угоду им не только разоряют не на живот, а на смерть, наших крестьян, да и мы-то сами должны служить, да и не так еще, как в старину, пока идет война, а многие годы кряду жить вдалеке от своих домов и семейств, входить в долги, между тем отдавать свои поместья в варварские руки наших чиновников, которые зауряд так их доймут, что, когда, наконец, придет такое благополучие, что нас по старости, али по болезни, уволят, нам и всю жизнь не поправить своего хозяйства... Земля наша довольно велика, и потому распространять ее не для чего, а разве только населять. Завоевания, сделанные Петром I, не дают России ничего такого, чего бы не имела она прежде, не умножают и нашу казну, но еще стоят нам гораздо дороже, чем приносят дохода. Они не прибавляют безопасности нашему царству, а еще вперед, пожалуй, сделают то, что мы станем больше, чем следует, мешаться в чужие ссоры, и никогда не останемся в барышах от того. Потому-то Петр I наверное уж поступил бы гораздо умнее, если бы миллионы людей, которых стоили шведская война и основание Петербурга, оставил за сохою дома, где недостаток в них слишком ощутителен. Старинные цари хоть и делали завоевания,

да только таких земель, владение которыми необходимо для царства, или откуда нас беспокоили разбои. Кроме того, они давали нам пользоваться плодами наших трудов, поступали с побежденными, как с побежденными, делили между дворянством их земли: а на место того ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами, так что изо всего этого завоевания не выходит нам никакой другой прибыли, кроме чести оберегать чужой народ на свой счет да защищать его своею же кровью».

Эта испепеляющая критика дел Петра, принадлежащая, по всем видимостям, служилому поместному дворянству — «шляхетству», может служить восполнением того пробела, который у нас невольно получился при характеристике отношений к Петру разных групп оппозиционного центра. В застеночных актах служилое дворянство не оставило своих следов, может быть, потому, что слишком занято было петровскими маршами, а может, и потому, что военный регламент Петра научил «шляхетство» беречь свои головы и поместья не меньше, чем духовный регламент — беречь духовные клобуки и приходы...

С не меньшею запальчивостью подводила итоги деяний Петра Великого народная сатира, создавшая в аллегорическом изображении «погребение кота мышами» — символическую оценку кончившегося царствования. В этом отношении народное творчество шло против Петра по стопам Петра, который при жизни был большой мастер изображать свои успехи и неудачи врагов в грубовато-наивных, но общедоступных аллегориях и эмблемах.

Бесчисленное количество изданий, которое выдержала сатира-картинка «как мыши кота погребали», говорит за ее популярность и сочувствие к ней в широких демократических слоях общества. В ее героях труд-

но не узнать Петра, близких к нему лиц, сотрудников и «бесчинного» их поведения, с старомосковской точки зрения. Царский титул покойного «кота» ясно вскрывается в его характеристике: «кот Казанский, ум Астраханский, разум Сибирский, усы, как у турка»... В сатире точно вскрывается и день смерти Петра: «в серый (зимний) четверг в шестопятое число» (Петр скончался в январе, в четверг, в шестом часу утра). Не без цели показывает сатира и знакомую народу «одноколку», обычный экипаж покойного кота. В котовой вдове, «чухонке-адмиральше Маланье» нельзя не узнать Екатерину Первую. Демократическая сатира оценивает в делах Петра не ту сторону, которая подверглась испепеляющей критике дворянства, более всего затронутого государственными преобразованиями Петра. И в этом может быть кроется одно из доказательств, что государственные реформы Петра были согласованы с коренными запросами народной жизни, и самая тяжесть их была как бы в привычном порядке вещей. Но зато удостоилась удвоенного внимания сатирического народного творчества другая сторона деяний Петра Великого,— все то, что шло в них в разрез с старомосковскими бытовыми устоями, что казалось бессмысленным новаторством и в корень расходилось с привычными формами и проявлениями народной жизни. Брадобритие, табакокурение, клеймление рекрутов-новобранцев, необычное введение музыки в церковный обряд погребения; принудительное плетение лаптей, всепьянейший собор, засилье иноземцев и иноземщины,— все, чем своеобразна была окружавшая Петра атмосфера, бичуется в колкой сатире, как богомерзкое и бесчинное поведение распутного Кота. Это как раз та сторона Петровских реформ, которая больше всего бросалась в глаза современнику и в глазах последующих поколений казалась ненужным увлечением великого деятеля на троне.

С этой точки зрения сатира «как мыши кота погребали» является не только злобной иронией над тяжелою деятельностью Петра, но и вполне здоровой, нормальной оценкой ее слабых сторон, и в то же время веселым итогом тех скорбных речей, которые во время жизни Петра с стоном неслись с трибуны современной Петру оппозиции, из Преображенского застенка.

В. Уланов

«ПТЕНЦЫ ПЕТРОВЫ»

I

Сохранилось предание, записанное Остерманом, будто Петр Великий однажды сказал: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Эти слова верно передают отношение преобразователя России к Западной Европе: он не был слепым подражателем Запада и искал сближения с Европой не для того, чтобы сделать Россию Францией или Германией, а для того, чтобы, воспользовавшись ее многовековым опытом, ускорить естественный рост России. Петра Великого можно назвать западником в том смысле, что он не признавал за каждым народом (и за Россией в том числе) особого провиденциального предназначения в ходе всемирной истории. Но, стоя на точке зрения общ-

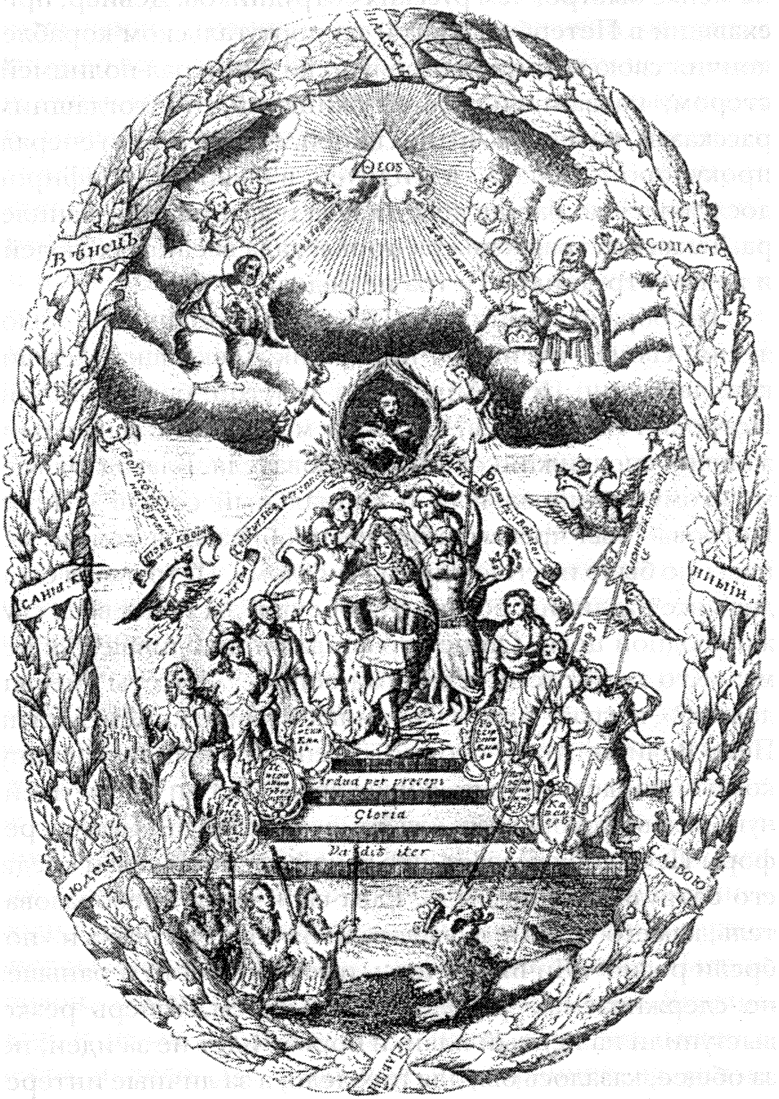
ности развития всех народов, он вовсе не был принципиальным противником русских начал жизни, не считал Запад во всем лучше России. Он был русским человеком не менее своих предшественников, но он только яснее их сознал отсталость культурного развития России и сумел лучше и быстрее найти средства для ускорения ее естественного роста. Как говорит проф. Ключевский[1], «реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, устраивавшегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, внести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил».

В числе средств, при помощи которых Петром осуществлялась его реформа, одним из главных и трудных было подыскание штата сотрудников. Петр искал и находил их везде — и в России, и на Западе, не справляясь с их метриками, как он мало задумывался над происхождением своей речи, и брал всякое слово, верно передающее его мысль. Благодаря этому вокруг Петра собрались люди самых разнообразных национальностей: «авантюрист из Женевы» француз Лефорт, шотландец Патрик Гордон, немец Остерман, выходец из Литвы Ягужинский и целая плеяда русских имен; всем им нашлось место и дело. Не выдвигая иностранцев на самые первые места в управлении (за исключением Лефорта, умершего в 1699 г.), он не держал их в тени и возвышал

[1] «Курс русской истории», ч. IV, стр. 291.

не менее быстро, чем русских сотрудников: Девиер, приехавший в Петербург юнгой на португальском корабле, кончил свою карьеру петербургским генерал-полицмейстером; названный уже Ягужинский, по тогдашним рассказам, пасший в Литве свиней, стал первым генерал-прокурором Сената, а сиделец в лавочке Шафиров дослужился до баронского титула и звания вице-канцлера. Такая быстрая карьера привлекала все новых людей, и ряды сотрудников Петра не редели.

Не обращал внимания Петр и на социальное положение своих «птенцов»: пирожник Алексашка Меншиков, дворянин Петр Андреевич Толстой, боярин Борис Петрович Шереметев,— всех их мы видим в рядах ближайших сподвижников преобразователя. Благодаря всему этому национальный и социальный состав «гнезда Петрова» был чрезвычайно разнообразен, а тем не менее, оно было именно одним «гнездом». Петр сумел сгладить все различия, все противоречия, заставил всех служить одной цели. Он не спрашивал приходившего к нему: «Кто твой отец», а задавал вопрос: «Что ты умеешь делать?» и сразу вводил новичка в работу. Чем достиг Петр Великий того, что его «птенцы» сладились в одну компанию, делали одно общее дело? Дал ли он им идейную связь, которая спаяла их в одно тело? Судьба реформ Петра показывает, что такой идейной связи среди его сотрудников не было. Едва скончался преобразователь, как его «птенцы» вылетели из общего гнезда и «побрели розно». Личные счеты, имевшие место и раньше, но сдерживаемые руководителем-царем, теперь резко выступили на первый план, и борьба идет не за идеи, не за общее, казалось бы, для них дело, а за личные интересы. Тут и обнаружилось, что они служили больше лицу, чем делу, и как дети, оставшись без воспитателя, передрались из-за того, что мирно делили раньше. Наиболее видные из петровских дельцов, вошедшие в правитель-

Апофеоз кн. А. Д. Меншикова

ство его преемницы, немедленно принимаются за ликвидацию того, что оставил им их учитель, сводя на этой почве свои личные счеты, так как оказалось, что у них нет ни сил, ни желания докончить «недостроенную храмину», как Меншиков называл тогдашнюю Россию. Наиболее существенные реформы Петра были или отменены, или сужены, так как, по верному выражению Павлова-Сильванского[1], «нельзя не заметить, что, резко критикуя реформу, они не дорожат ее основанием, мало сочувствуют ей вообще и даже нередко не вполне ее понимают». Всего через $1\frac{1}{2}$ года после смерти Петра они уже поднимают вопрос об уничтожении введенной им провинциальной администрации, упраздняют институт фискалов, многим из них досадивший при Петре, закрывают мануфактур-коллегию для того, чтобы через несколько месяцев заменить ее особой конторой при Сенате с тем же кругом дел, и т. п. Председателем этой ликвидационной комиссии является светлейший князь Меншиков, ближайший друг Петра, всем ему обязанный, и только гр. П. А. Толстой вносил некоторый диссонанс в компанию ликвидаторов, отстаивая Петровскую реформу. Что же тогда соединяло их при Петре? Энергия царя, который умел дать работу самым разнообразным силам в общем деле, умел сгладить противоречия и столкновения личных интересов, его вера в свое дело, его собственная деятельность. Как говорит проф. Ключевский, «Петр, воспитывая себе дельцов, самым обхождением с ними, требованиями служебной дисциплины, собственным примером, наконец, уважением к таланту и заслугам хотел, чтобы его сотрудники ясно видели, во имя чего он требует от них таких усилий». Но так как в конечном счете именно личность Петра соединяла его сподвижников, то, как только не стало Петра, порвались

[1] «Очерки по русской истории XVIII–XIX вв.»., стр. 378.

и связи между ними. Хотя «птенцы Петровы» и сидели в одном гнезде, но они далеко не чувствовали себя близкими родственниками, а, в лучшем случае, детьми одного отца от разных матерей. Привыкнув служить лицу, а не обществу, они оказались после смерти Петра в затруднительном положении: вместо одного лица, теперь оказалось несколько, между которыми нужно было выбирать. Но так как и эти лица боролись между собой за власть не на принципиальной основе (лишь позже кандидатура Елизаветы Петровны выдвигалась, как противовес немецким кандидатам на престол, неспособным продолжать дело Петра, а сама она потом всегда старалась подчеркнуть связь своего царствования с реформой ее отца), то и сотрудники Петра решали вопрос «кому служить?» лишь на почве личной выгоды и интереса; поэтому мы не видим между ними партий «за реформы Петра» и «против реформ Петра», а видим сторонников Екатерины, Петра, Елизаветы и т. д. В этом отношении Петр Великий намного опередил своих сотрудников, поставив целью своей деятельности служение государству и требуя службы не себе, а России, но ему почти не удалось добиться того, чтобы «сотрудники его ясно видели, во имя чего он требует от них таких усилий»: они гораздо яснее сознавали, во имя кого они служат.

Умея находить нужных ему людей, Петр умел понять каждого из них, и всякому давал работу по его силам. Поэтому каждый из его «птенцов» сидел в сущности на своем месте, и среди них не было бездельников — да и нельзя было при Петре залениться. Но чем руководствовался Петр при выборе своих сотрудников, что он прежде всего ценил в людях, какую мерку к ним прилагал? Биографии всех его «птенцов» показывают, что он прежде всего ценил в людях деловитость, практическую самостоятельность и сноровку, а затем — преданность делу и себе и правдивость; последней он требовал не столько

из нравственных соображений, из-за нелюбви ко лжи вообще, сколько из соображений деловых, практических; сам сознаваясь в своих ошибках и на них учась, он того же требовал от своих сотрудников. Однажды член Адмиралтейской коллегии Григорий Петрович Чернышев и адмирал Змаевич дали такой совет молодому Неплюеву (бывшему потом резидентом в Константинополе), указывая, как можно сохранить расположение царя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду,— сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; он больше рассердится, если солжешь». Многое Петр прощал своим сподвижникам, если они удовлетворяли таким требованиям: прощал произвол, жестокость, взяточничество и даже казнокрадство, которое он считал бульшим пороком, чем взяточничество, так как от последнего страдали частные лица, а от первого — казна. Все это и объясняет нам невысокий моральный уровень «птенцов Петровых». Обрядив их в европейское платье и задав им трудную и большую работу, Петр не мог или не сумел сделать их лучше в нравственном отношении. Ловкие, предприимчивые и подчас смелые дельцы, они наделены крупными нравственными недостатками. Один их общий порок — воровство, указал еще Ягужинский. Однажды император, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». «Государь,— отвечал Ягужинский,— неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все воруем, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся и ничего не сказал на это.

Невоздержанность в проявлении своих чувств (выражаясь мягко) — другой их общий порок; они не знают сдержки своим страстям и не умеют жить в обществе;

они не уважают человеческой личности в своих противниках, они такие же самодуры, как их предки времен «Домостроя»; драка и брань — самые обычные явления их житейского обихода. Впрочем, в этом отношении не выше стоял и их учитель. Поставив целью своей деятельности служение благу государства, Петр не допускал иного понимания этого блага, кроме своего, и мало считался со вкусами, привычками и взглядами своих подданных. Идея государства в его мировоззрении вполне поглощала идею индивидуальной личности, и сомнений в правильности такой точки зрения не допускалось. Всякое проявление оппозиции он жестоко карал. Его «птенцы» шли по стопам учителя, с той лишь разницей, что они общие интересы приносили в жертву своим личным; другими словами, они хорошо усвоили методы воспитания, исказивши или не понявши его целей. А методы Петровского воспитания, действительно, были суровы. Наиболее часто в своей педагогической практике он прибегал к знаменитой дубинке; не было, кажется, вельможи, по спине которого не прошлась бы эта дубинка; не раз испытывал ее воздействие и сам светлейший князь ижорский фельдмаршал Александр Данилович Меншиков. По остроумному замечанию проф. Ключевского, Петр признавал за своей дубинкой «большие педагогические способности и считал ее своей неизменной помощницей в деле политического воспитания своих сотрудников, хотя знал, как трудна ее задача при неподатливости наличного воспитательного материала». Впрочем, лишь подававшие надежду на исправление и наиболее близкие к царю лица знакомились с этим средством Петровской педагогики. Люди безнадежные и впавшие в немилость зачислялись уже в разряд преступников и часто платились своими головами. Особенно много пострадало за казнокрадство. Сибирский генерал-губернатор кн. Гагарин был повешен, петербург-

ского вице-губернатора Корсакова после пыток публично высекли кнутом; схваченным вместе с ним сенаторам кн. Волконскому и Опухтину публично жгли языки раскаленным железом; вице-канцлер барон Шафиров был снят с плахи и отправлен в ссылку, один следователь по делам о казнокрадстве расстрелян. Конечно, такие меры воздействия не могли содействовать воспитанию общественных нравов: несколько запугивая общество, они не перерождали его, и зло не исчезало. Поэтому Петр, жестоко карая казнокрадство, не вывел его из русской жизни. Но Петр жестоко карал и вообще всякое ослушание своей воле. Общеизвестны, например, штрафы, установленные им за непосещение ассамблей, маскарадов и других увеселений, или за нарушение правил, введенных для таких случаев. От штрафа не спасало ничто. Так, например, в 1721 г. он праздновал заключение Ништадтского мира. Жена фельдмаршала Олсуфьева, родом немка, ожидавшая рождения ребенка, не явилась на маскарадную процессию, гулявшую более трех недель по Петербургу. За это она должна была явиться в сенат с 30 другими дамами, чтобы выпить штрафное количество вина, причем для усиления наказания к вину подмешивали водку. Олсуфьева обратилась за помощью к Екатерине, чтобы избавиться от этого наказания, но не помогло и вмешательство императрицы, так как Петр ответил, что снисхождение к немке усилит неприязнь русских к иностранцам. На другой день у Олсуфьевой родился мертвый ребенок, но сама она осталась жива. Дисциплину в войске он поддерживал тоже жестокостью, часто грозя, например, в своих письмах казнью (по жребию одного из 10) или каторгой. Угроз: «шеею заплатишь», «без головы будешь», не избежал, напр., и князь Репнин. Но все было напрасно. По словам проф. Ключевского, «в последние годы жизни Петр издал ряд указов, проникнутых необычным ему настроением. Это не

краткие и резкие приказы, а многословные, расплывчатые поучения, в которых автор и жалуется на общую служебную распущенность, и скорбит о пренебрежении указов, грозящем государству конечным падением, подобно греческой монархии». Однако в то же время Петр, по-видимому, еще не изверился в спасительную силу жестоких кар для исправления общества и своих «птенцов». По крайней мере, на вопрос обер-фискала Мякинина, докладывавшего ему дела о казнокрадстве, «обрубать ли только сучья, или положить топор на самые корни», Петр ответил: «Рубите до тла».

II

Окидывая взором ряды сотрудников Петра, мы не можем не сказать: какая смесь племен, наречий, состояний! Вот один из первых его «птенцов», веселый гуляка, щеголь и кавалер Лефорт, человек невежественный, но мастер по устройству пиров и увеселений и сам их деятельный участник, «дебошан французский», по словам кн. Куракина; беспринципный и пустой, но преданный Петру; хитрый и ловкий, он сумел снискать его расположение и сделался первым адмиралом новорожденного русского флота. После взятия Азова Петр устроил торжественный въезд в Москву. Лефорт, изображавший в данном случае как бы римского триумфатора, был ввезен в столицу на колеснице, сделанной наподобие морской раковины, блиставшей золотом и лазурью и украшенной изображениями тритонов, наяд и проч.; колесница была запряжена шестеркой прекрасно убранных лошадей, а Лефорт сидел в ней в белом мундире, шитом золотом, с жезлом в руке.

Рядом с Лефортом кажется совсем невзрачным, тусклым сын вестфальского пастора Остерман. Он в сторо-

не от борьбы, вне партий, но в то же время ловкий придворный интриган, который в нужный момент (как при избрании Анны Иоанновны) умеет заболеть. Он тих и как будто робок, но зато никто из «птенцев» Петровых не был способен к такому упорному, усидчивому труду, к изучению порученного дела до последних мелочей. Прекрасный языковед — он знал хорошо немецкий, французский, итальянский и русский языки — Остерман был тонким дипломатом, без которого не решались важнейшие дипломатические вопросы нескольких царствований, при Петре же он заведовал иностранной перепиской в 1703 г. «При обсуждении дела,— говорит Соловьев,— он не закричит так против Англии, как неистовый Ягужинский, не вооружится так сильно и решительно против австрийского союза, как Толстой, но он тихонько подвернет такую штуку, что испортит все дело, уже решенное: Ягужинский и Толстой замолчат». Но с ним мог поспорить в его искусстве ловкий и образованный дипломат кн. Б. И. Куракин, свояк Петра, оказавший ему важные услуги по дипломатической части как посол в Лондоне, Ганновере, Нидерландах и Париже и как представитель России на утрехтском и брауншвейгском конгрессах.

Совершенно иную фигуру представляет потешный генералиссимус и адмирал, король Пресбургский, князь-кесарь Ромодановский, начальник Петровского застенка, которого сам царь не раз называл «зверем», что не мешало ему вместе с фельдмаршалом Шереметевым разделять привилегию входа к Петру без доклада. Он совершенно не знал удержу своим рукам и приходил во время пыток в какой-то экстаз, «обливался кровью в Преображенском». Этот Малюта Скуратов XVIII века, «человек скудный в своих рассудках», по словам Курбатова, был «великомочным в своем правлении», мог «учинить, что хочешь». Не менее нелестно другое современное свиде-

Лефорт

тельство: «собою видом, как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни». Преданность Петру покрывала все его зверства, и он так и скончал свои дни «заплечных дел мастером», хотя Петр не раз жаловался на него; 8 июля 1713 г. он писал, например, Апраксину: «С дедушком нашим, как с чортом вожуся; а не знаю, что делать. Бог знает, что за человек». Под стать ему был король польский или по своей столице царь семеновский И. И. Бутурлин, сухопутный генерал, «человек злорадный и пьяный и мздоимливый», преемник Зотова на посту князя-папы. Что касается этого последнего, то он носил, кроме того, титул «всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кокуйского и всея Яузы» и был председателем «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора», будучи и сам великим бражником. С Петром его связывали, главным образом, воспоминания о первых годах учения царя. В бражничестве Зотову мало уступал генерал-адмирал Апраксин («самый сухопутный адмирал», по словам проф. Ключевского), человек ограниченного ума и способностей, мало даже сочувствовавший реформам Петра, но сильно преданный ему лично. Апраксин был типичным хлебосольным русским боярином, любившим напоить своих гостей; поэтому ни у кого из Петровских вельмож не пили так часто и так много, как у него. Сам любитель выпить (при-

чем, выпивши, он обыкновенно заливался горькими слезами), он не отступал от гостя до тех пор, пока тот не осушал налитый бокал, чем приводил хозяина в неописанную радость. Не последнюю роль в этих попойках играл Ягужинский, обладавший, в противоположность Апраксину, ясным умом и энергией; веселый и общительный, он был очень вспыльчив, а после попоек доходил до бешенства и часто лез в драку; из денщиков царя он дослужился до генерал-прокурорства и стал первым щеголем в новой столице; благодаря своей ловкости, он удержался и при Екатерине I и при Петре II (несмотря на вражду с Меншиковым), а при Анне Иоанновне сделался одним из трех кабинет-министров. Таким же искусным «лоцманом» является канцлер Головкин; видная персона при Петре, он поднимается еще выше потом: делается членом Верховного Тайного Совета при его жене, затем содействует возведению на престол Петра II (хотя он и был в числе судей его отца), участвует в попытке ограничить власть Анны Иоанновны, после чего, однако, занимает пост кабинет-министра. Высокого роста, худой, он был воплощением скупости; «в приемной комнате у него главное украшение составлял длинный парик, повешенный там только для вида, потому что Головкин, по скупости, никогда не надевал его» (Соловьев).

Представителем просвещенных вельмож Петровского царствования может служить кн. Д. М. Голицын. В 1697 г. он вместе с другими дворянами побывал для изучения «навигацкой» науки за границей. Не будучи моряком по призванию, он больше интересовался за границей политическими порядками и идеями Запада, и вывез оттуда немало книг. Его подмосковная библиотека насчитывала до 6 тыс. томов исторического, политического и философского содержания, на разных языках. Потом по его заказу немало книг было переведено. Со-

чувствуя реформам Петра, он не одобрял приемов их проведения, и как просвещенный «европеец» чуждался бесшабашной петровской «кумпании». Сторонился его и Петр, медленно давая ему повышения, и дальше сенаторства Голицын при Петре не пошел. Потом он двинулся быстрее: член Верховного Тайного Совета при Екатерине I, он стал главой боярской оппозиции, а потом сыграл видную роль при воцарении Анны Иоанновны, как автор первого у нас проекта ограничения самодержавия. Благодаря его влиятельному положению, имп. Анна некоторое время не трогала его, но в 1737 г. он был привлечен к суду и заключен в Шлиссельбург, где вскоре и умер.

Из представителей знати выделялся также кн. Як. Ф. Долгорукий, тайный советник, генерал-пленопотенциар, кригс-комиссар и сенатор, взятый в плен под Нарвой и необычайным способом вернувшийся в 1711 г. в Россию. Считавшийся образцом неподкупности, он, по словам Петра, однако «был не без причины»; и действительно, он не раз был уличен в лихоимстве. Но и ему, подобно многим другим, это сходило с рук, как проходили безнаказанными его споры с самим царем в Сенате, причем однажды он даже задержал исполнение принятого Сенатом и одобренного царем указа.

Совершенно особое положение в рядах Петровских сотрудников занимали так называемые «прибыльщики», с их родоначальником Курбатовым во главе, автором проекта о введении в России «орленой», т. е. гербовой бумаги. Большинство этих прибыльщиков — люди самого простого происхождения. Они представляли собой совершенно новое явление в составе московского правительства,— явление, вызванное к жизни самой реформой Петра, которая требовала изыскания новых источников дохода, что и составляло главную их обязанность. Но они же часто исполняли и обязанности чиновников

государственного контроля, выслеживая взяточничество. Эта последняя профессия, однако, часто заражала их самих той болезнью, которую они призваны были лечить. Курбатов, из дворецких Шереметева, дослужившийся до вице-губернаторства в Архангельске и обличавший во взяточничестве «великих» вельмож до кн. Ромодановского включительно, сам умер под судом по обвинению в казенной растрате. Так же кончил свою карьеру и другой прибыльщик из простых людей Нестеров, обвинявший самого кн. Я. Долгорукова и приведший на виселицу сибирского генерал-губернатора кн. Гагарина; дослужившись до обер-фискальства, он был обвинен в злоупотреблениях и казнен.

К «птенцам» Петра мы можем причислить и таких лиц, как крестьянин-публицист Посошков и астраханский губернатор и в то же время автор «Русской истории» Татищев. Не игравшие роли (особенно Посошков) в преобразовательной деятельности Петра, как его ближайшие сотрудники, они, тем не менее, являются людьми именно Петровского царствования; не вполне еще отрешившись от идеологии русской старины, они уже в многом люди новой формации и новых взглядов. Особенно характерна для Петровского царствования фигура Посошкова, самобытного политико-экономa; появление писателя-крестьянина, невозможное до Петра и много лет после него, весьма типично именно для его времени, когда призывались к общей работе представители всех слоев общества, от верха и до низа.

Такова была в общих чертах «кумпания» Петра, таковы были некоторые из его «птенцов». Чтобы познакомиться с ними несколько ближе, чтобы лучше определить причины и условия их возвышения, остановимся несколько подробнее на биографиях трех его дельцов: Меншикова, Толстого и Шереметева, которые являются представителями трех различных общественных слоев.

III

Светлейший князь Ижорской земли, граф Римской империи, фельдмаршал Александр Данилович Меншиков был самого простого происхождения, «породы самой низкой, ниже шляхетства», по выражению кн. Куракина. Ходила молва, что в ранней юности он был пирожником в Москве; при случайной встрече с Лефортом он будто бы сразу обратил на себя его внимание своей сметливостью и бойкостью права. Лефорт взял его к себе в денщики, а от него он попал на ту же должность к царю, и с этого момента пошел быстро в гору и потом «в милости у царя,— по словам уже цитированного кн. Куракина,— до такого градуса взошел, что все государство правил, почитай, и был такой сильный фаворит, что разве в римских историях находят». Почти сверстник Петра, он был деятельным участником его «потех», вместе с ним обтесывал бревна на голландских верфях, а по возвращении домой с неменьшей энергией помогал рубить головы мятежным стрельцам. С той же охотой он берет на себя обязанности парикмахера и портного, когда Петр начал войну против русских бород и кафтанов: Меншиков собственноручно обстригает бороды членам ратуши и ведет их на показ к царю в Успенский собор, а в его доме шьют европейское платье. Пребывание за границей не сделало Меншикова просвещенным европейцем, и он до конца жизни с большим трудом «вырисовывал» свою фамилию, предпочитая, однако, чтобы, где можно, за него это делали другие. Но некоторый вкус к западноевропейской культуре, к ее показной преимущественно стороне он приобрел и поставил потом свой дом на европейскую ногу. Показавши уже свою расторопность, ловкость и решительность во время азовских походов, Меншиков быстро выдвинулся с самого начала Великой Северной войны. Высокого роста, хорошо сло-

женный, хотя и худощавый, с живыми глазами, хорошо и даже изящно и опрятно одетый (что далеко не часто встречалось среди Петровских вельмож), он не мог не обращать на себя внимания всех, приходивших с ним в соприкосновение. Сам ловкий и энергичный, он обладал большой проницательностью, здравым, ясным умом, что помогало ему, с одной стороны, быть всегда нужным Петру, во всем поддерживая его начинания, а с другой — подобрать себе помощников, составить партию. Он рано стал всем нужен и умел воспользоваться этим. Подпоручик в начале Северной войны, исполнявший в то же вредя обязанности дворецкого и царского камердинера, он в 1702 г. становится комендантом Шлиссельбурга, в 1703 г. получает орден Андрея Первозванного за победу над шведами при устье Невы, а затем делается генерал-губернатором завоеванного края и сторожит царский «Парадиз». Он проявляет в этой должности большую энергию и распорядительность и, получив по просьбе Петра от австрийского императора титулы графа, а вскоре и князя Римской империи, возводится им самим в 1706 г. после победы под Калишем в княжеское достоинство Российской империи с титулом светлейшего; кроме того, Меншиков получает в вечное потомственное владение города Копорье и Ямбург. Победа при Лесной, взятие Батурина, битва под Полтавой и удачное преследование после нее шведов возносят Меншикова на громадную высоту — Меншиков становится фельдмаршалом, получает во владение города Почеп и Ямполь, занимает первое место в празднествах по поводу Полтавской победы, а при его въезде в Петербург больной Петр встречает его за 3 версты от города. Карьера была настолько головокружительной, что Меншиков не удержал равновесия. Получая удовлетворение одной своей страсти — честолюбия, Меншиков не получал в соответствующем размере удовлетворения другой страсти — сре-

бролюбия. «Светлейший» очень любил деньги и не стеснялся в выборе средств для их добывания, чем немало огорчал царя. В 1709–1711 гг. Меншиков на одного себя издержал 45 тыс. р., т. е. около 400 тыс. р. на наши деньги; поземельный доход его равнялся впоследствии 1 300 000 р., а кроме того, у него было на 13 милл. драгоценных каменьев и много вкладов в заграничных банках. Таково было состояние «денщика Алексашки», не имевшего за душой ни гроша при поступлении на службу к Петру. Разумеется, не из сбережений от получаемого жалованья составились эти миллионы, и Петр знал об этом. В 1711 г. он, узнав о поборах Меншикова в Польше, писал ему: «Зело прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита». Но подобные увещания производили на Меншикова мало впечатления, и следственная комиссия, наряженная по делу о его злоупотреблениях, сделала на него начет в 10 милл. р. на наши деньги. Петр сложил большую его часть и простил своего любимца. «Не забывай,– говорил он ему,– кто ты был, и из чего сделал я тебя тем, каков ты теперь». Не удерживало Меншикова от лихоимства и его близкое и хорошее знакомство с царской дубинкой и царским кулаком, и не раз Петр говорил: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать, и в плутовстве скончает век свой; если не исправится, быть ему без головы». Меншиков не исправился до конца дней Петра, но головы не только не потерял, но даже после смерти преобразователя поднял ее еще выше, пока в 1727 г. не попал в Березов. Чем объяснить эту безмерную снисходительность Петра к «светлейшему»? Как мы видели, Петр не заблуждался относительно своего любимца, и, тем не менее, прощал ему больше, чем всем другим. Конечно, в пользу Меншикова говорили такие его качества, как служебная исполнительность, распорядительность, инициатива, быстрота работы, преданность

Петру. Но ведь в этом отношении ему не уступали многие из «птенцов», которые, тем не менее, подвергались строгим и жестоким взысканиям в тех случаях, которые сходили с рук Меншикову. Таким образом, очевидно, не только личные качества отводили гнев царя от его первого любимца. Как можно думать, не последнюю роль в этом отношении играла близость Меншикова ко второй жене Петра, Екатерине. Как ливонская пленница, она при взятии в 1702 г. Мариенбурга попала в руки Шереметева, но скоро от него перешла к Меншикову, который выпросил ее для себя у Шереметева. В 1704 г. Петр, както обедая у Меншикова, увидел прислуживавшую за столом красивую служанку, заинтересовался ею и увез ее к себе. В 1711 г. он женился на ней, а в следующем году объявил об этом официально. Меншикова же он женил еще в 1706 г., как бы опасаясь, по предложению Есипова, возобновления прежних отношений между ним и Екатериной. Вся эта история установила особые интимные отношения между Петром и Меншиковым, дав им на случай размолвок хорошего посредника, и Меншиков не раз был обязан своим прощением заступничеству Екатерины; в течение многих лет он сохраняет чрезвычайно влиятельное положение, оправдывая прозвище «полудержавного властелина». В 1714 г. созрело новое дело о злоупотреблениях фельдмаршала, под влиянием чего с ним даже случился удар. Болезнь Меншикова в значительной степени смягчила царя, и гроза пронеслась мимо, хотя Петр, по-видимому, все-таки несколько охладел к своему любимцу, тем более что вскоре за этим делом возникли новые, и Меншиков продолжал на казенный счет меблировать свои дома, платить казенными деньгами жалованье своей прислуге и проч. Но поддержка, которую он оказал Петру в процессе царевича Алексея, вновь укрепила его положение, и он в 1719 г. становится президентом военной коллегии. Возникшие было вско-

ре новые дела о нем опять как будто поколебали его положение, и Петр даже отнял только что данное ему президентство. Со смертью Петра Меншиков воспрянул духом. С толпой своих сторонников он возводит на престол Екатерину и становится фактическим правителем государства, хотя его противники и добились учреждения Верховного Тайного Совета, как противовеса его влиянию, но и в нем он стал полным хозяином, каким был во дворце. Взаимно многим обязанные друг другу, Меншиков и Екатерина жили в ладу все время ее царствования, и мечты Меншикова заносили его в это время очень далеко. Когда в 1726 г. освободился престол курляндского герцогства, Меншиков усиленно, при поддержке Екатерины, выставлял свою кандидатуру (он хлопотал еще об этом в 1711 г.), как он раньше после отречения польского короля Августа прямо указал Петру на себя, как на кандидата, когда тот спросил его совета по вопросу о замещении этого престола. Но в обоих случаях притязания Меншикова были безуспешны.

Смерть Екатерины не свалила Меншикова — он сумел добиться с помощью подложного завещания Екатерины назначения ее преемником Петра II под условием женитьбы на дочери Меншикова и с регентством из двух царевен, герцога голштинского и Верховного Тайного Совета. Устранив от всякого влияния на дело регентов, Меншиков четыре месяца пользовался исключительным положением: был генералиссимусом официально, а правителем царства на деле. Но, вооружив против себя почти всех влиятельных лиц, он не сумел поладить и с молодым императором. 8 сентября 1827 г. он был арестован и отправлен в ссылку, а потом лишен всех чинов и всего богатства. По жалобам казенных учреждений и частных лиц у него было конфисковано 90 тыс. душ крестьян, 6 городов, 4 милл. р. наличными, да капиталов в заграничных банках на 9 милл. р., брильянтов и разных драгоценнных вещей

на 1 милл. р., большое количество серебряной посуды и 105 пудов золотой и проч. В апреле 1728 г. Меншиков был отправлен со своей семьей в Березов, где он прожил около $1^1/_2$ лет. Биографы обыкновенно изображают Меншикова в этот последний период его жизни сильно изменившимся и даже переродившимся нравственно: смиренный и покорный своей судьбе, истинный христианин, он сооружает собственными руками и на собственные деньги, образовавшиеся из сбережений от казенного пайка, деревянную церковь в Березове, проводит время за чтением Евангелия или за диктованием детям записок о своей жизни, в воспоминаниях о которой он как бы черпал силу для перенесения страданий и приобретения душевного мира.

Граф Ф. М. Апраксин

Так кончил свою жизнь всесильный временщик, мечтавший о двух коронах, обладатель громадных богатств. История его жизни наглядно показывает, как при Петре люди, стоящие на самом низу социальной лестницы, могли достичь едва не царского положения.

IV

Другой тип и другую карьеру дают нам личность и жизнь П. А. Толстого, представителя среднего москов-

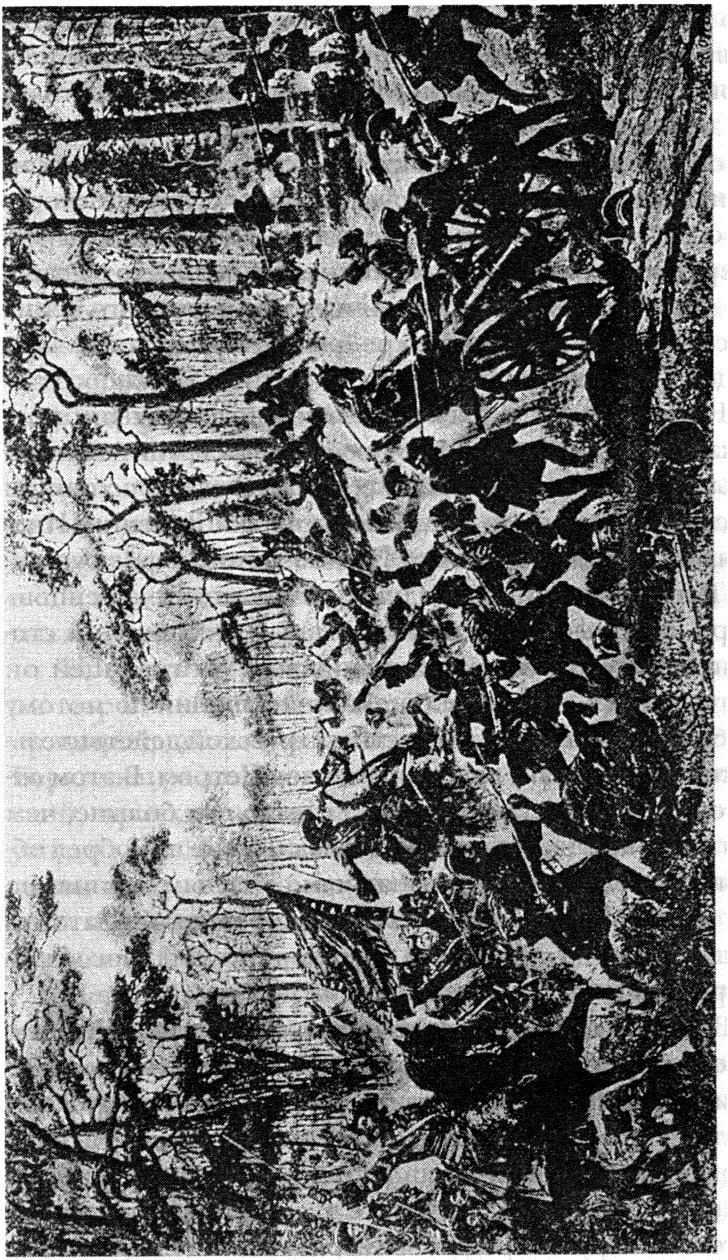
ского дворянства. Человек ловкий и хитрый, учтивый и любезный в обращении, он делал свою карьеру довольно быстро, но не добрался до той высоты, какой достиг Меншиков. По родству с Ф. М. Апраксиным он занял довольно значительное положение при царевне Софье и был серьезно замешан в стрелецком бунте, как ее агент. Потом, вовремя заметив приближение конца Софьи, он перешел на сторону Петра, который принял его, но долго помнил ему 1682-й год и не давал хода. Однажды между ним и Петром произошла по этому поводу такая сцена. Когда на одной вечеринке гости после обеда слишком подвеселились, Толстой, по словам Нартова (токаря Петра В.), «уклоняясь от хмеля, сел против камелька и притворился пьяным, дремлющим, шатал головой и снял с себя парик; в самом же деле подслушивал речи, которые другие подгулявшие откровенно государю говорили. Государь, похаживая взад и вперед и увидя плешивую голову сидевшего на стуле хитреца, подошел к нему, ударил ладонью слегка по голому темени два раза и сказал: «Притворство, господин Толстой».

После, оборотясь к предстоявшим, говорил: «Эта голова ходила прежде за иною головою (Милославского), повисла,— боюсь, как бы не свалилась с плеч».

А притворщик, очнувшись, взглянув на государя, ответствовал тотчас: «Не опасайтесь, ваше величество, она вам верна и на мне тверда, что было прежде — не то после, теперь и впредь».

«Видите,— сказал государь,— он притворился, а не пьян. Поднесите ему стакана три доброго флима (гретое вино с коньяком и лимонным соком), так он поровняется с нами и будет также сорочить».

Чтобы выслужиться, Толстой добровольно едет за границу, когда ему было уже 45 лет, и посещает Германию, Италию и Мальту. Об этом путешествии он оставил прекрасное сочинение, обнаруживающее в нем боль-

Мазуровский. *Битва под Лесным*

шую наблюдательность, ум и эстетический вкус, но в то же время рисующее его как представителя некоторых старых воззрений. Дневник Толстого показывает, что он был человеком религиозным, но его религиозность носит очень обрядовый характер, и в этом отношении он принадлежит еще до-Петровской Руси. С другой стороны, он обнаруживает в религиозных вопросах наивную доверчивость, искренно, по-видимому, веря, что в Рагузе ему, действительно, показывали гвоздь тернового венца Спасителя, почерневший сребреник Иуды, кости младенцев, убитых Иродом, и т. п.

Но не только церкви и религиозные святыни привлекали его внимание. Он посещал академии, театры, побывал в приказных палатах, в судах и проч.; так он описывает, например, судебные порядки Венеции. Иноземным порядкам он отдает предпочтение перед русскими. Толстой был потом одним из немногих «птенцов» Петра, которые могут быть названы убежденными сторонниками его реформ, западниками. За границей он много учился, приобрел немало познаний и потому мог более сознательно отнестись к русской действительности и переменам, внесенным в нее Петром. В этом отношении путешествие за границу дало ему больше, чем многим из других «птенцов». Правда, он не приобрел обширных сведений по прикладным отраслям знания, не стал моряком, хотя и изучал морское дело, но зато он расширил свой умственный кругозор, углубил свое миросозерцание.

В Италии Толстого сильно поразил театр. «На всем свете,— писал он,— таких предивных оперов и комедий нет и не бывает». Самый театр он описывает так: «В тех палатах поделаны чуланы (т. е. ложи) многие в пять рядов вверх и бывает в одном театруме чуланов двести, а в ином триста и больше; а все чуланы поделаны изнутри того театрума предивными работами золочеными».

В Неаполе Толстой смотрел «божницы богов поганских, Меркуриева и иных, которым приносил жертвы проклятый Нерон, и за эту свою к ним любовь купно с ними есть в пекле»,— назидательно прибавляет Толстой; про статую же самого Нерона он говорит, что видел «персону, высеченную из белого камени, проклятого мучителя Нерона, которая не токмо делом и видением подобится самому дьяволу». Затем Толстой рассказывает о виденном карнавале, о Везувии и т. д. Описывая итальянские нравы, он говорит, что «народ женский в Венеции зело благообразен, и строен, и политичен, высок, тонок и во всем изряден; а к ручному делу не очень охоч, больше заживают в прохладах; всегда любят гулять и быть в забавах и ко греху телесному зело слабы». Наоборот, по его словам, «неаполитанцы мужеска полу к форестинам, т. е. к иноземцам, ласковы и приветны, а женский пол и девицы имеют нравы зазорные (т. е. стыдливые) и скрываются подобно московским обычаям»[1].

Но, побывавши за границей и в значительной степени европеизировавшись, Толстой не сумел вполне примирить западную культуру с русской стариной. Так, Берхгольц рассказывает, например, что герцог Голштинский, приехав однажды к Толстому, немало удивился, увидев у него в комнате две совершенно различные картины, повешенные в противоположных углах комнаты: одна изображала кого-то из русских святых, а другая — нагую женщину.

Через 3 года почти после возвращения из заграничного путешествия Толстой получает (по-видимому, с помощью Головкина) место посла в Турции и обнаруживает в этой должности недюжинные дипломатические спо-

[1] Кроме описания путешествия, Толстому принадлежат обширное и основательное описание Турции, описание берегов Черного моря и перевод Овидиевых «Метаморфоз».

собности. Немало претерпев здесь в 1710 г., он был посажен после начала войны Турции с Россией в Семибашенный замок и просидел в заключении 1 год и 5 месяцев и, ловко вывернувшись от обвинения в растрате, он с трудом добивается в 1714 г. возвращения в Россию. При поддержке Меншикова (возможно, что не бесплатной) он попадает вскоре в число тайных советников царя по дипломатической части и принимает потом участие во всех важнейших международных переговорах, обнаруживая большую трудоспособность. Однако недоверие Петра к нему все еще не исчезает, и он иногда говорит: «Петр Андреевич очень способный человек, но, ведя с ним дело, надо держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если он вздумает укусить. Но Толстому все-таки удалось получить чрезвычайно ответственное поручение — привезти из-за границы царевича Алексея, нашедшего убежище у австрийского императора. Блестящее выполнение его сразу дает ему графство, 6000 душ крестьян из конфискованных по делу царевича Алексея и андреевскую ленту. Тогдашняя народная молва прямо обвиняла его даже в убийстве царевича Алексея, однако это обвинение не доказано до настоящего времени. Но как бы то ни было, Толстой сделался одним из самых близких к царю лиц, которым Петр очень дорожил. В последние годы царствования Петра он занимается розысками по делам тайной канцелярии и в то же время заведует камер-коллегией (кроме того, в 1717 г. в компании с Шафировым и Апраксиным он заводит фабрику шелковых тканей с привилегией продавать свои изделия в течение 50 лет беспошлинно, но дело не пошло, и фабрику пришлось закрыть).

По смерти Петра Толстой стал на сторону Екатерины и, оказав значительное содействие возведению ее на престол, пользовался потом большим влиянием при дворе. Но он как-то сразу не поладил с Меншиковым и стал

до некоторой степени главой оппозиции ему. Позднее они помирились, и по предложению Толстого был учрежден Верховный Тайный Совет, куда вошел и сам Толстой. Борьба против брака Петра II с дочерью Меншикова погубила Толстого. Меншиков, привлекши к суду генерал-полицмейстера Девиера за неприличное поведение во дворце во время болезни императрицы, по его оговору привлек к суду и Толстого, обвиняя его в разговорах с Девиером «о сватанье великого князя», в желании «без воли ее императорского величества» возвести на престол Елизавету Петровну и в разговоре о «наследстве» с Бутурлиным, Ушаковым, Скорняковым-Писаревым и Девиером. Суд был скорый, но неправый, и Толстой угодил в Соловки, где скоро и умер. Карьера Толстого, как и карьера Меншикова, показывает, что неразборчивость в средствах действия не мешала Петровским «птенцам» быстро превращаться в сильных и опасных коршунов, если они только проявляли действительную деловитость, сметливость, практический ум и умение идти в ногу с преобразователем. Каждый солдат при нем мог надеяться стать генералом.

V

Видным военным сподвижником Петра является фельдмаршал и кавалер Мальтийского ордена Борис Петрович Шереметев, сын боярина. Он на 20 лет был старше Петра I, стал служить стольником еще при царе Алексее, но примкнул потом к Петру и в 45 лет добровольно поехал за границу для изучения военного дела, что уже одно немало расположило к нему Петра. Ехал он на Запад, по-видимому, не без страха, так как призывал благословение всех святых на себя и свой путь; проводы из Москвы заняли 3 дня: «Из царствующего града Моск-

вы,— читаем в описании его путешествия,— в надлежащий наш путь пошли вышеописанного июня 22 числа, и первый стан был в селе Коломенском, от Москвы верстах в 7, и стояли в том селе три дня, для провожания родственников и благодетелей». «Путешествие»: Шереметева представляет собой довольно бесцветные записки о его пребывании за границей, с значительной примесью церковного духа; в них подробно перечисляются виденные им места, визиты знатным особам, приводятся высокопарные речи, которые держал к ним Шереметев, ведется точный счет издержкам на подарки и т. п. Главное внимание Шереметева за границей привлекали церкви, которые он усердно посещал. Человек, в значительной степени принадлежавший еще старой Руси, он с наивностью рассказывает о разных католических суевериях, вполне им, по-видимому, доверяя; так, он описывает, например, как в одном женском монастыре в Неаполе закипает кровь св. Януария, заключенная в какую-то сокровищницу; затем он говорит, что видел копье, которым, «на кресте прободен бысть Господь и Бог наш», и «образ Спасителев, который сам Господь вообразил на полотне или плате, который плат поднесла ему утереться святая мученица Вероника под час вольного Его страдания и несения креста на Голгофу».

Шереметев побывал в Польше, Австрии, Италии и Мальте (откуда он вывез звание кавалера Мальтийского ордена). Поездки Шереметева по Западной Европе напоминают триумфальное шествие. Снабженный от Петра грамотами к западно-европейским дворам, он везде был принят с большим почетом. Его именовали генералиссимусом, и он не протестовал, хотя и не имел такого звания. Папа допустил его к руке и подарил золотой крест с частицей древа животворящего креста. Из Рима он выехал в 7 колясках, потом был в Сицилии, смотрел Этну. На Мальте магистр ордена в знак почета команди-

ровал к нему своего трубача, который должен был трубить у Шереметева перед обедом и ужином. Здесь же наш сухопутный генерал получил в знак внимания к нему командование над двумя галерами, отправлявшимися против турок. Шереметев принял командование, хотя и не бывал никогда до этого на море, но, по счастью, военных действий не произошло, и галеры с их новоявленным командиром остались целы. Все путешествие обошлось Шереметеву в 20 550 р., т. е. около 200 тыс. р. на наши деньги. В его «путешествии» не видим такой любознательности и наблюдательности автора, как у Толстого; кругозор его уже, и он в большей степени является человеком старых воззрений, хотя и он, как Толстой, не обнаруживает, например, ненависти к западному «латынству».

Шереметев вернулся из-за границы в 1699 г. и, «убравшись в немецкое платье», представился царю в доме Лефорта на банкете 12 февраля. С самого начала Северной войны мы видим Шереметева постоянно на театре военных действий, и он очень быстро получает титул фельдмаршала. Не блистая особыми талантами, Шереметев не раз одерживал победы, но и не раз и сам бывал разбит (например, под Нарвой), а во время Ирутского похода армия, которой он командовал, была спасена лишь благодаря подкупу турецкого паши. Не отличаясь большой энергией, он не раз получал в письмах Петра напоминания действовать быстрее и не терять времени. Особенно доволен был Петр Шереметевым за усмирение бунта в Астрахани — Шереметев получил за это более 2400 дворов.

Не наделенный большими достоинствами, Шереметев не имел и крупных пороков, но и он, подобно другим «птенцам» Петра, не был свободен от порока любостяжания, и эпитет Пушкина «благородный» приложим к нему лишь относительно. Петр уважал Шереметева, но никогда не был близок с ним; «господин генерал-фельд-

маршал» и, в лучшем случае, «Борис Петрович»,— вот обычные обращения Петра в письмах к нему. Однако, как уже было упомянуто, лишь с ним князь-папа Ромодановский делил привилегию входить в кабинет царя без доклада. Через несколько времени после смерти Шереметева (он умер в 1719 г.) Петр, вспомнив про него, сказал: «Нет уже Бориса Петровича, скоро не будет и нас; но его храбрость и верная служба не умрут и всегда будут памятны в России». В последние годы своей жизни Шереметев попал, впрочем, в немилость. Причиной этого, по-видимому, был отчасти его тяжелый характер, а главным образом, вражда с Меншиковым и сочувствие царевичу Алексею, в суде над которым он не участвовал. В письмах к разным лицам Шереметев жаловался, что царь не пишет ему сам, а передает приказы через других и не отвечает на его письма.

Таковы были сотрудники Петра В. Как говорит Павлов-Сильванский[1], это была «пестрая компания, в которой рядом с родовитыми князьями и боярами много людей темного происхождения. Сильные характеры и необузданные грубые нравы, под внешним лоском княжеских и графских титулов, богато расшитых мундиров, бритых по-немецки лиц, пышных париков. Между ними не раз происходят бурные ссоры, оканчивающиеся бранью и дракой, даже в высшем присутственном месте — Сенате; у них много грехов на душе по части казнокрадства и грубых насилий. Только Петр мог управлять этими людьми, просто-дружески держась с ними и всегда подавляя их своею несокрушимо властною волею».

К. Сивков

[1] Указ. соч., стр. 6.

ПЕТРОВСКАЯ РЕФОРМА И ЛИТЕРАТУРА ПРОЕКТОВ

На протяжении двух столетий у Петровской реформы были свои сторонники и свои хулители; одни видели в ней добро, другие — зло; одним представлялось это время моментом высокого национального подъема, для других время реформы — годы унижения и распадения истинно-русского национального гения. И те, и другие для строгого научного сознания выступают как люди, резко заинтересованные в каком-то судебном процессе, как стороны в собственном смысле этого выражения. И при жизни Петра, и много позднее они горячатся из-за реформы, с пеной у рта изрекают какие-то вечные, незыблемые принципы, но если подойти к ним поближе, всмотреться внимательнее, то среди бесконечного взлета брызг этой пены возможно заметить, что спорщики беспокоятся только о своих кровных житейских интересах: реформа должна была задеть и, действительно, задела эти

интересы, переустанавливая давно сложившиеся и вместе значительно надломленные временем отношения. Когда задеты эти кровные, житейские интересы, люди непременно ищут конкретного виновника переустановки старых отношений и обыкновенно находят его либо в главе правительства, либо в одном из членов последнего. Для рубежа XVII и XVIII столетий Петр и сам по себе был человеком выразительным, к тому же он был главою правительства, царем, н этого было совершенно достаточно, чтобы на него взвалили ответственность за все «доброе» с точки зрения одних, за все «злое» с точки зрения других. Так наивная философия доброго старого времени создала из одинокого лица героя, а герою подобает быть вершителем судеб целой эпохи,— Петра и вообразили таким необыкновенным вершителем. Представление чего-либо в прошлом добрым или злым — одна из жесточайших аномалий исторического мышления; легко вообразить себе всю нелепость такой аномалии, когда последняя осложнилась к тому же впечатлением, что это добро или зло есть создание одной личности и что одна эта личность является движущей пружиной целой эпохи. Петр в русской литературе сделался невольной жертвой указанной аномалии. К рубежу XVII и XVIII столетий, во-первых, отнесли начало добра и зла последующих времен, а во-вторых, из главы правительства этого времени сделали чудесное лицо, носителя всех добродетелей и язв эпохи, наговорив бесконечное множество темных слов о роли личности в истории. Литература, посвященная Петровской реформе, отлилась в однобокий памфлет, способный более всего уяснить нам эволюцию общественного сознания и менее всего исторический разум самой реформы, первейшим результатом которой, по единодушному признанию всех, было хозяйственное разорение народа. Писать историю «реформ без реформатора», конечно, нельзя, но пони-

мать выражение «реформатор» различно — естественно и вполне возможно. Признавать, что нет «реформ без реформатора», это одно,— утверждать же, что «всецело в Петре Великом лежал источник воодушевления, силы и разума великого преобразовательного движения», это — совсем другое, что очень похоже на неосторожный возврат к временам исповедания культа героев... Во всей шумихе Петровской реформы, где так неистово кричат вместе с Петром его сторонники и оппоненты, представляется необходимым разобраться независимо от ее добра и зла: надо уяснить себе историческое нарастание реформ, определить их корешки, глубоко вросшие в недра XVII столетия, изучить затем обстановку и среду, которые эти реформы создавали, и, наконец, самого реформатора, или, точнее говоря, реформаторов. Никто не станет сомневаться ныне в том, что масса, как таковая, творит историю, и что вне изучения массы в целом невозможно никакое историческое построение. Однако, если эта масса будет лишь отвлеченно представляема, рассудочно, как некая философская формула, то историческое изложение рискует превратиться в скучную схему с очень сомнительной научной ценностью. Масса должна быть представлена конкретно и живо, разложена на свои составные части, охватываемые сознанием и доступные исследованию с помощью соответственного приема. Отсюда естественно вытекает постановка вопроса о роли общественного сознания при Петре, поскольку таковое можно уловить по материалам, совсем слабо изученным и недостаточно подобранным. И сам преобразователь, и его сотрудники, сторонники и оппоненты могут быть изучены, как живые лица из разнообразных общественных кружков; их чаяния и предложения, их восторги и порицания, предметы их внимания и способы разрешения того или другого вопроса — драгоценный материал для характеристики

общественного сознания разных общественных слоев тогдашней эпохи, а следовательно, и степени общественного участия в ходе реформ, будет ли оно положительным, отрицательным или даже пассивным. Здесь прежде всего возникает вопрос, поскольку проекты Петровской эпохи являются исключительным достоянием Петра с его канцелярией, с подьячими для их переписки и с иностранцами для их составления. Быть может, затем помимо упорства и протеста преобразователь встречал в обществе и голоса совета или определенных предположений в разных отраслях государственного управления и хозяйства. Настоящее изложение не претендует дать ответ на поставленный вопрос; достаточно, если два-три примера, приведенных далее, натолкнут читающих на некоторые соображения, отводящие от одностороннего понимания Петровской реформы.

I

Едва Петр успел покончить все свои счеты с земною жизнью, как сотрудники Преобразователя поднимают вопрос о скорейшем отвращении «опасностей», грозящих целости государства. Реформа как будто привела государство на край гибели. Последующее показало, что край гибели был еще очень далек, но спешить с разрешением вопроса, «каким образом в таких конъюнктурах поступать», надо было. По предложению первого генерал-прокурора Сената Ягужинского на рассмотрение Верховного Тайного Совета была представлена такая программа вопросов:

1) как облегчить крестьян в уплате подушной подати;

2) как пополнить дефицит, который образуется в случае уменьшения подушной;

3) как уменьшить штат правительственных учреждений;

4) как исправить юстицию, торговлю и денежное дело.

В этой программе явственно выступают крестьянское разорение, с одной стороны, и боязнь финансового краха государства, с другой. Как пережить результаты перенесенного страной тяжелого напряжения, хочет спросить Ягужинский, мало интересуясь, однако, положением крестьянского сословия. «Великая скудость» крестьян, их «крайнее всеконечное разорение» интересует и Меншикова с узкоправительственной точки зрения, для которой экономическое благосостояние крестьянства само по себе не представляло ни интереса, ни значения. «Солдат с крестьянином,— писал Меншиков,— связан как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата»; без последнего государству жить нельзя, понеже армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно, того ради и о крестьянах попечение иметь надлежит». Ягужинский и Меншиков — представители правительства с его особливыми интересами; крайнее всеконечное разорение крестьян начинает их заботить уже по смерти Петра, когда этот факт предстал пред ними во всей его обнаженности и явился предметом обсуждения в Верховном Тайном Совете. В программе Ягужинского на первом плане — крестьянское разорение и меры к возможному устранению этого зла. Это совсем не ново для 1726 года, ибо еще при жизни Петра авторы разного рода проектов, «пунктов», «статей», «доношений» говорят о том же крестьянском разорении и говорят очень выразительно, обставляя свои соображения достаточно разнообразным материалом, так или иначе стоящим в живой связи с устройством всего крестьянского обихода. Крестьянин И. Т. Посошков в августе 1724 г. представил Петру при

особом прошении рукопись под заглавием «Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, отчего приключается напрасная скудость, и отчего гобзовитое богатство умножается». 26 августа 1725 г. автор «книги» быль арестован и 1 февраля 1726 г. поплатился за нее своей жизнью, будучи, как колодник канцелярии тайных розыскных дел, похоронен на Выборгской стороне, близ церкви св. Сампсония страннопримца. В своем «изъявлении» Посошков касается самых разнообразных вопросов государственного и народного хозяйства, а также управления. «И аще,— пишет Посошков,— его царского величества изволение будет, еже вся предложенная сия моя мнения в дело произвести, елико предрекох о духовных делах, и о воинских, и о судейских, и о купеческих, и о художпых, и о истреблении разбойников, и о удержании беглых людей, и о земляных делех, и о крестьянстве, и о нетрудном умножении и собрании казны его царского величества, то я, за помощью Божиею, без сумнения могу рещи, еже вся наша великая Россия обновится как в духовности, тако и в гражданстве». Из приведенной выдержки ясен план «изъявления» Посошкова. Но подмосковный крестьянин Посошков не только «изъявитель», он вместе с тем и критик, язык которого не был приспособлен к чересчур деликатному уху высшей власти. Автор пишет «о истреблении всякия великия и малыя неправды, и неисправностей»; он чует нелюбовь бюрократии к исправлениям и к широкой гласности, когда в заключении сообщает Петру, что свою книгу он писал три года, причем «аще и многократно переписывал ю, обаче ни от кого ни видена бысть, всячески бо сокрывахся, дабы в народ не произнеслося сие мое предложение». Посошков, этот «правды усердный желатель», вместе с тем просит царя, «дабы имя мое сокровенно от сильных лиц было, паче же от нелюбящих правды, понеже писак, не слагая им».

Царевич Петр Петрович

Жесткость критики создала для автора возможность в 73 года попасть в каземат и умереть тюремным сидельцем. Посошков везде и во всем усматривает большую неурядицу и временами очень больно попрекает власть, хотя бы и в незаметных по внешности формах. Достаточно сказать, что в главе «о воинских делах» Посошков утверждает, что Петровская армия погибает с голоду, а когда стоит где на квартирах, то неистовствует над мирным населением. Намекая на общий характер политики Петра, Посошков утверждает, что наполнить царскую казну богатством есть «дело невеликое и весьма нетрудное», а вот что «великое многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить: понеже без насаждения правды, и без истребления обидников, и воров, и разбойников, и всяких разных явных и потаенных грабителей, никоими мерами народу всесовершенно обогатитися невозможно». Такие речи «изъявителя» не могли пройти даром, и Посошков открыл литературе широкую дорогу в крепость. Критика основных сторон Петровской действительности приводила Посошкова к разнообразным преобразовательным комбинациям. Европы Посошков не знал, он слышал только о ней, вследствие чего его преобразовательные комбинации покоились исключительно на опыте старой Москвы и на критике старой «неправды, неустройства, народной скудости». Посош-

кова называют обыкновенно московским прогрессистом, подразумевая под этим термином человека старого московского склада, но способного к усвоению и защите тех сторон реформы, которые казались годными для переустройства материальных сторон русского быта. Его отличает еще и крайняя религиозная нетерпимость и явный привкус старомосковского национального самомнения. Это — своего рода москвофил Петровской эпохи, который стоит лицом к лицу против народившегося уже тогда западника. Говоря о крестьянском разорении, Посошков указывает и на его ближайшие причины. «Крестьянское житие скудостно,— пишет он,— ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичьего насилия, и от небрежения их». Крепостное право и административный произвол,— вот, по мнению Посошкова, источник крестьянского разорения. «Паки,— продолжает Посошков,— крестьянству чинится великое разорение от разбойников... Паки немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет». Посошков подробно останавливается потом на вопросе, какую «немалую пакость крестьянам» чинит крепостное право. К «господам дворянам» Посошков относится не без иронии, он не признает их вековыми владельцами крестьян, а лишь временными; владение душами он хочет перестроить на правовых началах и горячо протестует против дворянского насилия, рисуя соблазнительные картинки хозяйничанья «бесчеловечных дворян». Хозяйственные отношения помещиков и крестьян должны быть установлены определенным законом, а судьям надлежит указать, чтобы закон этот на практике не нарушался. «О сем, по мнению Посошкова, яко высоким господам, тако и мелким дворянам надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о сделье, как бы их обложить с общего совета и с докладу

его императорского величества, чтобы крестьянству было не тягостно... Лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать, и по колику дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить, и себя покормить без нужды». Иронизируя над «господами дворянами», что они «крестьянами владеют, а что-то именовать крестьянина не знают», Посошков не стесняется и с Петровским указом о первой ревизии: «а во счислении душевном не чаю ж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая н умом непостижимая и цены не имущая: надлежит ценить вещи грунтованные». Пытаясь оградить крестьянское хозяйство от разорения и обид со стороны помещика, Посошков не менее ретиво говорит о необходимости «попечение неоскудное иметь» о купечестве, причем не воздерживается от намеков на обычные злоупотребления сильных: «И купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества ни каковое не токмо великое, но и малое царство стоять не может. Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет. И того ради о них попечение неоскудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается. И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити, дабы не малыя обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди — купечество ни во что ставят, и гнушаются ими, и обидят их напрасно. Нет на свете такого чина, коему бы купецкой человек не потребен был бы». Эти выразительные слова Посошкова знаменуют собой зарождение буржуазной идеологии на

русской почве; они показывают нам, что Петровское правительство получало в свое распоряжение не только голые проекты и простое изображение желательных мероприятий. Можно говорить не об одной общественной инициативе, как таковой; можно утверждать, что голоса из общества пытались диктовать правительству Петра те или другие теоретические построения, которые во многих случаях могли раздражать и представителей власти, и правящий класс. Если Ягужинский в упомянутой выше программе ставит вопрос об исправлении юстиции, которая поражала современников Петра громадностью разнообразных злоупотреблений, то Посошков подготовил для постановки этого вопроса очень ценный материал в третьей главе своего «изъявления»: это — обвинительный акт против Петровской эпохи. Посошков негодует, но предложить каких-либо новых, неиспытанных мер часто не умеет: ему грезится правильное употребление старых приемов; с его точки зрения плохи не старые приемы, а не хорошо то, что люди ими злоупотребляют. Посошков как будто не понимает, что надо, стало быть, отказаться вовсе от этих приемов; тем не менее он продолжает свои указания. Начав с религиозно-этических и темных рассуждений о божественности суда и о правде, Посошков приходит к теории бегства от суда и управления, осуждая лиц, стремящихся занять должности судьи или правителя. Теория отдает отчаянием. «Я,— пишет Посошков,— по своему мнению судное дело и управление вельми поставляю высоко, паче всех художеств, на свете сущих. И того ради никакому человеку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобает судейства или начальства искать, но всячески от него отрицатися; понеже весьма тяжеловесно оно». «Изъявление» Посошкова подписано 24 февраля 1724 г.; оно является результатом впечатлений от всей Петровской эпохи, получая поэтому особенное значе-

ние для характеристики общественного понимания реформы.

II

Голос Посошкова вылился в систематическую «девятерицу глав», направленных «к насаждению правды, неправды же и всякого воровства ко истреблению»; это — заключительный аккорд голосов, несшихся к верховной власти с своими предположениями в эпоху Петровской реформы. Многие из них, подобно Посошкову, исходили преимущественно из наблюдений над русской действительностью и критики последней. Таковы «двенадцать статей» неизвестного автора, обратившего большое внимание на необходимость развития русской промышленности,— «доношение об уравнительном платеже» обер-фискала А. Я. Нестерова, открывшего злодеяния сибирского губернатора князя Матвея Гагарина и 24 января 1724 г. казненного смертью за «многое в делах упущение»,— «пункты» управителя Московской губернии В. С. Ершова, затем «пункты к прибытку государственному» полковника С. Юрлова, «доношение» Ивана Филиппова, отличавшегося враждой к «шляхетству и фамильным людям», и, наконец, «пункты об утраченном интересе» и «доносительные статьи В. М. Лодыгина». Изучение всех указанных обращений к правительству Петра может указать на известную связь их с тем кругом воззрений, к которому примыкал Посошков. Большой интерес в этих обращениях к правительству, частью упомянутых выше, может представлять их социальная подпочва: как зарождается и развивается та социальная рознь, которая явственно выступит гораздо позднее, но которая уже теперь, даже в своих элементарных зародышах, способна диктовать меры, окрашивающие вкусы и

интересы той или другой общественной группы, и выражать жгучую ненависть по адресу правящего класса. Так, в кратком «доношении» Ивана Филиппова нарисована картина разнообразных злоупотреблений при переписи крестьянских дворов. «Неравная переписка чинится не безо взятков», крестьяне разбегаются, многие села и деревни опустели, умножились разбои и воровство, при продолжении войны государству грозит гибель... Но кому об этом думать? Некому... «В государстве вашего величества,— пишет Филиппов,— о вышеписанном превеликом интересе доброй радетель из вышних никто не явится». Фамильным и шляхетству «по их гордым и сребролюбным обыкностям» у денежных сборов и у всяких интересных дел «быть не надобно», утверждает Филиппов, нимало не стесняясь перед величием и древностью породы или перед родством их с царем. Фамильные люди царю близки, а шляхетство перед ними рабствует. Фамильный человек, что хочет, то и делает. «А шляхетство,— пишет царю Иван Филиппов,— предслужа ему, тако ж требует от службы отбыть и у дел обогатиться, отчего народ вконец разоряется и никто за великое фамильство его из нижних чинов донести не может. Потому убогу мужу трудно доводить на вельможу, понеже он убог и незнатен и предстателя о себе до вашего царского пресветлого величества от сильных не имеет, и вовремя благополучно напамятовать об нем некому, токмо чинят ему великую тесноту и мучение». Филиппов не унимается и продолжает все резче честить знать, которая, по его мнению, является истинным источником государственного разорения и народного обнищания. Среди советов и показания прибылей Петр прочитал у Филиппова такую тираду: «Фамильной, хотя и, конечно, по неправдам своим зело виноват, почему мочно и вором назвать, то ему пребывающие в твоей милости и в делах при твоем величестве, овые из подарка, овые впредь чая, овые за-

имно, овые платя прежнее, овые других ради прошения, помогают всяко, о вине его не износят, и разные рассуждения прилагают, и не истиину во истинну поставляют, и всяко его вину уничтоживают и умалчивают». Рядовое шляхетство, в свою очередь, находится в зависимости у знати. «Шляхетство фамильным рабски служат и волю их всяко исполняют,— говорит Филиппов,— и тою службою для обогащения получают комеидантства и у других ваших царских интересов командирство, и обпадеяся на великосильную заступу, премпогие вашего царского величества интересы похищают, и оттого великое себе богатство получают, а доносить на таких злодеев невозможно, понеже отправлен он к делам от фамильного и доношение подавать ему ж,— то в том как может быть правое решение!» У авторов разных проектов наблюдаются замашки московской старины, которая не рассуждала о праве петиций, но постоянно прибегала к форме петиций, как излюбленному средству сношений с верховной властью. При Петре это право петиций отлилось в доношения и проекты, ими широко пользовались в интересах общественной борьбы и говорили царю, что он окружен ворами и злодеями, видя по обычаю зло в лицах, а не в строе. Привязывая свои общие рассуждения к каким-либо отдельным злоупотреблениям, многие из голосов, доходивших до Петра,

Царевна Анна Петровна

вскрывают свои социальные вкусы и в то же время ставят такие вопросы, которые позднее становятся и очередными, и жгучими. И крепостное право с чрезвычайною неравномерностью обложения при подворной раскладке податей, и всемогущество бюрократии и правящего класса, обкрадывающих население без серьезных помех, и вопрос о реформе обложения,— все это имеется в писаниях «доносителей». Можно утверждать, что мысль о податной реформе с одинаковою силой развивалась и в Петровском кабинете, и в разнообразных общественных кружках. Уже в 1713 г. появился термин «поголовщина». Если в данном случае и можно говорить о заимствовании с запада, то очень условно. Настойчивая, жесткая, выразительная критика своих соперничала с передачей западных наблюдений, и если последние сколько-нибудь пригодились, то лишь на хорошо взрыхленной почве отечественных наблюдений. Только правительство и общество в своих предположениях руководствовались различными мотивами. Первому нужно было во что бы то ни стало получить возможно более денег от населения; представители второго, часто боясь за самую целость населения, путем реформы обложения стремились последнему полегчить, иногда даже смутно чувствуя, что для того, чтобы себе полегчить, необходимо воли себе прибавить. Выше было указано, с какою резкостью и силой один из доносителей показывал Петру, как эта воля во всей полноте похищена чиновниками и шляхетством. Петровская эпоха обосновала и обострила эту социальную рознь, подложив под нее прочный фундамент; она подогрела остроту и старого московского вопроса о беглых крестьянах, что также было предметом общего почти внимания доносителей. «Литература проектов» XVIII в. и в отношении фактов, и в отношении мер, по остроумному выражению одного писателя, может быть назва-

на прямым продолжением «литературы челобитных» XVII столетия.

«Литература проектов» XVIII в. коснулась также и вопроса о свободе торговли, противниками которой выступили Филиппов и Посошков, что весьма характерно для Петровской эпохи, показывая тот хозяйственный момент, который переживало в начале XVIII столетия государство. В 1722 г. Сенат пришел к заключению, не выходившему из рамок московской старины: «беломестцам лавок за собою, а купцам деревень иметь не надлежит». В связи с торговлей проекты обсуждали и недостатки самоуправления торгового класса, опиравшегося на узаконения 1692–1700 гг. Посадский человек москвитин Андрей Маркелов в своем «доношении от купечества» писал о злоключениях посадских тяглецов, благодаря злоупотреблениям ратуши и приказов и отсутствию свободы выборов в Москве. Отметив великие прорехи в ратушском правлении, А. Маркелов именем московского купечества настаивает на том, чтоб учинить на Москве сборную слободскую купеческую палату, подчинив ее ведению кого-либо из купеческих знатных людей в присутствии четырех лиц, так называемых четвертных старост, избираемых погодно «для приему и отдачи сборной денежной казны, и для иных... отправлений всяких купеческих нужд... также и в службы тяглецы отсыланы будут с выбора ж, кто в какую службу будет написан имянно, с общего совета ее четвертными старосты». Не говорим о злоупотреблениях администрации и судебных взятках, соперничавших с бесконечной волокитой, о чем пишут даже из-за границы очень многие, если не все, по вопросу о положении торгово-промышленного класса и русской промышленности. Какой-то российский человек, «обретавшийся в Голландии», доказывал Петру, что в России «купечества весьма мало и можно сказать, что уже нет, ибо все торги отняты от купцов,

и торгуют оными товары высокие персоны и их люди, и крестьяне, от которых весьма мало пошлины и, можно сказать, ни единыя копейки». Обретаясь в Голландии, неизвестный автор во многом сходился с Ив. Филипповым и с Ив. Посошковым и предлагал господ, торгующих тайно, «записывать в посад, без респекту всякия персоны». Респекту к «высокородным людям», от которых проистекает все зло, у него вообще не было. Желая, чтобы Петровский Сенат походил на европейские учреждения и состоял в «благом порядке», автор рекомендовал Петру повыгнать из Сената безграмотную знать, да «на их место избрать, хотя и не из высокородных, но токмо бы были умные, верные и пробованные во услугах, ибо честь не по фамилии зависит, но от верной службы к своему государю и отечеству своему». Можно указать, наконец, что по вопросу о развитии русской мануфактурной промышленности и заграничной торговли доносил Петру еще некто Даниил Воронов, побывавший за границей и известный в России, как рудных дел промышленник и паточных дел мастер. Характерно, что Воронов был сторонником казенной фабричной промышленности в России, не возлагая больших надежд на частнопредпринимательскую.

III

Москвофильство в лице Посошкова и группы лиц, во многих отношениях с ним схожих, представляет интерес, как проявление общественной инициативы в преследовании общественных же задач. По проектам этой группы можно проследить социальные вкусы разных общественных слоев, мелькавшие под флагом так называемой заботы о благе народа, вследствие чего крестьянское разорение, оскудение купечества, грабеж

чиновников, неправда черная судов, преступность правящего класса и произвол знати выступают не без силы и выразительности. Поддерживая реформу в общем, названные проекты далеки от исключительности узкогосударственных интересов; они представляют поэтому и больший социальный интерес по сравнению с бумагами, исходившими от так называемых прибыльщиков. Один из новых русских историков заметил, что эти прибыльщики «заботятся не об обществе, не о народном благосостоянии, но о правительстве, о царственном интересе», что «непосредственная цель их доношений — увеличение государственных доходов, казенные прибыли», и что если некоторые из них и «стремятся согласить интересы народа с интересами казны, изыскивая новые прибыли без отягощения народа», то наиболее типичные прибыльщики «готовы принести народное благосостояние в жертву государству», как вполне готов был на это и сам Преобразователь, принужденный, однако, не без влияния «литературы проектов» отвлекаться от солдат и финансов к общим вопросам земской жизни. «Прибыльщик» — своеобразный тип русской жизни начала XVIII века, создавшийся на очень определенной почве финансовых затруднений государственного казначейства. В записках князя Бориса Куракина можно найти целую картинку деятельности прибыльщиков Парамона Скворцова, Степана Вараксина, Василия Ершова, Якова Акиншина и др. С чего и как взять и возможно больше взять — вот что занимало мысль авторов «доношений» подобного рода. Прибыльщицкие вкусы прорвались даже в Посошкове, написавшем «письмо о денежном деле», в котором он проектировал установление новых пошлин на товары, взамен «десятыя деньги и поворотных денег», а также выпуск мелкой разменной монеты. Первым прибыльщиком выступил Алексей Курбатов в 1699 г. В записках упомянутого выше князя Куракина мы

читаем об этом выразительную запись: «Того года начались прибыли. Первая выдана человеком боярским Бориса Шереметева Алексеем Курбатовым, который ныне в дьяках и реентом в бурмиской палате, или в ратуше, а преже того сидел в оружейной палате, которой вымеслил на Ивановской площади продавать бумагу за розными величеством гербами, и всякия приказные письма между челобитчиков и крепости писать, как о том показано в указе. И с того сбора сбиралося во всем государстве с той бумаги тысяч по 300. И с того числа почели умножаться прибыли». Нам нет нужды следить за бесконечным роем подражателей первого прибыльщика, который в конечном счете попал под суд по обвинению в присвоении казенных сумм и взяточничестве и умер летом 1721 г., не дождавшись приговора суда и, быть может, только таким способом избежав тяжкого конца жизненной карьеры Алексея Нестерова. Курбатов известен, как автор проекта «пункты о кабинет-коллегиуме», в котором одни видят предвестника учреждения Верховного Тайного Совета, другие — проект реорганизации Сената. Курбатов с первых строк проекта выступает сторонником финансовой централизации, видя «лучшую всенародную пользу» более всего «в собрании государственный казны в едино правление, через которое приход и расход, остаток и недостаток всегда может быть виден явно и к прибыли государственной совстование и в действо произведение происходити будет лучшее». Он приветствует поэтому коллежскую реформу Петра, но вместе с тем полагает необходимым увенчать здание коллегий учреждением кабинет-коллегиума, предлагая свою мысль о нем в такой форме: «Крепчайшего ради во оных коллегиях и во всем государстве правления и содержания непозыблемые правды и страха, и ради скорейшего царскому величеству о всех в государствии его правления ведения, мнится надлежит быть еще главней-

шему правлению именованием или кабинет-коллегиум, или архиканцелярия империи, или как соизволит именовати его величество, в котором правлении временем присутствовати будет сам его царское величество». Перечислив громадный круг вопросов и дел, которые надлежало бы передать на усмотрение и надзор проектируемого учреждения, автор заключает свою записку такими словами: «И другие всякие в государстве дела, кроме иностранных, ведать в том правлении точию частократными спрашивании скорого исправления, досмотрами и понуждением»... Проект касается очень больных мест Петровской эпохи и беспорядка формы центрального управления, и неурядицы чиновного управления на местах, и усовершенствования приемов военного и финансового управления. Играют в проекте роль и «прибытки казны»: «Которые всяких чинов люди,— пишет Курбатов,— желают по своему усердию о повреждении государственных интересов и о прибытках казны и о прочих, к тому надлежащих, делах доносить самому царскому величеству, и таковые доношения дабы позволено было всем невозбранно подавать в той канцелярии, и в которых по рассмотрению явится дело, рассылать, куды надлежит, по коллегиям и спрашивать по них исправления, а царскому величеству не подавать, а доносить из той канцелярии о самых точию нужных делех, а прочими делами дабы не утруждать его величество». Необходимо внимательно перечитать приведенную статью Курбатовских пунктов, чтобы ясно представить себе, до чего возвышается здесь политическая мысль «первого прибыльщика»: подобная статья, будучи распубликована, как закон, в сущности призывала население к широкому участию в государственных делах, хотя бы только путем писаных доношений и проектов, а специальная канцелярия занята непосредственно рассмотрением поступивших в нее народных бумаг, отдающих слезами, стонами и

мыслью населения. Предполагалось, что в порядке «следования и розысков», посылок указов и частократных спросов, докладов государю и личных поездок членов кабинет-коллегиума новое учреждение будет держать в страхе и деятельности всю бюрократическую русскую армию, воздерживая ее от злоупотреблений, взяток, насилия и грабежа. И вот «первый прибыльщик», сам, в конце концов, попавший под суд за то, от чего он грезил спасти своим проектом российскую страну, уверяет, что «ежели царское величество соизволит быть таковому главному правлению, то видно и надежно, что от многих стужаний и трудов восприемлет его величество многую свободность и непресекаемо будет благое его в военных и в других тому подобных делех и в строениях намерение». Курбатов знал, чем обольщать Петра, но считал зазорным вовсе промолчать о выгодах населения, прибавляя: «А управители всего государства всегда имети будут за неправды страх и к правосудию возымеют лучшее прилежание, и бедные, напрасно страждущие, избавление; надежно же, что и государственная, особливо кабинетная, казна умножатися будет, пред прежним в лучшее, о которой неусыпное надлежит иметь старание, яко о главнейшем войны пункте». Можно было бы привести еще 20-ю статью Курбатовских пунктов, которая поражает комбинацией выборок тех злоупотреблений, с которыми прежде всего должно было государство бороться. По вопросу о реформе высшего центрального управления в распоряжении Петра был еще один проект, принадлежащий перу К. Н. Зотова, долго жившего в Англии, Франции и Голландии и восхитившего Петра своим добровольным пожеланием служить на английских кораблях. Курбатов — бумажный прибыльщик с финансовым вкусом; Зотов — моряк со страстью к «непрошенным» советам по самым разнообразным вопросам и с ненавистью и к знати, и к подлым. Идеал

Зотова — образованные чиновники. «Породные» к делу не годятся, потому что «всегда породные презирают труды, хотя по препорции их пород и именья должны также быть и в науке отменны перед прочими». Не годятся к государственному делу и «подлые», утверждает К. Зотов, ибо «подлый не думает более, как бы чрево свое наполнить». Такова социальная точка зрения К. Зотова, прекрасно оттеняющего детали общественной революции начала XVIII столетия и всю необходимость при изучении проектов, доношений и разных изъявлений Петровской поры обращать первейшее внимание на их социальную подкладку. Зотов составил так называемое письмо о генерал-ревизоре, которое в русской исторической литературе признают одним из прямых источников Петровского закона о должности генерал-прокурора, любопытной, как показатель победы бюрократии. К. Зотов недаром увлекся административными порядками Франции. Генеральный ревизор должен быть очень важным человеком, чтобы он «никого не боялся» и чтобы «никому не мочно на него бить челом и тягаться ни в каком деле, быв правое око и правая рука царева и сердце всего государства». Не прельщаясь общественной инициативой и народной самодеятельностью, Петр по-своему оценил мысль о генерал-ревизоре, но не мог предвидеть опасности нарождения самовластной бюрократии. По мысли К. Зотова, генерал-ревизор «только он имеет, повинен и иметь и надобно, чтоб, конечно, имел полную и совершенную власть и мочь прочитать, рассуждать, поверять, подтверждать и поправлять, или исправлять все, что ни определится, или не учинится в Сенате, и принужден вместо самого государя укорять, уличать, выговаривать и стращать гневом государевым, и потом государю извещать и доносить о всем...; одним словом, всякие дела, которые худо вершатся, он их повинен переделать и по своему рассуждению вершить».

В этом страшном, если так можно выразиться, проекте К. Н. Зотов преподносил своему отечеству результаты своих европейских наблюдений и увлечений, крайне односторонних. Поэтому представляется более уместным остановиться в заключение на Федоре Степановиче Салтыкове, типичном западнике, старом барине, в числе предков которого видим эмигранта Михаила Глебовича и отцом которого был родной дядя московской царицы Прасковьи. Наблюдая из прекрасного далека и вспоминая наблюденное ранее своего отъезда за границу, знатный барин сроднился с некоторыми весьма специфическими прелестями Запада, написал и отправил Петру «Изъявления прибыточные государству» (1 августа 1714 г.) и «Пропозиции» (24 апреля 1713 г.). Салтыков так и умер за границей, получив только в день своей смерти 2 августа 1715 г. письмо царя Петра с благодарностью за труды и повелением «немедленно ехать в отечество», в котором Салтыкову уже не было теперь надобности.

IV

В исторической литературе не без основания было указано, что проекты Ф. С. Салтыкова отличаются «разносторонностью своего содержания и крайним увлечением Западом». В январе 1697 г. стольник Ф. С. Салтыков в компании других был послан в Голландию, где должен был научиться «владеть судном» и по возможности «как делати те суда». 19 ноября 1700 г. Салтыков был уже в России и в качестве гвардии капитана сражался под Нарвой; в начале 1703 г. он — корабельный мастер, пишет Петру отчеты о постройке судов на Олонецкой верфи и с 1707 по 1711 г. работает в адмиралтействе и на Петербургской и Новоладожской верфях в самом огне кора-

бельных увлечений и морской моды. Петр страдал нетерпением и выговаривал Салтыкову, что «зело медленно чинится приготовление к спуску кораблей», грозил и, в конце концов, 30 июня 1711 г. отправил Салтыкова в секретную заграничную командировку закупать за границей побольше и подешевле готовых судов. Салтыков обязан был «вести себя везде инкогнито за дворянина российского, в корреспонденции иметь надлежащую осторожность, обо всем писать цифирью». Русский корабельный мастер побывал в Копенгагене, в Амстердаме, в Гамбурге, объездил главнейшие порты Англии и Ирландии и с 1712 по 1715 г. прожил в Лондоне, занимаясь делом скупки судов для русского флота. Петр был несколько предубежден против Салтыкова, последний не умел или не хотел подойти к нему и в результате помирал в Лондоне с голоду вместе с жившими там русскими навигаторами. Петр любил и умел задавать дело, но не чувствовал охоты своевременно и щедро расплачиваться: Салтыков писал в последнем своем письме кабинет-секретарю А. В. Макарову, что его ждет в Лондоне тюрьма за неплатеж, и задавал еще вопрос, долго ли ему томиться в Англии. Покуда Салтыков боялся лондонской тюрьмы, грозный Андрей Ушаков готовил ему почетное место в петербургском застенке, но корабельный мастер попал в могилу. У Салтыкова не было, таким образом, никакой государственной карьеры по существу, но было много европейских наблюдений и желания применять их результаты на русской почве. Салтыков писал Петру из Лондона от 1 декабря 1712 г., что он, «будучи здесь, прилежно потщился выбрать из правления уставов здешнего английского государства и прочих европейских, которое приличествует токмо самодержавству, а не так, как республикам или парламенту, по которому учинит в ваших государствованиях в прибылях как внутренних, так и внешних, вновь доходы великие, которые

еще у нас неведомы, а людям ни малой тягости не будет». Петр отвечал Салтыкову 12 января 1713 г. так: «Правы, о которых вы писали, что вы выбрали из уставов аглинских и прочих европских, которые надлежит кроме республик, пришлите к нам». Любопытна эта черта в переписке наших корреспондентов начала XVIII в.: один заранее спешит предупредить, что познакомит лишь с такими правами, которые приличны самодержавствию, а другой в ответ тоже предупреждает, чтоб не попалось чего-либо приличного республикам. Любопытно и другое: делая какое-либо предложение, Салтыков старался заинтересовать Петра прибылями, тогда как не в прибылях заключалась главнейшая задача корабельного мастера, превращенного Петром в своего рода бюро по приисканию и покупке кораблей для русского флота. Увлекаясь Западом, мечтая об европеизации России, Салтыков в своих проектах касается самых разнообразных вопросов и временами очень недурно выдает свой социальный интерес. В так называемых Пропозициях Салтыкова целых 15 глав предложений, а именно: о всех духовных чинах, о мирских господах и дворянах, о служилых чинах воинских и гражданских, о купечестве и о чинах купеческих, о мастеровых людях и о всяких промышленниках, о людях боярских и о крестьянах, о школах и мастерах, о почте, об иноземцах, о Сибири, о Казани, о кабаках, о поместных делах, о ланд-милиции, о печати на купчие крепости. Уже в самом начале «пропозиций» старый барин обнаруживает свои социальные вкусы. Западный ритор-гоус и система гербов, строгость сословного строя и ленд-лордизм ему не дают покоя. Салтыков так и начинает свои «пропозиции» словами: «Велите всем духовным чинам, т. е. от митрополитов до игуменов, и до строителей, и до келарей, а в женских монастырях игуменьям подать гербы, чем им печатать свои указы к своим подданным и всякия грамоты». Преследуя

свои сословно-аристократические цели, автор прельщает Петра единовременными и ежегодными доходами от гербов и со страстью фанатика пропагандирует сословность «старого порядка» на Западе, не предчувствуя, что тот был в его время накануне своего распада. В этом случае вторая глава о господах и дворянах представляет крупнейший шаг в идеологии русского дворянства, начинаясь категорическим утверждением, что старший сын всегда должен быть наследником недвижимости, вотчин и дворов, а остальные сыновья могут довольствоваться «движимыми отеческими стяжательствы». Соблазнительные строки о майорате не могли быть равнодушно прочитаны Петром, издавшим закон о единонаследии. Устанавливая майорат, Салтыков последовательно идет в своих указаниях на обособление дворянского сословия. «Благородные» не-«мещанство», им «не довлеет иметь купеческих стежательств»; если «благородный» будет иметь купечество — лавки, торги или промыслы, тогда или взимать с него пошлины «в пол-тара», или ему лишиться своего дворянства и записаться «в бургеры, т. е. в мещане». Салтыков еще не чувствует зародившейся на Западе роли буржуазного класса. «А ежели,— продолжает Салтыков,— кто будучи из простых чинов во всяких чинах градских и служилых придет в богатство, и тем не покупать дворянских стежательств, сиречь вотчин, понеже оное надлежит дворяном». Купить дворянскую вотчину может только такой разбогатевший простой человек, которого государство «ублагородит» и царь даст ему «жалованную грамоту и герб». Простые люди не равны господам, т. е. таким, которые «сами, отцы их, и деды, и прадеды служили отечеству своему»: купцы, мастеровые и крестьяне, по понятиям Салтыкова, отечеству не служат. Резко отделяя господ от простых людей или «подлых», как выражалось Петровское законодательство, Салтыков признает необходи-

мым ввести в России титулы «старого порядка»: «Довлеет росписать во всех губерниях и городех волости, слободы, села и деревни, и росписав то обращати по великости препорции в ландгравство, в маркизанство, в графство, в баронство, в господство и стяжательство», причем, так как князьям без княжеств быть не годится, то «обратить свои городы в княжство, в лапдграфство, в маркизанство, в графство, в фис-графство, и те достоинства разделить им только одними титулами, а не так чтобы владетелем». Не говоря об устройстве системы гербов и ритор-гауса, достаточно сказать, что в данном случае предложение Салтыкова представляется разработанным детально и с нескрываемой любовью к строю английской аристократии. Салтыков пытался перенести с Запада на русскую почву то, что там выросло органически и уже старело; говоря о нем, как о западнике, необходимо твердо помнить указанное обстоятельство. В области своих предположений о развитии национальной промышленности и торговли Салтыков выступает, как сторонник меркантилизма, и в этом отношении его следует сопоставить с Посошковым. Салтыкову знакомы идея торгового баланса и мысль о всемогуществе государства в деле развития промышленности и торговли; однако, в уменье теоретического построения вопроса он не стоит высоко, хотя эта слабая сторона его проектов не могла бросаться Петру в глаза. В «изъявлениях» Салтыков в смысле общей системы обнаруживает себя с невыгодной стороны, но во всем изложении сквозит его привычка наблюдать; у него сквозит здесь порою интерес к отечественному прошлому, который он разделял вместе с князем Б. Куракиным. Так, относительно Прибалтийского края автор приводит длинную историческую справку, доказывая, что здешние земли принадлежали «к короне российской издревле» и что «сия правдивая война (т. е. Северная) зачалась с короною

шведскою для отымания отечественных наследственных провинций». Салтыков предлагает «выправить с лифляндскими и с курляндскими гистoриями погодно, каким образом те провинции отлучились короны российской и почему сия настоящая война учинилася, для взыскания своих отечественных стяжательств, для отымания их, и после той выправки велеть сделать манифест всему народу российскому». Кроме того, по мнению Салтыкова, необходимо этот манифест «велеть перевесть на латинской, французской и на немецкой языки и переведчи велеть напечатать на тех языках, в ведомость всем европским государствам». На те же языки Салтыков считает необходимым перевести и распространить по Европе новую русскую историю, которую еще надо было написать. «Довлеет,— пишет он,— зачинать писать гисторию, зачавши прежде от вашего высочайшего корени и прирождения генеалогиею, в котором году и числе ваше величество родился и воцарился и в котором году правления своего царствия восприял, и до которых лет, после вашего воцарения, правления не было и для каких причин и препятий». Европа, убеждал Салтыков, должна знать «о храбрости, и о мудрости, и о великих премудрых отправлениях, и о ваших трудностях, потому же и о храбрости российского народа». Этому вопросу «о правилах сочинения гистории властной вашего царского величества» посвящена целая глава в «изъявлениях». В этих предположениях виден широкий размах бывалого на Западе человека, особенно если иметь в виду, что автор говорит в тех же «изъявлениях» о призрении нищих и обучении сирот, о женском образовании, об учреждении библиотек, о каменных постройках, об изыскании морского пути от реки Двины до Амурского устья и до Китая и т. п. Разбросанных предложений и замечаний Салтыкова, неспособного к стройному и систематическому обхвату предмета в его целом,

нельзя перечислить, не превратив своего изложения в скучные номенклатурные листы. Проекты писались на ходу, среди кропотливых и неприятных дел, по мере накопления разнообразных и многочисленных впечатлений, порою без надлежащей критики и при наличности поверхностного наблюдения, при постоянных оглядках на отечество, из которого всегда может послышаться грозный, незаслуженный и грубый оклик... Проекты Салтыкова являются ценным памятником Петровской эпохи, без влияния на Петра они не остались и любопытны, как показатель, до чего дорастала мысль побывавшего за границей старого русского барина на рубеже XVII и XVIII столетий...

Василий Сторожев

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Военные и финансовые потребности были главными пружинами преобразовательной деятельности Петра. Война — ее исходный пункт; война выдвинула на очередь ряд задач, разрешение которых было целью всех реформ, проведенных Петром. Организация регулярной сухопутной армии и создание флота были ближайшими из этих задач, осуществление их и военные операции, затянувшиеся на долгие годы, потребовали колоссального напряжения финансовых ресурсов. «Денег как возможно собирать,— писал Петр в инструкции новоучрежденному Сенату,— понеже деньги суть артериею войны». Эта забота проходит красной нитью через правительственные мероприятия, совокупность которых составляет Петровскую «реформу». Устройство финансов — кардинальный вопрос внутренней политики при Петре, мысль которого постоянно обращается к нему и упорно

работает над его решением. Для того, чтобы добыть средства для ведения войны и выросшей на ходу ее новой внешней политики, нужно было не только перестроить финансовую администрацию в соответствии с этими потребностями, но и изыскать новые источники доходов; отсюда — целый комплекс мер, направленных к реорганизации государственного хозяйства и подъему производительности народного труда. Преобразование областного и центрального управления было задачей, возникшей попутно и в связи с этими мерами. Война, значит, была, в последнем счете, основным фактором, определившим содержание преобразовательной программы Петра; ею же был обусловлен самый ход реформы,— порядок, в котором осуществлялись преобразования в зависимости от военных событий,— и характер ее, порывистый и бурный.

В области внешней политики перед Московским государством стояли две крупные исторические задачи: политическое объединение населения русской равнины и исправление государственной границы на северо-западе и юге. Обе они восходили ко времени сформирования государства. Еще Иван III заявлял притязания на русские области, аннексированные Литвою, под тем предлогом, что они — вотчина Московского государя. «Не то одно наша отчина,— говорили от его имени его дипломаты послам короля Александра,— кои городы и волости ныне за нами: и вся русская земля из старины от наших прародителей наша отчина»; при этом пояснялось, что в состав этой русской земли входит и территория, которая за Литвой,— Киев, Смоленск и другие города. Исправление южной, степной границы стало вопросом первостепенной важности с той поры, когда с этой стороны появился у Москвы крайне беспокойный и опасный сосед в лице Крымской орды. Вследствие беспрерывных опустошительных вторжений крымцев, ко-

торые не раз доходили до самой столицы Московского государства, в южной окраине его создалось невыносимое положение: чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить ее со стороны степи, находившейся во власти крымских хищников, правительство было вынуждено держать в ней, под защитой цепи пограничных укреплений, сторожевое войско в постоянной боевой готовности, и все-таки, несмотря на это, несмотря на задабриванье хана данью,— русская колонизация в этой области должна была оставаться под дамокловым мечом, пока степное пространство было вне границ государственной территории.

На северо-западе Московское государство с XVI в. искало выхода к морю, как в своей естественной границе и наиболее удобному в то время пути для сношений с Европой. Завладение Балтийским побережьем было целью ливонских походов Ивана IV, который упорно, но тщетно пытался утвердиться в Эстляндии и Лифляндии.

В XVII в. предшественники Петра трудились над разрешением обеих задач, но не могли похвалиться особым успехом в этом деле. Национальное объединение вышло далеко неполным: правительству царя Алексея удалось после долгих и напряженных усилий овладеть только Смоленском и Северской областью и удержать половину добровольно поддавшейся Москве Малороссии. Сближение с Польшей, начавшееся со времени заключения, в виду общего врага, Турции, Андрусовского перемирия и закрепленное вечным миром и союзом 1686 г., сделало невозможным продолжение националистической политики, направленной к отторжению от Польского государства областей, которые Москва рассматривала как свое национальное достояние. Еще более печальный исход имели попытки исправления Московских границ. От Балтийского моря Москва была оттеснена Швецией, утвердившейся, по Столбовскому договору (1617 г.), на

берегу Финского залива, некогда принадлежавшем Великому Новгороду. Война, которую вел со Швецией царь Алексей, была неудачна и закончилась подтверждением столбовских условий в Кардисе. На юге борьба с Крымом, очень тяжелая сама по себе, осложнилась вмешательством Турции, призванной на помощь Дорошенком, воевавшим и с Москвой, и с Польшей. Первое военное столкновение с турками из-за Чигирина привело Москву к унизительному Бахчисарайскому трактату (1681 г.), отдавшему правобережную Украйну во власть султана и санкционировавшему пережиток татарской неволи, ежегодную дань крымскому хану. Возобновление борьбы при Софье в союзе с Австрией, Венецией и Польшей только еще раз демонстрировало военную несостоятельность Москвы, рать которой покрыла себя новым позором в крымских походах 1687 и 1689 гг.

После падения Софьи Петр, ставший фактически единодержавным государем, на первых порах одинаково мало интересовался и внешней, и внутренней политикой. Предоставив правление кучке олигархов, самовластно хозяйничавших в государстве его именем, он по-прежнему отдавался с увлечением игре в солдатики, не помышляя о пробе своих «потешных» сил в действительной войне. Так прошло несколько лет, пока у него не явилось желание перейти от потехи к делу, без ясного представления, однако, о театре будущих военных действий. Еще в 1694 г. его, по словам Лефорта, занимал проект похода на Каспийское море, но в то же время в Москве ходил и слух о готовящейся войне с Турцией. О мотивах, побудивших Петра, в конце концов, остановиться на мысли именно об этой войне, можно только догадываться. Очень вероятно, что на его решение повлияла перспектива восстановления связи с европейскими державами, продолжавшими борьбу с неверными после того, как Москва, не выступив формально из сою-

за, фактически отстранилась от него; известную роль могло играть и соображение. что постоянные успехи этих держав должны были облегчить московской армии выполнение ее специальной военной задачи в действиях против турок.

В январе 1695 г. был издан манифест о войне. Объектами военных операций были избраны опорные пункты турок на берегах Черного и Азовского морей — укрепления на низовьях Днепра и Азова. Против первых выступило, под начальством Шереметева, громадное 120-тысячное полчище, составленное из дворянской конницы и малороссийских казаков. Под Азов должен был двинуться 31-тысячный корпус, в котором насчитывалось до 14 тыс. ратных людей иноземного строя; бóльшая часть его, когда вскрылись реки, села на суда в Москве, чтобы воспользоваться для передвижения водными путями — Окой, Волгой и Доном.

Петр, находившийся в качестве бомбардира при этом корпусе, чрезвычайно оптимистически относился к предприятию. «Шутили под Кожуховым,— писал он с дороги Апраксину,— а теперь под Азов играть идем». В этой форме, без ведома, конечно, ее автора, заключалась пророческая характеристика кампании. План был хорош: овладев неприятельскими крепостями, русские могли утвердиться в ближайших к Крыму участках побережья, отрезать крымцев от турок и двинуться в глубь полуострова, не опасаясь нападения с тыла; передвижение по рекам избавляло, по крайней мере, часть войска от трудностей степного похода, обусловивших неудачи 1687 и 1689 гг. Но военные действия носили такой характер, что их, действительно, можно было приравнять к игре. Хронические недостатки московского войска обнаружились и на этот раз в полной силе; не только в архаической по составу рати Шереметева, но и в отборном корпусе, двинувшемся к Азову, замечалось отсутствие

дисциплины, боевой подготовки и воинского духа. Крайний дилетантизм, проявленный распорядителями, окончательно скомпрометировал предприятие. В войске, которое шло осаждать сильную Азовскую крепость, не было знающих инженеров; не было в нем и единства команды,— начальствовала чисто потешная «консилия», состоявшая из генералов Головина, Гордона и Лефорта. Вмешательство Петра только усиливало путаницу, производимую противоречными распоряжениями членов этой консилии, которые не умели и не хотели столковаться между собою.

Осада Азова началась в конце июня. Не имея флота, русские не могли блокировать крепость и ограничились наступлением со стороны суши. Казакам удалось овладеть одною из двух каланчей, заграждавших Дон; турки произвели удачную вылазку из Азова, попортили в русском лагере осадную артиллерию и захватили несколько полевых орудий, но ночью после этого другая каланча была покинута своим гарнизоном. Этот сомнительный успех не поднял духа осаждавших; они сражались неохотно, и после двух неудачных штурмов крепости решено было отступить. В руках русских остались только каланчи, получившие имя Новосергиевского города. Шереметев, со своей стороны, должен был удовольствоваться занятием двух небольших турецких укреплений.

Отступавшее от Азова войско подверглось в степи нападению татар и потерпело значительный урон; болезни, развившиеся вследствие плохого провиантирования, также унесли много жертв. В памяти современников вставали печальные картины подобных же отступлений 1687 и 1689 гг., и недовольство, вызванное новой неудачей, было очень сильно. Но Петр не смутился; он решил немедленно начать приготовления к новому походу, не щадя усилий для его успеха.

Из Австрии и Пруссии были вызваны инженеры и саперы. В Воронеже всю зиму 26 тыс. согнанных из разных областей плотников сколачивали транспортные суда и военные галеры: царь хотел использовать при блокаде Азова свой спортивный опыт, приобретенный в «потешных» плаваниях по внутренним водам и Белому морю. Работа не спорилась,— дерево для судов было мерзкое, подневольные работники разбегались, надсмотрщики-капитаны относились к делу крайне небрежно. Но настойчивость Петра, с февраля 1696 г. взявшего на себя заведование воронежскою верфью, преодолела все препятствия, и к началу мая военная флотилия, состоявшая из двух кораблей и 23 галер, была готова к отплытию. Суда старого образца с войсками тронулись в путь еще раньше.

План кампании был тот же, что и в 1695 г. Шереметев должен был действовать на низовьях Днепра, особый корпус, отплывший из Воронежа,— осаждать Азов, при содействии галерной флотилии. Командовал этим корпусом «генералиссимус» боярин Шеин, военными судами — «адмирал» Лефорт; сам царь был капитаном галеры, им самим построенной. Как и следовало ожидать, построенная наспех флотилия с ее плохо обученным экипажем оказалась ничтожной боевой величиной. Царь не решился ввести ее в сражение, завязавшееся у казаков с подошедшей к Азову турецкой эскадрой, но когда эскадра была разбита, галеры все же пригодились, как заграждение рейда. Обложенный со всех сторон город подвергся сильному обстреливанию, от которого, однако, его укрепления мало страдали. По инициативе солдат русские прибегли к стародавнему осадному методу: стали насыпать вокруг Азова вал, постепенно возвышая и продвигая его. Работа велась энергично, и когда через неделю после ее начала в русский лагерь прибыли выписанные из Европы инженеры, они подивились раз-

мерам сооружения. Артиллерийский огонь, направляемый европейцами, сделался более действительным; он рушил городские укрепления, а русский вал тем временем почти вплотную сблизился с ними. Тогда решено было штурмовать город. Казаки храбро ворвались в него, но, не поддержанные прочими войсками, были отброшены и удержались только на валу. Тем не менее турки признали дальнейшее сопротивление бесполезным и, не дожидаясь вторичного штурма, капитулировали.

Такой исход осады, конечно, нельзя было рассматривать, как блестящий военный успех русских, и литовский гетман имел основание колоть глаза московскому резиденту тем, что «царские войска никакого храброго дела не показали,— взяли Азов на договор, а не военным промыслом». Но моральное значение этого события было немалое: как-никак, русские все же после целого ряда неудач впервые одержали верх над грозными турками. Ободренный Петр стал с новой энергией готовиться к продолжению борьбы. Чтобы прочно утвердиться на покоренном побережье, он укрепил Азов, заселил его русскими колонистами и устроил близ него новую гавань — Таганрог. С 1697 г. было приступлено к сооружению в Воронеже, на средства кумпанств, сильного флота, при помощи которого царь хотел господствовать на Азовском море и овладеть Керчью, откуда его войскам нетрудно было бы проникнуть в глубь Крымского полуострова. Представлялось возможным и наступление против самой Турции в виду вестей, принесенных в Москву румынскими эмиссарами о том, что население придунайских областей ожидает только прибытия московских войск, чтобы начать борьбу с мусульманами. Мысль о войне с султаном в союзе с европейскими державами не покидала Петра во время его поездки за границу. Из Амстердама он писал патриарху Адриану, что до последнего издыхания не перестанет желать по-

беды над врагами имени Иисуса Христа и освобождения христиан, томящихся под их игом. Но планам царя не благоприятствовала политическая конъюнктура, создавшаяся тогда в Европе. Готовилась война за испанское наследство, и в виду ее Австрия искала мира с турками, чтобы освободить свои военные силы для борьбы с Францией. В Вене Петру дали понять, что цесарь не склонен оказать активную помощь Москве и предоставляет ей разделываться с турками на свой страх. Англия и Голландия хлопотали о примирении Турции с Австрией, но не с Москвой: они желали, чтобы турки, оставив в покое Австрию, были заняты в другом месте на время общеевропейской войны. Покинутый союзником, Петр понял, что ему не оставалось ничего другого, как принять участие в мирных переговорах между Австрией и Турцией.

На мирном конгрессе в Карловице московский делегат не был поддержан европейскими дипломатами. Англия и Голландия взяли на себя посредничество между договаривающимися сторонами, но не проявили ни малейшей заботливости о московских интересах. Австрия заключила с турками сепаратный мир, и Польша последовала ее примеру. Москве, домогательства которой встретили со стороны турок решительный отпор, пришлось удовольствоваться, в январе 1699 г., перемирием на два года. Чтобы добиться более прочного соглашения, Петр повел переговоры непосредственно с Портой, подкрепив свои требования морской демонстрацией. Он вывел построенный в Воронеже флот Доном в Азовское морс и отправил своего уполномоченного, дьяка Емельяна Украинцева, из Таганрога в Константинополь на военном корабле; турки должны были воочию убедиться в наличности русских морских сил, способных угрожать их берегам. Переговоры затянулись на много месяцев, и только 3 июля 1700 г. было подписано

перемирие на 30 лет: Турция уступила Азов с прилежащей полосой земли на берегу и согласилась на прекращение «дачи» крымскому хану, Москва отказалась от занятой ею территории у устья Днепра. При тогдашних условиях такой договор мог считаться очень выгодным и почетным для Москвы, которой, несмотря на проявленную ею военную несостоятельность, удалось утвердиться на Азовском побережье.

Петр с нетерпением ожидал в Москве вести о мире, который развязывал ему руки для решенной уже войны с Швецией. В ноябре 1699 г. он заключил с королем польским и курфюрстом саксонским Августом тайный договор, по которому обязался двинуть свои войска против шведов тотчас по заключении мира с Турцией. Кто был инициатором этого соглашения,— трудно сказать с уверенностью. Переговоры велись в Москве, куда Август прислал своего специального уполномоченного, генерала Карловича; предложение наступательного союза против Швеции исходило, значит, официально от короля. Вместе с Карловичем приехал в Москву Паткуль, ранее усиленно муссировавший в Польше проект коалиционной борьбы со Швецией. Паткуль был лидер экспроприированного шведским правительством лифляндского рыцарства; когда редукция лишила баронов большей части их земельных владений, он явился выразителем их недовольства, энергично вступился за их права в Стокгольме, навлек на себя этим королевский гнев и должен был бежать. Тогда отторжение от Швеции ее остзейских провинций стало целью его стремлений. В 1698 г. он явился при дворе Августа и развил здесь план нападения на Швецию с целью захвата Ливонии, которая, по его мысли, должна была присоединиться к Польше на правах автономной области: польскому королю следовало вступить в соглашение с тремя соседями Швеции, Данией, Бранденбургом и Москвою, и, предоставив им от-

влечь на себя шведские силы, посредством внезапного вторжения овладеть Лифляндией и Эстляндией. Москву Паткуль думал удовольствовать Ингрией и Карелией, решительно не допуская ее утверждения в остзейском крае. На Августа доводы Паткуля подействовали; несомненно, и в Москве лифляндский патриот настойчиво агитировал в пользу своего плана. Но мысль о борьбе со Швецией для отобрания захваченных ею русских земель и завоевания морского берега явилась у Петра уже ранее. Из русского официозного источника, «Истории свейской войны», правленной самим Петром, известно, что он в августе 1698 г. просил польского короля, при свидании в Раве, помочь ему отмстить обиду, нанесенную ему шведским губернатором Риги. Неудача, испытанная царем в переговорах о продолжении войны с Турцией, очевидно, тогда уже побудила его пересмотреть основы своей внешней политики и круто изменить ее ориентировку. Убедившись в невозможности при наличных условиях выхода к Черному морю, он обратился к другой, не менее крупной исторической задаче — захвату балтийского берега, и на ней сосредоточил свое внимание. Но если для борьбы с Турцией Москва нуждалась в союзниках, то еще более они были необходимы ей при столкновении с первоклассной военной державой северной Европы. Приняв решение воевать со Швецией, Петр должен был хлопотать о союзах; вот почему он не только охотно пошел навстречу предложениям Августа и Паткуля, но, вероятно, и сам постарался подготовить почву для них.

В то самое время, когда в Преображенском Головин договаривался с представителем польского короля о нападении на Швецию, Петр своим царским словом скрепил перед шведскими послами, приехавшими в Москву для возобновления прежних соглашений, статьи Кардисского мирного договора. В Швецию снаряжалось

чрезвычайное посольство и был послан с вестью о нем особый гонец. Шведский резидент в Москве получал самые успокоительные уверения; его дочь, встревоженную слухом о предстоящей войне, сам царь утешил, заявив, что никогда не нарушит только что подтвержденного мира. В ожидании развязки переговоров с Турцией военные приготовления велись в величайшем секрете, и до последней минуты европейские посланники терялись в догадках относительно истинных намерений Петра.

8 августа 1700 г. в Москве было получено донесение Украинцева о мире с Турцией, а 9-го состоялось распоряжение о выступлении армии в поход против шведов. Момент для начала военных действий был выбран, как показали последствия, крайне неудачно. Саксонское войско Августа, вторгнувшееся в Лифляндию, подступило к Риге, но никак не могло принудить ее к сдаче. Другой союзник, датский король, сложил оружие перед Карлом XII, неожиданно нагрянувшим на Копенгаген во главе 15-тысячного войска, и заключил со Швецией мир на условиях, продиктованных его счастливым противником. Московское войско, выступившее к Нарве, уже не могло рассчитывать на деятельную помощь со стороны союзников и было фактически предоставлено собственным силам.

Сам Петр принял участие в осаде Нарвы, но покинул свой лагерь, как только получилось известие о приближении шведского корпуса под предводительством короля. Подобно своим отдаленным предшественникам на московском престоле, спешно покидавшим Москву, когда ей грозило неприятельское нашествие, и уезжавшим на север «собирать ратных людей», он удалился в Новгород, «чтобы идущие остальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву», как сказано в официозной «Истории свейской войны». Но Карлу не пришлось дож-

даться этих «остальных полков»: 17 ноября уехал Петр, а 19-го 18-летний король с 8-тысячным корпусом нанес под Нарвой полное поражение московской рати, состоявшей из 35-40 тыс. солдат. Она капитулировала перед шведами, причем рядовые были отпущены, а генералы захвачены в плен; главнокомандующий, австрийский генерал фон Круа, с несколькими другими офицерами-иноземцами, сдался еще раньше, спасаясь от ярости собственных солдат, в самый разгар паники накинувшихся на своих начальников-немцев. Остатки разбитого войска бежали в совершенном расстройстве к русской границе. К счастью для Петра, Карл не перенес войну на московскую территорию, а обратился против Августа. Саксонское войско под Ригою было побито наголову, и Карл вступил в Польшу, где и «увяз», по выражению Петра, на несколько лет, занявшись неустанным преследованием своего противника.

По некоторым известиям, Петр после нарвского поражения был не прочь заключить немедленно мир при посредничестве Пруссии или Англии, но решил тем не менее не складывать оружия и продолжать военные действия, пользуясь передышкой, которую ему давал Карл. В начале 1701 года он при личном свидании с Августом скрепил заключенное в Москве соглашение, обязавшись предоставить в распоряжение союзника 15-20 тыс. пехоты и обещав субсидию — по 100 тыс. рублей в год. В конце 1701 года царские войска вторично перешли границу. Генерал Шереметев заставил Эстляндию и Лифляндию вновь пережить испытанные ими когда-то при Иване Грозном ужасы московского нашествия, варварски опустошив страну и забрав в плен множество жителей незащищенных местностей. Летом 1702 г. он с гордостью сообщил царю, что в неприятельской земле разорять более нечего и что от погрома уцелели только города Ревель, Пернау и Рига и прибрежная полоса меж-

ду ними. Слабые сравнительно шведские отряды, оставленные Карлом в Балтийской области, терпели порою неудачи при столкновениях с подавлявшею их своею численностью ратью Шереметева. В Ингрии с таким же успехом действовал Апраксин. Захвату этой земли, некогда принадлежавшей Новгороду и отошедшей к Швеции по Столбовскому договору, придавалось особенное значение Петром, видевшим в ней ключ к Финскому заливу, берег которого был объектом его стремления с того момента, когда было решено начать войну. Царь сам руководил кампаниями 1702 и 1703 гг. на берегах Невы. Шведов удалось вытеснить из укрепленных пунктов, охранявших исток и устье реки, Нотебурга (переименованного Петром в Шлиссельбург, Ключгород) и Ниеншанца, и она на всем протяжении перешла в руки русских. Летом 1703 г. на месте, выбранном самим Петром, была построена Петропавловская крепость, и под защитою ее возник поселок, окрещенный, по тогдашней моде, немецким именем Петербурга. В том же году, после взятия Копорья и Ямбурга, завоевание Ингрии было довершено. В 1704 г. русским сдались после упорного сопротивления Дерпт и Нарва, а под Петербургом шведы, покушавшиеся на него с суши и с моря, потерпели неудачу.

Поздравляя Петра с завоеванием устья Невы, Виниус писал: «отверзошася пространная порта бесчисленных вам прибытков». В этой высокопарной фразе была высказана заветная мысль самого царя, угаданная его старым сотрудником. Из всех приобретений, сделанных Петром, с начала войны, самым дорогим был для него клочок морского берега с пристанями, «ибо,— говорил он,— чрез сих артерий может здравое и прибыльное сердце государственное быть». Обладание морскими пристанями сулило не только развитие непосредственных торговых сношений с Европой, но и сближение с

цивилизованным миром, необходимое, с точки зрения Петра, главным образом, ради усвоения европейской техники. Этому сближению должна была содействовать война и сама по себе, независимо от специальной цели, которую преследовал царь. Швеция не была изолированной державой; она имела в Европе и врагов, и сторонников, но в глазах тех и других одинаково она была равноправным членом семьи европейских народов и, в качестве такового, одним из факторов европейского политического равновесия. Даже в самом разгаре приготовлений к воине за испанское наследство европейские державы не упускали из вида Швецию и так или иначе учитывали ее отношение к возникавшим международным колебаниям. При таких условиях столкновение с нею неминуемо втягивало ее противника в европейский международный оборот, а успех в борьбе не мог не отразиться на положении победителя среди государств Европы. Петр уже вступил в соглашение с датским королем и саксонским курфюрстом, но понимал, что этим еще не исчерпывались возможные для него дипломатические комбинации. Нужно было только внимательно изучить положение дел в Европе и быть в курсе се политики, чтобы при случае уметь использовать ту или другую ситуацию в интересах Московского государства. Это соображение побуждало Петра усиленно заботиться о развитии дипломатических сношений. Он не ограничился, как его предки, отправкою в Европу посольств с временными специальными поручениями, а завел постоянных резидентов при дворах, сближение с которыми представлялось ему особенно важным.

Прием, оказанный в Европе московским дипломатам, был далеко не радушный. Европейское общество питало вполне понятное отвращение к варварской Московии. Сведения об этой стране стали распространяться уже в XVI веке, когда появилось ее правдивое и обстоя-

тельное изображение в книгах таких авторов, как Гербештейн и Флетчер, а в XVII в. литература о ней обогатилась еще несколькими выдающимися трудами, из которых наиболее капитальным было сочинение Олеария, в короткое сравнительно время выдержавшее ряд изданий. В изображении всех европейских наблюдателей московиты являлись народом крайне несимпатичным — глубоко невежественным, преданным грубейшему суеверию, коварным, лживым, нравственно распущенным, трусливым и погрязшим в самом отвратительном рабстве. Последняя черта особенно бросалась в глаза европейцам, которые у себя на родине не видели и не могли даже вообразить себе ничего подобного политическому режиму, тяготевшему над московитами. Народ, безропотно переносивший такой режим, очевидно, был достоин его; это был, значит, народ, обиженный природой и историей,— обреченная на вечное варварство низшая раса. Такому народу не было и не могло быть места среди европейских наций; московский деспотизм вырыл пропасть, отделявшую его от цивилизованного мира.

Преобразования, к которым приступил Петр по возвращении из Европы, не поколебали этого сурового приговора. В книге Корба, лично наблюдавшего в Москве их начало, европейская публика прочла ставшую стереотипной характеристику русского народа и его государственного строя и нелестный отзыв о царе. К тому же и впечатление, произведенное самим Петром в Европе, было не такого свойства, чтобы рассеять ту атмосферу смешанной с презрением неприязни, какою было окружено все русское. Он создал себе почти всюду двусмысленную репутацию: отдавая должное его блестящим природным дарованиям, на него везде смотрели как на грубого варвара. Немецкая принцесса, не отрицавшая его достоинств, все же находила, что он в нрав-

Зауэрвейд. *Сражение при Нарве*

ственном отношении полный представитель своей страны. Саксонские царедворцы, принимавшие его в Дрездене, не скрывали своей радости после отъезда этого «дикого господина». Эти оценки, конечно, обусловливались отчасти истинно московской распущенностью Петра. Его застольные манеры могли только шокировать европейцев. Состояние, в котором он оставил свою квартиру в Дептфорде, должно было заставить домовладельца пожалеть о том, что не была своевременно принята мера, задуманная датским королем на случай приезда московских послов: «Если эти люди,— сказал король,— еще раз ко мне приедут, то велю сгородить для них свиной хлев, потому что где они постоят, там полгода никто не может жить от смрада». Не менее неприятно поражали в Петре его деспотические замашки. Англий-

ский епископ Бернет, познакомившийся с Петром в Англии, сопоставляя свое личное впечатление с вестями о стрелецких казнях, недоумевал, как может Бог предоставлять неограниченную власть над множеством подданных столь лютому человеку, бичу своего народа и своих соседей. Бернет сомневался в способности и желании такого царя преобразовать Московское государство. Его скептицизм разделяли многие, но и тем, которые были иного мнения о Петре, представлялось невероятным, чтобы усилиями одного, хотя бы и выдающегося и одушевленного наилучшими стремлениями, человека мог быть вырван из состояния варварства народ, казалось, безнадежно закосневший в нем. В лучшем случае считалось возможным усиление военных ресурсов Москвы, вовсе нежелательное с европейской точки зрения. Европейцев страшила перспектива появления «северного турка», который, при всей своей духовной отчужденности от цивилизованного мира, станет в нем влиятельным, в силу своего материального могущества, фактором, способным произвести опасные пертурбации в международных отношениях. К этому опасению общего свойства присоединялись, в отдельных случаях, более конкретные поводы к тревоге: так, Англия и Голландия боялись за свою торговлю, которая должна была сократиться, если бы Москве удалось обзавестись собственными гаванями и флотом на Балтийском море.

Неудивительно, что весть о нарвском погроме вызвала в Европе взрыв злорадного ликования. В победе Карла видели торжество цивилизации над зазнавшимся варварством, ее прославляли, как решительный удар, нанесенный общему врагу. Лейбниц думал, что дело Петра окончательно проиграно, и высказывал пожелание, чтобы Карл овладел Москвой и всем Московским государством до самого Амура. На Петра и его войско сыпался град насмешек; в память Нарвы была выбита особая ме-

даль с карикатурным изображением царя. Положение московских послов в Европе, трудное само по себе, стало еще более тяжелым. Им повсюду недвусмысленно давали понять, что с интересами их страны не находят нужным считаться, что Московия третируется, как une quantité négligeable (незначительная величина, коей можно пренебречь). Даже Польша после Нарвы потребовала возврата Киева. Матвеев из Гааги и Голицын из Вены доносили, что местные министры не хотят иметь с ними дела и что их удручают постоянные издевательства над русскими. Во Франции, по сообщению того же Матвеева, замечалось пренебрежительное отношение к русским, которых «не в велико ставили».

При таких условиях задача, навязанная царем московским дипломатам, оказывалась крайне неблагодарной. Продолжая войну, Петр не возлагал больших надежд на свое оружие, и готов был в любой момент заключить мир, при содействии европейских держав; по его соображениям, некоторые из них должны были ради собственных выгод желать прекращения войны на севере и оказать давление на Швецию в пользу Москвы, которая в этом случае могла рассчитывать на сколько-нибудь сносные условия мира. Наиболее благоприятных результатов он ожидал от дипломатического воздействия на державы, составившие коалицию против Франции. В Вене и Гааге были предприняты шаги для привлечения на сторону Москвы, Австрии, Англии и Голландии. В помощь московским дипломатам Петр отрядил перешедшего на русскую службу в 1702 г. Паткуля, который в качестве генерального комиссара должен был руководить переговорами при венском, саксонском и берлинском дворах. Этот выбор был не совсем удачен: Паткуль в качестве лифляндского патриота, притом патриота с специфически-сословной окраской, разделял виды Петра лишь постольку, поскольку они не шли вразрез

с интересами лифляндского рыцарства; но важно было то, что своею опытностью и знанием европейских отношений он значительно превосходил своих московских коллег; иноземцы были необходимы тогда Петру не только, как генералы, инструкторы и техники, но и как дипломатические агенты. Паткуль и русские дипломаты проявили много усердия и энергии при выполнении миссии, возложенной на них царем,— добиться посредничества коалиционных держав для заключения мира. Они предлагали за посреднические услуги союз и военную помощь, действовали и пытались действовать подкупом: австрийскому министру Кауницу была обещана ежегодная субсидия, влиятельному в Англии Мальборо царь сулил, на выбор, княжество владимирское, киевское или смоленское с пожизненным доходом в 50 000 ефимков, герцогу Евгению Савойскому — польскую корону (после отречения Августа). Петр готов был удовлетвориться клочком земли на морском берегу, уступал все свои лифляндские приобретения, отдавал даже Нарву,— один лишь Петербург хотел удержать за собою во что бы то ни стало. Эта уступчивость, старания и заискивания русских послов не привели, однако, ни к каким результатам. Симпатии европейских держав были явно на стороне Швеции, а Москва с ее опозорившимся под Нарвою войском считалась величиной слишком ничтожной для того, чтобы союз с нею был кому-либо нужен. Предложения Петра были везде отклонены; даже Бранденбург, имевший серьезные поводы к недовольству шведской политикой, не пожелал выступить в пользу Москвы. В виду этих неудач Петр решился попытать счастья во Франции, сближение с которой казалось тем более возможным, что Людовик XIV сделал первый шаг, прислав в 1703 г. в Москву своего посла. Но переговоры в Москве оборвались по вине самого русского правительства, тогда еще не придававшего значения соглаше-

нию с Францией, а позже, когда Петр по собственной инициативе возобновил их в Европе, его дипломатам пришлось убедиться в том, что французский двор сочувствовал Швеции; Матвеев в Париже не мог добиться даже заключения торгового договора и возвращения русских судов, захваченных французскими каперами. Для Петра стало ясно, что Москва вполне изолирована в Европе, и что ей нельзя рассчитывать на помощь ни с чьей стороны, до тех пор, по крайней мере, пока решительная победа над шведами не изгладит пятна нарвского поражения.

В то время как московская рать воевала Ливонию и Петр утверждался на побережье Финского залива, Карл XII гонял Августа по всей Польше, вытесняя его из одного пункта за другим. В 1702-1703 гг. шведы заняли Варшаву, Познань и Торунь. Август имел в польском королевстве много противников, которые более или менее открыто стали на сторону Карла; в великой Польше образовалась враждебная королю — «сасу» (саксонцу) конфедерация, руководимая примасом Радзеевским и познанским воеводой Станиславом Лещинским. В 1704 г. конфедераты устроили в Варшаве сейм, в присутствии шведских штыков, объявивший Августа низложенным и провозгласивший королем Станислава Лещинского, кандидатуру которого выдвинул и поддерживал Карл XII. Вскоре после этого в Польшу вступило русское войско. По настояниям Паткуля, неустанно хлопотавшего о перенесении войны из Ливонии, которую он не хотел видеть под московским игом, в Польшу, Петр заключил новый договор с Августом и Речью Посполитой, т. е. частью ее, державшей сторону саксонского короля: Москва обязалась уступить Польше все ливонские города и крепости, покоренные русскими, прислать 12 тыс. вспомогательного войска и с 1705 г. до окончания войны выдавать союзнику по 200 тыс. рублей

ежегодно. Паткуль пошел на шведов, во главе соединенных польских и русских войск, но действия его были очень неудачны. Он не мог овладеть Познанью и отступил в саксонский Лаузиц, где один русский отряд был разбит и почти уничтожен в сражении со шведами. В Саксонии русское войско бедствовало, терпя недостаток во всем; чтобы выйти из затруднительного положения, Паткуль решился в декабре 1705 г. перевести русских на австрийскую службу. Этот, может быть, слишком резкий шаг послужил для саксонских министров, давно уже враждовавших с Паткулем, предлогом для того, чтобы разделаться с ним: они схватили его и заключили в крепость. Протесты Петра, вступившегося за своего представителя и генерала, не имели никакого действия,— так пренебрежительно относилось тогда к Москве даже правительство союзной страны.

Летом того же года Петр двинул в Литву свои главные силы. Стянув в Польшу до 60 тыс. чел., он выступил к Вильне, отрядив в Курляндию Шереметева против шведского корпуса Левенгаупта. Шереметев потерпел поражение, но Левенгаупт после этого пошел к Риге, и в его отсутствие царь овладел столицей Курляндии Митавой. На зиму русская армия расположилась в Гродне, а Петр уехал в Москву, поручив командование иноземцу фельдмаршалу Огильви, плохо ладившему с русскими генералами, в особенности с Меншиковым, который в качестве царского фаворита держал себя очень самостоятельно. В декабре узнали о движении Карла; с 24-тысячным войском он в начале 1706 г. подступил к Гродну, однако не решился на штурм и отошел на некоторое расстояние к востоку. В русском штабе не было согласия относительно плана действий: большинство высказывалось за отступление к русской границе, главнокомандующий полагал, что надо оставаться в Гродне и ждать помощи от саксонских войск. Но в феврале сак-

сонцы в Лаузице были наголову разбиты Реншельдом, причем погиб почти весь русский отряд, сражавшийся вместе с ними. Тогда Петр, в тревоге за участь своего войска в Гродне, хотя оно численностью (более 35 тыс.) значительно превосходило неприятеля, настоял на отступлении, и 24 марта русские покинули город, побросав в Неман до 100 пушек с зарядами. Карл опять обратился против Августа и двинулся в Саксонию.

Меншиков вступил в Польшу и, соединившись с Августом, разбил в октябре шведско-польский отряд под Калишем. Но Август, участвовавший в сражении, уже не был союзником Петра. Напуганный успехами шведов в Саксонии, он 13 октября заключил с ними мирный договор, по которому отказался от польской короны и союза с Москвой, выдал Паткуля и остаток русского вспомогательного отряда и обязался содержать войско Карла в Саксонии всю зиму. Вся тяжесть войны обрушилась на Москву,— ей одной предстояло принять на себя удары «непобедимого» противника, теперь располагавшего всеми своими силами для борьбы с нею. Петр попытался в последний раз, при посредстве французского правительства, склонить Карла к миру, но шведские условия оказались настолько тяжкими, что он, при всем желании избежать риска войны, должен был признать их неприемлемыми: Карл потребовал возврата всех без исключения русских завоеваний и уплаты военных издержек.

В Саксонии шведская армия пробыла больше года и выступила в Польшу только в августе 1707 г. У Карла было до 24 тыс. чел. кавалерии и 20 тыс. чел. пехоты, в резерве были Левенгаупт в Лифляндии с 16 тыс. и Любекер в Финляндии с 14 тыс. чел. Король хотел, не тратя времени на осаду крепостей, идти прямо на Москву, где, по его расчетам, его ожидала помощь со стороны сильной партии недовольных,— свести Петра, как Август-

та, с престола и поставить царем поляка Якова Собеского. В Польше, однако, шведы промедлили и тронулись в поход только в декабре, когда уже стояли сильные морозы.

Петр, не решаясь помериться с Карлом силами в бою, велел своим войскам отступать из Литвы, разоряя страну, портя дороги и задерживая неприятеля при переправах. Гетману Мазепе было приказано укрепить Киев и другие ближайшие к границе города; в самой Москве спешно возводились укрепления, и в то же время принимались чрезвычайные полицейские меры ввиду тревожного настроения жителей. Сильные опасения внушало Петру и положение дел на Дону, где разразился бунт, поднятый Булавиным.

Шведы шли от Гродно прямо на восток. В начале июля 1708 г. они достигли Березины, разбили при Головине русских под начальством Шереметева и Меншикова,— Огильви был уволен еще в 1707 г.,— и заняли Могилев. Здесь Карл остановился, чтобы дать отдых своим войскам, истомленным длинными переходами по лесам и болотам в опустошенной стране, и дождаться Левенгаупта, который шел из Лифляндии с провиантом и военными припасами. Но Левенгаупт замедлил и не соединился с ним, главная шведская армия в сентябре двинулась в Малороссию, где Карл рассчитывал поднять против царя население при помощи Мазепы, задумавшего отложиться от Москвы. Изолированный корпус Левенгаупта потерпел 27 сентября поражение под Лесным, потерял в битве весь обоз и явился к Карлу в такой же нищете, в какой находилась и королевская армия. Не сбылась и надежда на помощь со стороны Украйны.

Мазепа имел намерение, по одолении Москвы шведами, написать царю на прощанье «благодарственный за протекцию лист» и в листе этом «выписать все обиды, нанесенные Украйне московским правительством, прежние и теперешние, прав и вольностей отъятие,

крайнее разорение, предуготовленную всему народу пагубу», а в конце прибавить, что «украинцы, как свободно под царского величества руку для православного восточного единоверия приклонились, так, будучи свободным народом, свободно теперь отходят». Переход Мазепы на сторону шведов следует рассматривать именно под этим углом зрения. Поведение гетмана часто клеймилось и клеймится именем «измены», но об измене здесь можно говорить только в формальном смысле,— была нарушена присяга, данная царю. По существу же расторжение государственной связи между Малороссией и Москвой вовсе не имело значения изменнического акта. Малороссия при Богдане Хмельницком добровольно признала суверенитет царя на условиях, гарантировавших ей автономный режим, и условия эти были неоднократно торжественно подтверждены московским правительством. Но Москва постоянно нарушала договор об унии, систематически урезывала санкционированные им права и вольности Малороссии, посягала и на ее культурную самостоятельность, стремясь к русификации местной национальной церкви; если в Москве кричали об «изменах» черкас, то с неменьшим правом Малороссия могла жаловаться на измены своего сюзерена. Грубо агрессивная националистическая политика Москвы тем более задевала украинский народ, что он сознавал свое культурное превосходство над московскими указчиками, старавшимися навязать ему порядки, сложившиеся в лесной глуши Великороссии. В частности, особенно тяготились зависимостью от Москвы верхний слой казачества, казацкая старшина и гетманы.

Присылаемые из Москвы воеводы, опираясь на поспольство, подкапывались под казацких полковников и оттесняли их от местной администрации. Гетманы радикально расходились с центральной властью в определении характера и объема своих полномочий, и это вызы-

вало постоянные трения и конфликты между ними и московским правительством. Тогда как у них, в борьбе с демократическими стремлениями казацкой массы, выработалась очень возвышенная концепция гетманской власти, Москва старалась низвести их до положения своих агентов, генерал-губернаторов, обязанных во всем сообразоваться с видами правительства и подчиняться указаниям центра; московский приказ становился поперек дороги их притязаниям на роль полновластных правителей автономной области.

Отсюда — вполне естественные попытки многих гетманов аннулировать договор, много раз нарушенный Москвою, и вернуть Украйне внутреннюю самостоятельность под покровительством державы, которая могла бы защитить ее от царя,— Польши, Турции или Швеции (впервые мысль о соединении с Швецией появилась у Богдана Хмельницкого). И несомненно, если бы одна из таких попыток увенчалась успехом, ни у беспристрастных современников, ни у историков не нашлось бы для нее слова осуждения, а все видели бы в этом акте только то, чем он и был бы на самом деле,— довольно обыкновенный в международной практике случай расторжения «явочным порядком» договора, ставшего невыгодным для одной стороны.

Мазепа, как и его предшественники, потерпел неудачу, хотя, казалось, на его стороне было много шансов. В Украйне замечалось враждебное отношение к московскому правительству; у нее, говорил Мазепа в 1703 г. чиновнику Посольского приказа, «зело отпало сердце к великому государю». Бесцеремонные нарушения военной автономии казачества, тяжкие заграничные походы, принудительные работы в крепостях и рекрутские наборы вызывали сильное раздражение в ее населении. С другой стороны, престиж Москвы был серьезно поколеблен событиями Северной войны. «Бессильная и

невоинственная», по выражению Мазепы, московская рать в первые годы войны только и делала, что бегала от «непобедимых» войск шведских. В самой Москве вовсе не было уверенности в счастливом исходе борьбы. Не говоря уже о простонародии, пессимистическое настроение которого питалось постоянно возраставшими тяготами, поборами и наборами, даже люди близкие к царю мрачно смотрели на дело; царевич Алексей, наблюдавший, по поручению отца, за постройкой укреплений в Москве, под секретом советовал своему духовнику заблаговременно подыскать безопасное убежище вне столицы. Мало того, поведение самого Петра, настаивавшего все время на отступлении и уклонявшегося от сражения, давало повод думать, что он боится Карла и не верит в успех; и действительно, в переписке с своими сотрудниками он не скрывал опасений и тревоги, которые внушало ему наступление шведов.

Неудивительно ввиду всего этого, что даже такого дальновидного и осторожного политика, как Мазепа, соблазнили выгоды создавшейся ситуации. Гетману удалось благополучно довести до конца тайные переговоры с Станиславом Лещинским и Карлом, обмануть бдительность московских властей и их руками расправиться с доносчиками — Кочубеем и Искрой. Но в последний момент его расчет все-таки оказался ошибочным. Украйна не поднялась против царя. К Мазепе пристала только незначительная часть казачества — небольшой отряд, с которым он явился в лагерь Карла, гарнизон Батурина, Запорожская Сечь,— и царские войска без особого труда подавили слабые вспышки инсуррекционного движения. Не оправдалась и надежда на шведскую протекцию. Карл XII в мае 1709 г. привел под Полтаву истомленную долгим и трудным походом, обнищавшую и деморализованную армию, и бой 27 июня был ударом, окончательно сломившим ее уже истощенные силы. Она

капитулировала, Карл и Мазепа спаслись бегством в турецкие владения.

С этого момента характер военных действий резко изменяется. Из строя выведены главные силы Швеции, и Петр сразу получает возможность направлять свои удары по собственному желанию, не считаясь более с угрожающими движениями противника. Он переходит в наступление,— закончив в 1709-1710 гг. завоевание Ливонии, вторгается в Финляндию, захватывает ее южное побережье до самого Або, теснит шведов даже на море, наносит поражение их эскадре при Гангуде в 1714 г. С другой стороны, объектом русских военных операций становятся шведские владения на германском побережье Балтийского моря, территория, на которой Россия приходит в непосредственное соприкосновение с ближайшими европейскими государствами. Таким образом ход войны после Полтавы, и связи с новыми обусловленными им дипломатически комбинациями, раздвигает рамки задачи, имевшейся в виду вначале, и втягивает, наконец, Россию в европейские международные отношения,— честь, которой Петр до той поры тщетно домогался.

В октябре 1709 г. было возобновлено соглашение Москвы с ее прежними союзниками в Северной войне Августом, поспешившим вернуться в Польшу, откуда его соперник Лещинский бежал после поражения шведов, и Данией. Августу была вновь обещана Лифляндия, а он гарантировал царю старые русские земли на финском побережье. Дания обязалась вести наступательную войну, не требуя от Москвы субсидий, без которых она до Полтавы не соглашалась приступить к союзу. В Померании и Голштинии начались военные действия при участии, с 1711 г., русских войск. Сам Петр после Прутского похода приехал в Германию, и с этого времени его кипучая и порывистая деятельность перенеслась на-

половину в Европу, где он стал появляться из года в год то при армии, то при дворах европейских государей, то в курортах. Он вмешивался в операции своих и чужих генералов, развивая и упрочивая уже наладившиеся союзные отношения, разрабатывая новые комбинации, руководя действиями московских дипломатов и сам завязывая личные сношения с европейскими государственными людьми и государями. В 1715 г. к северной коалиции приступили Ганновер, курфюрст которого Георг незадолго до того получил английскую корону, и Пруссия. Все союзники Петра, за исключением Августа, имели вполне определенные виды на клочки германской территории, захваченной шведами: Дании нужен был Шлезвиг, прусский король хотел упрочить за собою Штеттин в Померании, уже завоеванный для него русским войском, Георг хотел присоединить к своим ганноверским владениям Бремен и Верден. Петр не помышлял о территориальных захватах в Германии; он искал сближения с европейскими державами потому, что нуждался в их содействии при осуществлении своих стратегических планов и в их посредничестве для получения выгодных условий мира.

Эта задача оказалась чрезвычайно трудной. Благодаря Полтавской победе повысился военный престиж Московского государства, но укоренившееся в Европе предубеждение против него осталось во всей силе. Хотя оно и выступало теперь в международных сношениях под именем «России», означавшим официальный разрыв с его политическим прошлым, но в глазах Европы оно было по-прежнему Московией, чужеродным организмом, которому вовсе не к лицу было притязание на равноправное положение среди цивилизованных наций. Вести, доходившие из Московии, рисовали ее внутреннее состояние почти неизменившимся: народное варварство не поддавалось усилиям реформаторов, да и

сами реформаторы немного возвышались в духовном отношении над уровнем косной массы. Нельзя было отрицать только технического прогресса Москвы, и именно в области военного дела, но как раз это обстоятельство должно было обострять неприязненное отношение к ней Европы. На примере Польши, где фактически утвердилась диктатура московских резидентов и московских военных властей, европейцы могли видеть, какое порабощение ожидало страну, подпавшую влиянию могущественного восточного союзника. Признаки надвигавшейся опасности были налицо, и в тех европейских землях, куда с 1711 г. проникли царские войска,— Дании и Пруссии пришлось изведать неудобства московского хозяйничанья на их территории. Прусский король с горечью сообщал своему дипломату: «Мы тоже подчинены царскому усмотрению». До какой степени его раздражала эта зависимость от слишком бесцеремонного покровителя, видно из негодующей тирады в его письме к другому дипломату: «Благодаря Богу, я не нахожусь в такой крайности, как король датский, вынужденный терпеть московское вмешательство, но царь должен знать, что то, что он делает с королем датским или польским, недопустимо по отношению к прусскому, который ему голову оторвет». Неудивительно, что противодействие дальнейшему усилению державы, дебюты которой в Европе вызывали повсюду тревогу и озлобление, становилось лозунгом, объединявшим государственных людей различных стран. Тот же прусский король разрабатывал с своим министром план, имевший целью ограничение русских захватов в уже покоренных шведских владениях. Венский двор, с большим неудовольствием смотревший на появление русской армии на имперской территории, холодно отклонял все заискивания и подходы царских дипломатов, настойчиво хлопотавших о за-

ключении с ним союза. Англия в 1713 г. откровенно и резко заявила, что она не намерена допускать нарушения равновесия держав на севере, и не желает поэтому оставлять Лифляндию в руках царя, который должен удовольствоваться одним Петербургом.

Окруженная такой неприязнью Москва очутилась в очень неловком положении, а Петр еще более осложнил его тем, что внес в свою политику мотив, имевший мало общего с ее ближайшими задачами,— своеобразное династическое честолюбие: он задался целью доставить своему роду приличное место среди европейских владетельных домов посредством брачных союзов с ними, и с жаром занялся выискиваньем партий для членов своей семьи в разных государствах Европы. Попытки сватовства в таких домах, как французские Бурбоны, не имели успеха, но зато Петру удалось в полной мере то, чего тщетно домогался его дед Михаил Федорович,— породниться с второстепенными и третьестепенными европейскими «потентатами». Он женил сына, царевича Алексея, на принцессе Софии-Шарлотте из герцогского Вольфенбюттельского дома, племянниц своих, дочерей царя Ивана Алексеевича, выдал за герцогов — Анну за курляндского, Екатерину за мекленбургского, дочь свою Анну сосватал за голштинского, растерявшего свои владения, принца. Все эти брачные союзы, удовлетворяя неизбалованное самолюбие Петра, явились, однако, источником неприятностей для него и еще бóльших неприятностей для России. Самым почетным был брак Алексея, потому что благодаря ему московская династия вступила в свойство с римским цезарем, женатым на родной сестре Софии-Шарлотты, но за эту честь России пришлось поплатиться ссорой, едва не перешедшей в открытый разрыв, с венским двором, когда царевич, бежавший от отца, нашел себе пристанище в австрийских владениях. Из-за герцогов Россия нажила немало досад-

ных недоразумений и конфликтов с их соседями. После смерти мужа Анны Ивановны курляндский двор стал ареной борьбы за влияние Пруссии, Польши и ее короля Августа, осложнившейся вмешательством местного рыцарства, и русское правительство, ради интересов царской племянницы, должно было лавировать в этом водовороте скрещивавшихся притязаний, сталкиваясь то с тем, то с другим из соперников. Голштинский герцог, обобранный Данией, смотрел на союз с царским домом как на средство вернуть при его помощи свои утраченные владения, и происки его дипломатов при русском дворе не могли не тревожить датское правительство и не вызывать охлаждения между ним и Россией. Опасения Дании оправдались, когда, по воле императрицы Елизаветы, русский престол занял под именем Петра III голштинский принц, ее племянник: он совсем уже собрался вооруженною рукою отбирать у Дании нисколько ненужный России Шлезвиг, и только его низложение предотвратило вовремя эту бессмысленную войну. Брак Екатерины Ивановны с герцогом мекленбургским был не менее обиден тягостными последствиями, которые начали обнаруживаться еще во время Северной войны,— в связи с ним разыгрался нелепый эпизод, рассоривший Петра с союзниками и отразившийся на ходе борьбы с Швецией.

Карл-Леопольд впутал царя в свою распрю с мекленбургским дворянством, выговорив себе его помощь для обуздания внутреннего врага — несколько русских полков, которые и расположились в герцогстве. Но у дворянства нашлись влиятельные союзники в лице мекленбургцев-дипломатов, служивших при дворах датском и ганноверском: они забили тревогу по поводу вмешательства варваров во внутренние отношения одного из германских княжеств, указывая на опасность, проистекавшую отсюда для целости империи.

Следствия этой агитации не замедлили обнаружиться,— Петра покинули союзники, которыми он наиболее дорожил. Пруссия могла ему помочь только на суше, но у него и своих войск было вполне достаточно для действий в германских владениях Швеции, а эти действия, как он уже сам видел, сводились лишь к тому, что Россия таскала каштаны из огня для своих неблагодарных друзей, растрачивая силы в затяжной и бесплодной борьбе. Лучшим выходом из такого положения было перенесение войны в самую Швецию, которое, по расчету Петра, нетрудно было осуществить при содействии флотов датского и английского. Надежда на помощь союзников, однако, рушилась, когда Петр в 1716 г. выступил в Копенгагене с проектом экспедиции в Швецию. Он сравнил их в письме к жене с невыезженными лошадьми, не умеющими сдвинуть карету с места, но на самом деле положение было еще хуже: датский и ганноверский дворы отнеслись к России прямо враждебно. В виду прибытия в датские воды русской флотилии с войском населению Копенгагена правительство приказало вооружиться, а король Георг хотел даже воспользоваться английским флотом, чтобы захватить самого Петра со всеми его судами и, таким образом, положить одним ударом конец его вмешательству в германские дела.

Выброшенный фактически из коалиции, Петр решился изменить свою политику. Он завел переговоры о сепаратном мире с Карлом XII, вновь появившимся на театре военных действий с 1714 г., и в то же время завязал сношения с Францией и Испанией. Последняя нуждалась в союзниках для борьбы с Англией и Австрией, но России участие в этой борьбе не сулило ничего, кроме новой, не оправдываемой ее интересами, траты сил, на которую Петр не мог согласиться. Сближение с Францией, налаженное самим Петром, посетившим Париж в 1717 г., было закреплено договором, по которому она

обязалась не возобновлять своего соглашения со Швецией и оказать России дипломатическое содействие в переговорах с Карлом. Начались они по инициативе короля, сообразившего, что, примирившись с самым опасным противником, он развяжет себе руки для продолжения борьбы за шведские владения в Германии. На мирном конгрессе, открывшемся в 1718 г. на Аландских островах, шведские уполномоченные выступили даже с планом совместных действий против союзников Петра в Европе и короля Августа, которого они предлагали заменить на польском троне Станиславом Лещинским. Русские делегаты не отвергли этого плана, но затруднения возникли с другой стороны,— трудно было столковаться относительно размеров территориальных уступок Швеции в прибалтийских областях, завоеванных Россией. Переговоры затянулись, а между тем в Швеции произошло резкое изменение политического курса после внезапной гибели Карла XII при осаде Фридрихсгаля в Норвегии. На престол вступила сестра Карла Ульрика-Элеонора, бывшая замужем за гессенским принцем Фридрихом, и в шведском правящем кругу восторжествовало течение, враждебное России и благоприятное сближению с ее европейскими союзниками. Вместе с тем в европейских политических центрах заметно усилилась агитация Ганновера против России, обострившая и без того уже натянутые отношения между нею и большинством держав. Даже наиболее корректный союзник Петра, король прусский, поддавался ганноверским внушениям, а император австрийский и король Август вступили с Георгом в соглашение, имевшее целью удаление русских войск из Мекленбурга и Польши. В 1719-1720 гг. все союзники России, один за другим, помирились со Швецией, и Петр уже формально остался один на один с своим противником.

В этом последнем периоде войны, 1719–1721 гг., он выказал наибольшую энергию. В 1719 г. была выполнена операция, на которую он ранее не отваживался без помощи союзных флотов,– нападение на скандинавское побережье: адмирал Апраксин высадился близ Стокгольма и страшно опустошил его окрестности. Переговоры на Аланде после этого прекратились, и война вспыхнула с новой силой. Не смущаясь демонстрациями английского флота на Балтийском море, русские повторили в 1720 и 1721 гг. свои морские набеги на Швецию с прежним успехом. Эти удары окончательно сломили сопротивление шведов, и 30 августа 1721 г. на новом конгрессе в городке Нистаде, в Финляндии, был заключен мир на условиях, вполне удовлетворивших Петра: Россия получила Эстляндию, Лифляндию – о передаче ее Августу уже не было помину,– Ингрию и часть Карелии с Выборгом, но Финляндию возвратила Швеции и обязалась уплатить 2 миллиона ефимков.

Путь, пройденный Россией, был тяжек,– ей понадобилась, по образному выражению Петра, «трехвременная школа», т. е. втрое больше времени, чем полагалось ученику с нормальными способностями и подготовкой, 21 год вместо семи лет, для усвоения курса, и в этом были повинны не столько даже свойства обучавшихся, сколько промахи и неопытность учителя. Народ расплатился лишним десятком годов жестокой учебы за политический дилетантизм Петра, который после Полтавы завел было свою страну в тупик в погоне за бесполезными союзами и сомнительными патентами на династический ценз. И все-таки Россия могла гордиться достигнутым результатом: она удачно разрешила одну из своих исторических задач и вместе с тем получила, в силу своего материального могущества, значение известного фактора в европейских международных отношениях. Символом этого успеха явился императорский титул,

принятый Петром немедленно после заключения мира, который, по его мнению, дал России право на ранг крупной европейской державы. Но символический в своем роде смысл имел и прием, оказанный Европою новой империи: при жизни Петра только три государства признали ее, все же остальные оказали ей эту честь значительно позднее. Россия не вошла в семью европейских народов, которые продолжали относиться к ней с прежним недоверием и недоброжелательством; русский государь,— объяснял туркам английский дипломат,— не был в дружбе ни с одним из европейских государей, все они «были ему злодеями». Непосредственно страдала от усиления русского могущества Польша, низведенная своим восточным соседом почти на степень вассального государства. Подобное же положение создалось после ништадтского мира и в Швеции, где русские резиденты, эксплуатируя, как в Польше, внутреннюю неурядицу, приобрели громадное влияние на дела. Прочим державам, конечно, не могла грозить такая опасность, но Россия внушала им неприязненное чувство уже потому, что она заняла неподобающее ей место в Европе. Всем было ясно, что русский народ не приобщился к цивилизации, что Петровская реформа коснулась только его материальных ресурсов, дав ему новое оружие, которое в варварских руках стало угрозою европейскому миру. Но и этот успех не считался прочным,— было распространено мнение, что Россия страшна, пока жив ее энергичный и предприимчивый государь, а когда он сойдет со сцены, она поспешит сбросить с себя непривычные европейские доспехи и вернется в состояние прежнего бессилия и изолированности. Этим объясняется та радость, с которою почти повсеместно в Европе была встречена весть о смерти Петра.

На ходе Северной войны почти не отразилась крупная неудача, испытанная Россией в борьбе с Турцией,

вспыхнувшей вскоре после Полтавы. После замирения 1700 г. русско-турецкие отношения все время оставались натянутыми; обе стороны, подозрительно следя друг за другом, постоянно готовились к новой войне; Петр, в самый разгар единоборства с Карлом, не упускал из вида Азовского моря, вооружая флот в Воронеже и усиливая укрепления Азова. Столкновение из-за Карла, бежавшего после полтавского поражения в Турцию, было искрой, упавшей в порох. Русскому резиденту в Константинополе удалось добиться от Порты согласия на удаление короля из турецких пределов, но шведские агенты, в конце концов, одержали верх, и на повторенное Петром требование высылки Карла турки ответили объявлением войны 20 ноября 1710 г.

У Петра создался на этот раз чрезвычайно смелый план наступательной борьбы. Он решил нанести удар Турции не в Крыму, даже не на Черноморском побережье, а в ее владениях на Балканском полуострове, где его армия должна была оперировать в союзе с восставшими христианскими народностями. Это был первый опыт постановки восточного вопроса в духе политических фантазий передовых московских дипломатов XVII века, Ордин-Нащокина и Тяпкина, которые тоже в свое время мечтали об образовании под главенством России коалиции балканских народов против Турции. Петр рассчитывал на поддержку со стороны австрийских и турецких сербов, болгар и греков; его эмиссары возмутили черногорцев; с двумя румынскими вассалами Турции, господарем валашским Бранкованом и молдавским Кантемиром он заключил наступательный союз. Весною 1711 г. начался поход, в котором принял участие сам царь, захвативший с собою свою жену. В июне русская армия была уже в Молдавии; Петр всячески старался ускорить ее движение, надеясь на присоединение христиан в придунайских землях. Но Бранкован изменил ему, а Кантемир ока-

зался слишком бессильным союзником. Переход через Дунай громадной турецкой рати под предводительством визиря, терроризовавший местное христианское население, окончательно расстроил план Петра. При встрече с турками, к которым присоединились татары, на берегу Прута, русские были вынуждены отступить, и неприятельские силы вскоре охватили их со всех сторон. У Петра было до 40 тыс. чел., у визиря — до 180 тыс. Два дня, 9 и 10 июля, русские оборонялись, причинили врагу значительный урон и, может быть, с честью вышли бы из трудного положения, если бы был принят совет одного из генералов — штыками проложить себе дорогу через турецкие ряды.

Петр предпочел иной исход. Есть известие, что он собирался тайно бежать с своею женой из русского лагеря,— известие довольно правдоподобное психологически, тем более, что он, как видно из письма его к Апраксину, считал положение своего войска отчаянным,— «никогда, как я начал служить,— сообщал он,— в такой дисперации не были». Но явилась возможность спасти без рискованного боя и себя, и армию, когда обнаружилось, что турки в виду стойкости русских были настроены не особенно воинственно. Завязались переговоры о мире. Растерянность Петра оказалась в инструкции, которую он дал своему уполномоченному: он готов был отказаться от всех захваченных русскими турецких городов, вернуть Швеции Лифляндию, признать Станислава Лещинского королем польским и желал только непременно удержать за собою Ингрию с Петербургом, хотя бы ценою уступки Пскова и даже иных русских провинций. Сверх ожидания мир удалось заключить на гораздо более легких условиях, без потери завоеваний в Прибалтийском крае,— лишь Турцию пришлось удовольствовать возвращением Азова и очищением Таганрога и других мест, занятых русскими по-

сле второго азовского похода; Карла XII турки обязались удалить из своих владений. В Константинополе этот договор вызвал неудовольствие, особенно, когда там узнали, что Петр не спешил исполнить свои обязательства. Дело дошло до нового разрыва, но Петр предотвратил войну, удовлетворив турок, и в 1713 г. прутские условия были подтверждены в Адрианополе. России таким образом грандиозная по замыслу авантюра Петра стоила плодов двух азовских походов, добытого с таким усилием выхода к южному морю, от которого она надолго была отброшена. Балканские христиане испытали жестокое разочарование, и восточный вопрос из области практической политики вновь перешел в область платонических мечтаний и чаяний.

В конце царствования Петра русско-турецкие отношения пережили новый кризис в связи с персидским походом 1722—1723 гг. Этот поход, при всей своей эпизодичности, был в сущности попыткой разрешения крупного политического вопроса, который давно уже занимал Петра. Россия нуждалась в развитии торговых сношений с странами передней и средней Азии, где были и крупные рынки, и важные транзитные пути, но оно предполагало, по мысли Петра, включение тех и других в сферу русского влияния. Чтобы овладеть азиатским экспортом и направить его в Россию, он считал необходимым утвердить ее господство на Каспийском море и в прилегающих областях — в северной Персии, среднеазиатских ханствах и на Кавказе. Со стороны ханств движение России в глубь Азии встретило сильный отпор, сломить который она, при тогдашних своих средствах, оказалась не в состоянии; экспедиция в Хиву, снаряженная в 1716 г., потерпела полное крушение, русский отряд был истреблен хивинцами, а начальник его кн. Александр Бекович захвачен в плен и казнен. Меньшие, повидимому, затруднения ожидали Россию на западном и

южном побережье Каспийского моря. Две христианские народности Закавказья, армяне и грузины, издавна обнаруживали тяготение к северной державе, историческою миссией которой являлось противодействие мусульманским захватам в соседних азиатских странах. С XVII в. Россия поддерживала довольно оживленные сношения с армянами и разными грузинскими династиями, призывавшими ее на помощь против турок и персов. В самой Персии обстоятельства видимо складывались очень благоприятно для политических видов Петра. В этой стране, истощенной многовековым хищничеством ее правителей, уже тогда показались симптомы внутреннего разложения, обычно предшествующие падению азиатских деспотий. Гипертрофия центральной власти сопровождалась, как это всегда бывает в государствах подобного типа, неурядицей и анархией на местах, создававшими благодарную почву для стороннего вмешательства, которое имело тем более шансов на успех, что деморализованное тираническим управлением население Персии было не в силах серьезно воспротивиться ему.

При таких условиях в поводах к вторжению в Персию не могло быть недостатка. Петр применил метод, который всегда был и остается шаблонным в предприятиях такого рода. Предлогом для открытия военных действий послужило нападение на русских купцов в Шемахе, а в качестве мотива экспедиции в самую Персию было выставлено восстановление в ней порядка и спокойствия в интересах шахского правительства. Летом 1722 г. армия, при которой находился Петр, двинулась по кавказскому берегу Каспийского моря к югу, почти без боя приводя к покорности местных полунезависимых династов. В августе был занят Дербент. Отдельный отряд переплыл Каспийское море и овладел Рештом, где выдержал столкновение с персидским войском,

окончившееся совершенным поражением последнего. В 1723 г. русские вошли в Баку. Тогда же начались переговоры о мире, который и был заключен в Петербурге 12 сентября: Персия уступила России Дербент, Баку и свои провинции на южном побережье Каспийского моря. Распространение русского владычества на территорию, смежную с кавказскими областями, тяготевшими к Турции, и слухи о замышляемых царем покушениях на Армению и Грузию вызвали в Константинополе сильную тревогу, которую постарались еще более раздуть дипломатические агенты Австрии и Англии. Порта заявила протест против действий Петра и стала готовиться к войне; однако после заключения мира с Персией удалось этот конфликт уладить и прийти к соглашению с Турцией о разграничении сфер влияния в закавказских землях. Россия удержала свои приобретения, но они оказались непрочными, и большая часть их была потеряна ею после Петра.

Подведем итоги деятельности Петра в области внешней политики. Выход к южному морю, добытый ценою тяжких усилий в начале его царствования, был утрачен после опрометчиво начатой и легкомысленно веденной войны 1711 г.; Россия осталась на юге при прежней степной границе, не удовлетворявшей требованиям государственной безопасности. Другая историческая задача, исправление северо-западной границы, была разрешена с успехом, превзошедшим ожидания самого Петра. России удалось не только вернуть потерянный ею в начале XVII века участок Финского побережья, но и утвердиться в Ливонии и части Финляндии. Этот результат стоил русскому народу слишком большого количества жертв, по вине неумелой политики Петра, затянувшей Северную войну на много лишних лет. Тем

не менее Россия вышла из борьбы не ослабленной и даже приобрела известное положение в Европе, хотя и не вошла в семью европейских народов; усилив, благодаря реформе, свои материальные ресурсы, она не усвоила европейской цивилизации ни при Петре, ни после него. Персидский поход был первым приступом к утверждению владычества России в бассейне Каспийского моря, но результат его оказался эфемерным.

В. Нечаев

ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬ И «ПРАВДА ВОЛИ МОНАРШЕЙ»

Как ни исправляют и ни осложняют научные исследования исторический образ Петра Великого, в нашем воображении до сих пор стоит царь-плотник, работающий на корабельной верфи, с топором в руках. Легко отыскать разгадку этого. Петр строил не одни корабли, он был строителем во всем своем государственном управлении; топор тесал бревна, но его же тяжелые и нередко по своей грубости ошибочные удары ложились на весь уклад русской жизни. Законодательная деятельность Преобразователя — это та же спешная работа на верфи, с тою лишь разницей, что при постройке кораблей есть готовый план, а при государственном строительстве Петра как сам державный работник, так и его сотрудники действовали ощупью, с трудом выясняя себе детали работы по мере ее суетливого исполнения.

Царствование Петра оставило нам более 3000 узаконений, написанных большею частью или самим царем, или под его непосредственным руководством. Узаконения эти слагались под влиянием ряда исторических условий, из которых главных три. Это, во-первых, наследие старины, результаты законодательной деятельности предшествующего периода. Как ни представляется законодательство Петра, в общем, реформаторским, направленным не к закреплению сложившихся отношений, а к перестройке их, все-таки, по отзыву компетентного историка, каждый закон Петра «либо довершал процесс, начавшийся уже ранее в укладе русской жизни, либо переиначивал сложившееся в ней сочетание составных частей, то разделяя слитые элементы, то соединяя раздельные»[1]. Придавая особенное значение законодательству, Петр сделал несколько серьезных попыток создать новое уложение: в течение царствования действовали три комиссии об уложении (1700—1703, 1714—1718, 1720—1727); первые две состояли из русских, последняя, заседавшая и после Петра, из русских и иностранцев; но законодательная работа не увенчалась достаточным успехом, комиссии расходились, не справившись с своим делом[2], и старое Уложение сохраняло свою силу при Петре, как и долго после: в конце концов, это был единственный авторитет, который во множестве случаев, правительство могло противопоставить разным «новоуказным статьям» и «сепаратным указам», как это и сделано было, напр., в указах 12 марта и 20 мая 1714 г.[3] Заслуги царя Алексея в сфере внутренней расправы и правосудия признаны и самим Петром, в известной его беседе с Я. Ф. Долгоруким и Мусиным-Пушкиным.

[1] В. О. Ключевский. «Курс русской истории», т. IV, стр. 281.

[2] В. Н. Латкин. «Законодательные комиссии в России», т. I. СПб., 1887.

[3] Сборн. Ист. Общ., т. XI, стр. 276, 278.

В 1720 г. царь требует правильного переноса дел из низшей инстанции в высшую и прямо ссылается при этом на X главу Уложения, где уже было указано «во всяких делах бить челом определенным в приказах судьям, а на неправые их вершения бить челом боярам»[1]. Ссылки на Уложение дополняются ссылкой на другое наследие страны — Воинский устав 1647 г., с которым законодатель считает нужным связать свой новый устав 1716 г.[2]. И, разумеется, это не общая фраза, прикрывающая ссылкой на старину не нравящийся обществу новый порядок: рукописные сочинения, посвященные военному делу, стали у нас появляться с начала XVII века, и не будь регулярных полков царствования первых Романовых, едва ли бы создалась так скоро Петровская армия. Второе условие, повлиявшее на законодательство Петра, это культурное сближение России с Европой, для которого с начала XVIII в. значительно расширяются пути. Царь съездил за границу, и значение этой поездки обсуждается на диспутах в германских университетах. Первостепенный научный авторитет Европы, Лейбниц, чрезвычайно интересуется Россией и, в конце концов, официально принимается на русскую службу с чином тайного юстиц-советника и жалованьем по 1000 талеров в год[3]. Из России, частью волей, а чаще неволей, потянулись в Европу Петровские «навигаторы», и как ни растеривались они в круговороте новых впечатлений, все-таки из их среды вышли люди, не чуждые западной культуре. Законодательство Европы становится образцом для русских: иностранцы входят в состав последней комиссии об уложении, которая должна была положить в основу своих трудов законы шведские и датские; перед

[1] П. С. З., т. VI, № 3577.

[2] П. С. З., т. V, № 3006, стр. 203.

[3] Влад. Герье. «Отношение Лейбница к России и Петру Великому», СПб., 1871, стр. 159.

этим, в 1712 г., Сенату было предписано распорядиться о переводе на русский язык законов разных европейских стран[1]. Необходимо учесть и литературные влияния. В библиотеке Брюса, с которой едва ли не был знаком Петр, имелись книги, как «Иоган Лок на немецком языке» или «Губернамент цивиль дурх Жон Лок» — тоже по-немецки[2]. В наказе будущему воспитателю царя Алексея Петровича, составленном в 1703 г., преобразователь находит необходимым «заранее начать его высочества комнатную библиотеку сочинять», причем в этой библиотеке почетное место должны были занять,— очевидно, хорошо знакомые Петру — Пуффендорф, Фенелон, Гроций[3]. Идеи, вынесенные из Гроция и Пуффендорфа, не раз могут быть удобно сопоставлены с общим характером Петровских указов. Мысль, что государь всемогущ,— не только de ure, как Божий помазанник и как лицо, которому народ передал свою свободу, но и de facto, ввиду полной зависимости судьбы народа от способа управления — красной нитью проходит через всю практическую деятельность преобразователя. По государственно-правовым воззрениям XVII века, обязанность государя — воспитывать народ, насаждая при этом «общее благо». До потопа, по мнению Пуффендорфа, не могло быть государства, потому что, будь государственная власть, она и не дала бы людям впасть в прегрешение. Каков царь, таковы и подданные, «понеже по примеру королевскому и подданные жительствуют». Для русских, как их представляет себе Пуффендорф, тем более необходима сильная власть: «рабское Россиян пови-

[1] И. Пекарский. «Наука и литература в России при Петре Великом», т. I, стр. 256.

[2] И. Забелин. «Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса».— Летописи русской литературы и древности, т. I, 1859 г.

[3] И. И. Голиков. «Деяния Петра Великого». М., 1837, т. III, стр. 103, 104. П. С. З. V. № 3151.

Феофан Прокопович

новение зело силы их укрепляет и умножает»[1]. Третьим определяющим условием законодательства Петра является война, давшая главный основной фон всему царствованию. Влияние войны обстоятельно оценено В. О. Ключевским: по словам его, все Петровское управление «поневоле превращалось в генеральный штаб и военную кассу; война становилась и колыбелью, и школой реформы, хотя эта школа не давала сосредоточиться, сообщала реформе нервозный, лихорадочный пульс, болезненно-ускоренный ход»[2]. Неблагоприятное влияние войны на законодательство подтверждает и сам Петр — в указах 16 апреля 1717 г. и 6 ноября 1723: в первом из указов он жалуется на необходимость постоянных отлучек, а во втором — на печальные результаты этих отлучек — «за настоящею тогда войною недосужное время имели и на многие дела деланы в разные времена разные указы об одном деле»[3].

Выросшее в своеобразных условиях, Петровское законодательство представляет значительные особенно-

[1] «Введение в историю европейскую», пер. Гавриила Бужинского. СПб., 1718, стр. 1, 149, 409.

[2] В. О. Ключевский. «Курс русской истории», т. V, стр. 77, 80, 82, 274, 286, 287.

[3] П. С. З., т. V, № 3080, VII № 4347.

сти и по формам, и по содержанию. Законодательные комиссии не удались, Преобразователю приходилось самому заботиться о том, чтобы хотя в текущем законодательстве не было недомолвок и противоречий. «Надлежит,— говорил Петр своему секретарю Макарову,— законы и указы писать ясно, дабы их не перетолковывали». Но в постоянной суете и тревогах Петровского царствования требование это гораздо легче было поставить, чем исполнить. Часть именных указов намечает лишь общие начала, предоставив их развитие Сенату; другая представляет лишь коротенькие записочки, требующие потом дополнительных указов и разъяснений; от иных мер законодатель сам должен был отказываться, с публичным признанием, что «сие сначала не осмотря учинено» и теперь подлежит поправке[1]. «А что мы в прошлой почте писали к вам, дабы дать в том строенье сроку на год», пишет Петр М. И. Гагарину по поводу московских построек — «и того ныне не делай и подтверди еще указом, дабы на погорелых местах, конечно, делали каменные лавки»...[2]. По приведенному уже признанию государя, об одном и том же им было издано по многу указов; во вторую половину царствования мы, наоборот, встречаемся с рядом случаев, когда один указ охватывал целый ряд самых разнообразных предметов, начиная с выбора комиссаров для сбора подушных, и кончая постройками в Новгороде по плану[3]. Невыработанность, торопливость — вот первая особенность Петровского законодательства со стороны формы. Но в литературе отмечена и другая особенность, вытекавшая из стремления преобразователя, несмотря на трудные условия царствования, внести в него некоторые новые взгляды.

[1] П. С. З., т. VI № 3877.

[2] Сборн. Ист. Общ., т. XI, стр. 131.

[3] П. С. З., т. VII, №№ 4224, 4422, указы 14 мая 1723, 20 января 1724 и др.

Кн. Б. И. Куракин

Старое допетровское законодательство ставило своей задачей действовать по преимуществу страхом, мало заботясь о том, понимают или не понимают подданные целесообразность предписанного. От воздействия страхом не отказывается и Петр, идя в этом отношении рука об руку с рядом своих сотрудников[1]; обычная присказка Уложения — наказать, чтобы другим неповадно было то же делать, прямо переносится в некоторые Петровские указы. Наказания назначаются за все, начиная со смертной казни за государственную измену и кончая той же смертной казнью за «многую заповедных лесов посечку»[2]. Но угроза Петровских указов тем суровее, что ей обыкновенно предшествует попытка объяснить цель закона и его важность: представляется вдвойне преступным тот, кто нарушил закон после его разъяснения. «Понеже челобитчики,— читаем мы в указе 22 декабря 1718,— непрестанно е. и. величеству докучают о своих обидах везде во всяких местах, не дая покою; хотя с их стороны легко рассудить можно, что всякому своя обида горька есть и не сносна, но при том каждому рассудить

[1] А. Филиппов. «О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой». Москва, 1891, стр. 135, 142.

[2] Там же, стр. 172.

же надлежит, что какое их множество, а кому бьют челом — одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всем известно есть; и хотя б и таких трудов не было, возможно ль одному человеку за так многими посмотреть? Во истину не точию человеку, ниже Ангелу: понеже и оные местом описаны суть: ибо где присутствует, инде его нет»... За таким обстоятельным вступлением следует запрещение челобитий, подкрепляемое угрозой — лишения чина или имения для знатных людей и жестокого наказания для подлых. Столь же типичным является знаменитый указ 17 апреля 1722 г.— о повиновении законам: «Ничто так к управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть в карты», начинает законодатель, а затем, за длинной мотивировкой, приглашающей повиноваться законам не за страх, а за совесть, следует угроза: «Буде же кто сей наш указ преступит, под какою оговоркою ни есть, следуя правилам Гагариновым» (т. е. князя Матвея Петровича Гагарина, сибирского губернатора, казненного за лихоимство), тот, яко нарушитель прав государственных и противник власти», в свою очередь, «казнен будет смертью без всякой пощады»[1]. Мотивировка нередко значительно превосходит своими размерами самый указ. В мотивировках находим частные случаи, подавшие повод к указам, соображения справедливости, необходимости отеческой защиты «безвластного бедного люда», вдов, сирот, ссылку на положение России, как одной из «христианских стран» под управлением «христианского государя». Термин «христианский» значит для Петра «европейский»: Россия должна примыкать к Европе, а не к Азии, и следовать, по возможности, во всем примеру первой.

[1] П. С. З., т. V № 3261, VI, № 3970.

«Понеже всем ведомо есть, что во всех христианских государствах непременно обычай есть Потентам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле право у славных императоров греческих сие многократно бывало»... потому-то, согласно манифесту 15 ноября 1723 г., коронует государь императрицу Екатерину[1]. По европейским образцам следует возводить дома, содержать дороги, ткать широкие полотна; узких полотен отнюдь не следует ткать «для того, что во всех европейских государствах делают полотна широкие, отчего промыслами и работами широких полотен от больших цен имеют многое народное пополнение»[2]. В мотивировках встречается и идея ответственности каждого подданного за благосостояние всего народа. Идея эта не чужда, конечно, и правительству и обществу XVII века; но у Петра она значительно расширяется со стороны объективной и субъективной. XVII век еще плохо различает понятие греха и преступления, считает «лихим делом» поступок не столько противозаконный, сколько безнравственный или противорелигиозный; Петр подвел под идею не только юридической, но и нравственной ответственности всякое уклонение от закона, что бы последний ни предписывал: сенаторы не вершат дел по доносам фискалов — с точки зрения Петра, они забыли Бога и души свои[3]. Субъективно ответственность осложняется тем, что наряду с обязанностью дать ответы за свои дела перед Богом и совестью, ставится на вид ответственность перед общественным мнением, основанная на чувстве чести. Петр убежден, что «никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как любление чести; равным же образом никакая так казнь не страшит, как лишение оной».

[1] П. С. З., т. VII №

[2] П. С. З., т. V, № 2943.

[3] Сборник Ист. Общ., т. XI, стр. 264. А. Филиппов. «О наказании по законодательству Петра Великого», стр. 164.

В инструкции герольдмейстеру 5 февраля 1722 г. предписывается служить верой и правдой «как сие честным людям и подданным его величества пристойно и принадлежит, и они в том пред Богом и его величеством и пред всем честным светом, и собственною своею совестью ответ дать могут»[1]. Подданные должны дорожить своею честью: в 1722 г. Петр слышал, что из войсковой коллегии определен к делу офицер Языков, лишенный чина и наказанный за воровство: генерал-прокурору приказано «накрепко смотреть, чтоб того не чинили, понеже паки честь изгадить и потачку ворам дадут»[2].

От формы указов перейдем к их содержанию. Отрасли законодательства, касающиеся народного хозяйства, финансов, администрации, сословий, народного просвещения рассмотрены в соответствующих статьях в другом месте. На нашу долю остается задача выяснить общее направление и пределы того законодательного воздействия, которым преобразователь думал обновить русскую жизнь. Здесь выступает, с одной стороны, твердая вера в силу власти, а с другой — недоверие к народной массе, неспособной, без надлежащего руководства, отличить правую руку от левой. Законодатель призван спасти страну «от глупости и недознания», превратить подданных «из скотов в людей» — «буде волею не похотят, то и неволей». Во имя общего блага должны не только умолкнуть, но и исчезнуть старые предрассудки и суеверия, а на место их водворится «добрый аншталт», который «был бы весьма сходен во всех порядках»[3]. Слишком разнообразный, порою расплывчатый уклад русской жизни подлежит благодетельному введению в строгие рамки западноевропейского «регулярства», насколько успел его уяснить себе Петр из книг и из личных

[1] П. С. З., VI, № 3485, стр. 81; № 3896.

[2] «Сборн. Ист. Общ.», т. XI, стр. 493.

[3] П. С. З., т. VI, № 4008.

наблюдений. Власть верит в свою силу, но соответственно с этим до бесконечности расширяет пределы своего вмешательства в жизнь. Преобразователь старается внушить своим подданным различие между интересами государственными и «партикулярными», как читаем мы об этом в одном указе[1], но, видимо, это различие для него самого не ясно: выходит, что частные интересы так же подчинены правительственному контролю и воздействию, как и государственные, причем первые неизменно должны приноситься в жертву вторым.

Законодательство Петра впервые, как известно, в толковании к 20 артикулу III гл. Воинского устава формулирует сущность самодержавия, как оно сложилось у нас к началу XVIII в.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответ дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»[2]. Мы уже знаем, что под словом «христианский» Петр подразумевает обыкновенно «европейский»; в этом нельзя не видеть некоторого смягчения того категорического заявления о безответственности государя, которое стоит в начале определения. Как монарх европейский, Петр принял европейскую теорию о происхождении власти из договора; но как ни выигрывал при этом авторитет власти, все же она получала смысл лишь тогда, когда была направлена к народному благу. Государь не ответствен перед подданными по закону, но, во-первых, он остается ответственным перед Богом, а во-вторых, и перед народом может, в некоторых случаях, пожелать дать отчет. Жалуясь на свои отлучки и на войну, отвлекающую от дел, Петр сам признает, что от этого «не точию разорение государству, но и от Бога

[1] П. С. З., т. V, № 2673.

[2] П. С. З., т. V, № 3006, стр. 325.

не без гнева»[1]. Выражения «милосердуя о наших подданных», «милосердуя о народах государств своих», «милосердуя о своем народе»... часто встречаются в указах; и есть указы, в которых явью проглядывает намерение защитить перед общественным мнением те или иные меры. Законодатель не чужд попытки — правда, на практике не удавшейся,— провести границу между словесным приказом и законом. По генеральному регламенту 28 февраля 1720 г. обязательна только воля государя, выраженная в письменной форме, а словесные указы «никогда отправляемы быть не подлежат»[2].

Власть правит в интересах общего блага. «Довольно известно во всех землях, которые Всевышний нашему управлению подчинил,— пишет Петр в манифесте 1702 г. о вызове иностранцев,— что со вступления нашего на сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Тот же мотив слышится в словах Петра, при поднесении ему императорского титула, записанных в акте 1721 г.: «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, которой Бог нам перед очьми кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ»[3]. В заботах об общем благе государь не забывает обратить особенное внимание на судьбу бедных и обездоленных, «которым самое его царское величество всемилосердым защитником есть и изыскателем обид их напрасных от насильствующих»[4]. В 1723 г. приказано описать, в случае голода, у всяких чинов излишний хлеб для раздачи неимущим в

[1] П. С. З., V, № 3080.
[2] П. С. З., т. VI, № 3534.
[3] П. С. З., т. IV, № 1910, № 3840.
[4] П. С. З., V, № 3298.

долг[1]. Известно, что административная практика мало считалась и при Петре, и после него с гуманным смыслом указов; но на бумаге беднякам оказываются льготы. При перемощении петербургских улиц в 1721 г. бедным, не в пример прочим, дозволено приготовлять только «в прибавок песок и камень, ежели подлежит, а не перемащивать, а за перемащивание за работу с них, помянутых бедных, не спрашивать; дабы им, бедным, сугубой тягости не понести»[2]. Подобные же филантропические ноты повторяются в указе о беспрепятственной продаже соли, хотя бы и на малые суммы, о денежных сборах, которые должны чиниться без великого отягчения людям; о предоставлении ландратских мест бедным дворянам, имеющим мало крестьян, и пр.[3]. Заботясь о бедных в отдельных случаях, Петр вместе с тем и вообще старается создать порядок, обеспечивающий подданным наибольшее счастье. Для этого одновременно приходится и насаждать новые, более совершенные формы быта, и перевоспитывать общество, привыкшее к старым формам. Законодателя, окрыленного твердой верой в благодетельную силу правительственного воздействия, мало смущает трудность задачи, хотя жизнь порой решительно не укладывается в отводимые для нее рамки. Признавая, что всеми нужно руководить, за всеми следить, что за глазами и сенаторы натворят разных «диковинок»; что «наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают», преобразователь торжественно провозглашает, что «полиция — душа гражданства, фундаментальный оплот всякой удобности и безопасности»[4]. И вот каждый шаг подданного заботливо обставляется разны-

[1] П. С. З., т. VII, № 4168.

[2] «Сборн. Ист. Общ.», т. XI, стр. 426.

[3] П. С. З., т. VI, № 4007, т. V, №№ 3003, 3080.

[4] П. С. З., т. VI, № 3708, т. VII, №№ 4507, 4345.

ми «регулами», «артикулами», «регламентами». Петр не жалеет на это ни времени, ни сил, считая эту сторону своей деятельности не менее важной, чем какую-нибудь реформу учреждений. Примеров вмешательства законодателя в частную жизнь можно привести бесчисленное множество. Дома не только в городах, но и в деревнях должны были строиться по особым, правительством установленным, чертежам. 10 октября 1723 г. «Его императорское величество указал: ежели кто в домах своих сени будут делать с потолками, чтоб подмазывали у них потолки, так как у жилых покоев подмазывать указами повелено, а по-старому, как прежде делывали сени, того чинить не указал»[1]. Печи надо делать с фундамента, а не на полях, трубы должны быть так широки, «чтоб человеку пролезть было можно», кровли должно крыть черепицею, дерном или гонтами, а не досками или дранью. К услугам обывателей готовы чугунные балясы с шестами, сделанные по особому образцу, которые и можно брать для поставки в крыльцах вместо запрещенных деревянных. Заботливость законодателя доходит до пределов, поистине удивительных. «Государь мой, Антон Мануйлович,— пишет секретарь Петра Макаров петербургскому генерал-полицмейстеру Девиеру,— Его императорское величество указал к вам отписать, чтоб вы в Санкт-Петербурге публиковали, чтоб всяк, кто имеет строить деревянное строение, чтоб мох прежде обваривали в кипятке, а не обваря чтоб не лишили для того, что от сырого зараждаютца тараканы, ибо всякий сырой имеет в себе мушки и протчую гадину, отчего они после больше вырастают и умножаютца...»[2]. Весь Петербург воздвигнут по принципу благодетельного принуждения, причем на-

[1] П. С. З., VII № 4321.

[2] П. С. З., V № 3192, VI, № 4384; «Сборн. Ист. Общ.», т. XI, стр. 467.

селение насильственно перемещалось сюда из центральных губерний, а для ускорения петербургских построек указом 9 октября 1714 г. запрещены были каменные постройки во всем государстве на несколько лет, пока не удовольствуется строением новая столица[1]. Но не только жилище, вся жизнь обывателя ставилась под бдительный контроль. Как представителям новой, преобразованной России, так и представителям старой, раскольничьей, присваивалась особая одежда; первым носить западноевропейское платье — «верхние саксонские и французские, а исподнее камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие, и ездить на немецких седлах»... вторым ходить в зипуне с стоячим клееным козырем и однорядках с лежачим ожерельем; козыри должны быть красного сукна, «чего для платья им (т. е. раскольникам) красным цветом не носить»[2]. Для приучения народа к немецкому покрою платья мастеровым запрещается делать русские сапоги, платья, шапки, седла; купцам запрещается торговать русским платьем и обувью. Ношение бороды, а, по указу 16 января 1705 г., и усов оплачивается тяжелой пошлиной, а кто не может заплатить — тех в Рогервик, на гаванные работы[3]. Правительство запрещает праздность, предписывает более совершенные способы труда, указывает, как ткать полотна, как обрабатывать шерсть, как делать юфть, как собирать хлеб, как строить суда, как на них ездить и под каким флагом, как торговать, как вести фабрику; пожелает ли обыватель после труда развлечься — к услугам его правила об ассамблеях, «каким образом оные ассамблеи отправлять, покамест в обычай войдет»: в правилах сказано, что «во время бытия в ассамблее вольно сидеть,

[1] П. С. З., V, № 2848.

[2] П. С. З., т. IV, № 1887; VI, № 3944.

[3] Там же, № 2015; VII, № 4256.

ходить, играть, а в том никто другому прешкодит или унимать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим отнюдь да не дерзает, под штрафом великого орла»...[1] Для исцеления от болезней рекомендуются олонецкие минеральные воды или особый хирургический инструмент доктора Блюментроста, такой, «которого до сего времени не бывало»[2]. Умрет обыватель — и надо подумать, как бы опять не нарушать в чем указа: хоронить на третий день, отнюдь не в дубовом гробу, плиту на могиле класть в уровень с землей; помолиться за упокой души — свечу пред иконой поставить непременно в фонаре, чтоб не было пожара; милостыни никому не давать, под штрафом в 5 руб., ибо многие «за леностью и молодые, которые не употребляются в работы и в наймы, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства, показать не можно»[3]. Для обывателя проложена, таким образом, готовая колея, по которой он должен идти всю жизнь, по возможности не останавливаясь и не оглядываясь. Это одна сторона Петровского законодательства. Другая сторона — нравственное и умственное воспитание подданных. Монарх ставит себе задачу сочетать деспотизм с свободой. Буде не похотят волей идти по проложенной колее, то проведут и неволей; но лучше, если пойдут волей, это будет скорее и для правительства легче. Не видя противоречия, в которое он впадает, законодатель от указов, подавляющих всякую самодеятельность, переходит к указами, в которых, наоборот, насаждается самодеятельность, прививается человеку чувство собственного достоинства и уменье отстоять собственное мнение. Упраздняют-

[1] П. С. З., т. V, № 3246.

[2] Там же, т. V, № 3341; VI, № 3579; «Сборн. Ист. Общ.», т. XI, стр. 418.

[3] П. С. З., т. IV, №№ 1964, 2014; VII № 4377; VI, № 3965; VII, № 4538; VI № 3676.

ся унизительные обычаи старой Руси — подписываться в прошениях полуименем, становиться перед государем на улицах на колени[1]. От всех, даже от низших служащих, требуется сознательное отношение к делу: «секретарям и дьякам, под смертною казнью, никаких указов о решении дел не крепить одним по приказу своих принципалов, как прежде бывало, но крепить после всех тому, кто чел дело»[2]. Петр любил подчеркивать то особое значение, которое он придает помощи своих сотрудников — пока они, действительно, заботятся об общем благе. Указом 11 мая 1722 г. Сенату предписывается подавать мнения даже по таким делам, которые для окончательного решения представляются государю — «понеже без того его величеству одному определить трудно». «Сие я один вздумал,— пишет Петр по поводу переделки находящейся в частных руках меди в монету,— а когда многие станут думать о сем, могут более добрых способов найтить»[3]. Но и сенаторов надо воспитывать — убеждать их «не весьма ослабевать», решать дела не на бумаге только, но и по существу, вести себя с достоинством, «как честным людям надлежит, а не как бабам-торговкам». Чувство человеческого достоинства поддерживается в Воинском уставе запрещением начальникам оскорблять подчиненных, а офицерам «без важных и пристойных причин» бить солдат[4]. Прежнему участию общества в государственной жизни и местном управлении придаются более совершенные формы; точно определяется порядок производства в военные чины, сообразно с рекомендацией сослуживцев; в разных правительственных и общественных учреждениях приме-

[1] П. С. З., т. IV, № 1884; И. И. Голиков. «Деяния Петра В.», т. II, стр. 79.

[2] П. С. З., т. V, № 2791.

[3] П. С. З., VII, 4003. Сборн. Ист. Общ., XI, стр. 544.

[4] «Воинский устав», арт. 32 и 33.

няется баллотировка, и законодатель заботится о том, чтобы каждый голос подан был свободно и правильно: «в особливой каморе надлежит стулья поставить вкруг, так далеко друг от друга, чтоб рукою одному до другого достать было нельзя. А столу с ящиком, в которой балы кидают, и чаше с балами стоять на средине... Носить балы и ящик чтоб не всегда одному, но переменяясь, и чтоб не знал тот, кому прикажут носить, заранее»...[1] Если, с одной стороны, идеалом Петра был один общий для всех «аншталт», который бы во всех порядках весьма сходен был, то с другой — не отвергается и значение местных привилегий, в точном соответствии с которыми должно быть устроено управление[2]. Это уже уступка действительности. Подобные же уступки встречаются и в некоторых других случаях. Разумеется, нельзя думать, чтобы единственным мотивом этих уступок было уважение к человеческим правам подданных; но все же они вносили некоторый корректив в атмосферу общей придавленности и отчасти могут быть сопоставлены с указами, в которых Петр считается с подданным, как с человеком.

Особое место в законодательстве Петра занимают указ о престолонаследии 5 февраля 1722 г. и связанная с ним ученая мотивировка его, «Правда воли монаршей», составленная по указаниям Преобразователя Феофаном Прокоповичем. Указ 5 февраля представляет ту особенность, что он был вызван не войной, не назревшими потребностями эпохи, не западно-европейскими теориями, а обстоятельствами семейной жизни монарха: не колебало ли это авторитет указа даже в глазах самого законодателя? Известно, что преемника он, в конце концов, себе не назначил; с другой стороны, на защиту

[1] П. С. З., V, 2795, VI, 3528.

[2] П. С. З., VI, 3534 — «Генеральный регламент», гл. XXVII.

указа — в глазах общественного мнения признано было нужным издать целое капитальное сочинение. «Правда воли монаршей» была напечатана летом 1722 года; в 1723 г. об издании ее оповестили за границей, в Лейпцигских ученых актах, с кратким изложением ее содержания и похвалой монарху. В 1724 г. «Правда» была переведена на немецкий язык и издана в Берлине[1]. По содержанию это обстоятельный трактат, в котором обширная начитанность и литературный талант автора развертываются достаточно ярко. Кроме ссылок на Св. писание и отцов церкви, мы находим здесь ссылки на историю всеобщую и русскую, на кодекс Юстиниана, на «Право войны и мира» Гуго Гроция. Если б этого показалось мало, автор готов представить «до трех сот и вящше законных книг», имеющихся в России и могущих подтвердить доводы «Правды». Но при изъяснении цели сочинения мы замечаем у автора некоторое противоречие. С одной стороны, замаскировывая самую необходимость доказывать всем якобы очевидное преимущество нового порядка престолонаследия перед старым, автор объявляет целью книги заградить уста только нескольким безумным «прекословцам», таким неспокойным головам, «что ни какового уставления от Державной власти произносимого похвалити не хотят», «купно же и иностранным порочное о народе нашем мнение отнять и подать им вину лучших о нас помыслов», а с другой, на следующей же странице, мы видим иную цель — «показать всякому изданною в народ книжицею, как вышепомянутый Императорского Величества устав не только никоему же о неправде подозрению не подлежит, но как здравому естественному разуму, так и самого Бога неложному слову согласует, и Госу-

[1] И. А. Чистович. «Феофан Прокопович и его время». СПб., 1868, стр. 120.

дарству Российскому весьма нужный и преполезный является»[1].

Доказать надо так, «да и последний сумнительства сучец от мысли невежливых истребится и место недоумению не останется». Ученый апологет Преобразователя разбивает свой трактат на две части. В первой идет речь вообще о праве отца распорядиться судьбою сына; во второй — более объемистой — вопрос разбирается с точки зрения государственной, с точки зрения обязанности государя блюсти общее благо, причем подробно предусматриваются и заранее опровергаются возможные возражения. В каждой части доводы «от естественного разума», от «изданных в народах законов и писаний законо-учительных философов» и от Св. писания. Как отец, государь имеет полное право отвергнуть сына: «когда чада долженство свое злонравием разоряют, освобождают тогда и родителей своих от должного им призрения... Сын непокоривый и злонравный перестает быти сын». Но даже и у добродетельного сына нет прав по отношению к отцу: никто не претендует, если отец не отдает своего имения сыну при жизни, но в таком случае молчаливо признается право отца подвергать сына материальным лишениям; обязательство отца по отношению к кредиторам важнее обязательств по отношению к сыновьям, так как ведь долг передается по наследству. Отец ничего не обязан давать сыну, и если дает, то только по любви. В кодексе Юстиниана предусмотрено 14 случаев, когда отец лишает сына наследства; в древности был очень распространен обычай усыновления,— но усыновление, предоставлением усыновленному части из отцовского наследства, приводит к убытку даже хороших сыновей; наконец, власть отца всегда стояла очень высоко у всех народов, вплоть до права продать сына в рабст-

[1] «Правда воли монаршей». Москва, 1720 г.

во или даже казнить его. Сам Господь отринул Израиля, хотя и назвал его Своим сыном; в первоначальном сирийском тексте Притчей Соломоновых сказано, что даже «раб смыслен погосподствует над студным сыном». Покончив с вопросом об отцовской власти, автор переходит ко второй части, являющейся вместе с тем и наиболее важной. Прежде всего выдвигается соображение, что все сказанное о родителях вообще, «в родителях государях сугубо содержится», так как дети являются в этом случае одновременно и детьми, и подданными родителей. Государь не может быть лишен отцовской власти, так как у него оказалось бы в таком случае менее прав, чем у подданных, и он не мог бы править страной; нельзя в то же время не считать детей государя его подданными, потому что не будь так, «были бы они весьма неподвластнии в мире сем, что никому же от Бога дано, кроме самих высочайших самодержавных властей». Раз дети государя подчинены ему сугубо, то он тем более вправе распорядиться их судьбой, особенно по вопросу о престолонаследии: ведь речь здесь идет не о материальном обеспечении детей, а о передаче должности. Священник, воевода, градоначальник, философский учитель отнюдь не обязаны передавать детям свою должность: неужели это обязан делать государь? Вопрос о престолонаследии связывается с вопросом о самом происхождении и сущности власти. Государь царствует по воле Божией; но внешним выражением этой воли Божией явился в глазах ученого последователя Гуго Гроция тот же первоначальный договор. Из договора, с одной стороны, вытекает только новый, светский довод в пользу силы власти: «аще бо народ воли общей своей совлекся и отдал оную монарху своему, то како не должен хранити его повеления, законы и уставы, без всякой отговорки?» Но с другой стороны, власть дана государю в интересах общего благополучия подданных. Он может

менять «всякие обряды гражданские и церковные», народные обычаи, одежду, «домов строения», «чины и церемонии в пированьях, свадьбах, погребениях и пр.», но лишь бы это было народу не вредно и воле Божьей не противно. «Согласно вси хощем, да ты к общей нашей пользе владееши над нами вечно», так, по мнению Прокоповича, должен сказать народ монарху при первоначальном договоре. А если так, если полнота самодержавия не избавляет государя от обязанности блюсти общую пользу, то непригодного к управлению наследника не только можно, но прямо должно устранить, памятуя, что сам народ даже неспособного монарха не может свергнуть: «коею б волею мог бы сие творити, понеже воли своей и власти лишился?» Знай Соломон, какого преемника найдет он себе в Ровоаме, последний, конечно, не был бы на престоле. Люди, утверждающие, что вопрос о наследнике выходит из компетенции государя, должны бы прийти и к тому, что государю вообще не за чем заботиться о государстве, что он может, с чистой совестью, уподобиться «малым отроком, которые на улице строеньишка свои из песка созидают и тотчас отшедши от них, оставляют оные в растоптание мимоходящим». Автор останавливается на вопросе о преимуществах монархии наследственной и избирательной и приходит к выводу, что единственный недостаток первой — «не всегда и от доброго государя сын ему подобный рождается» — счастливо устраняется законом Петра. После длинного перечня примеров из истории и Св. писания, показывающих, что случаи отрешения наследников не раз имели место — автор, в заключение, не может не предусмотреть возражения, которое деятелям, вроде Феофана Прокоповича, часто, вероятно, приходилось слышать: «новый порядок не хорош, потому что это дело новое». Но с точки зрения ученого сотрудника Петра новизна сама по себе отнюдь не есть недостаток: все старое было

когда-то новым; наоборот, есть вещи, которые именно за свою ветхость похвалы лишаются. Хотя бы у нас чего и не бывало, «есть ли доброе и полезное есть, якоже есть, бедны мы были, есть ли не было у нас, а благополучны, что и у нас настало»... «Разумный есть и человек, и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых».

Написанная по поводу частного вопроса, «Правда воли монаршей» закончилась общим оправданием деятельности Петра, как обновителя России. Но указ о престолонаследии, как мы знаем, по происхождению своему плохо укладывается в схему Петровских преобразований: это скорее не лицо, а изнанка реформы — следствие того разложения старорусской семьи, которое стало обнаруживаться уже с средины XVII века и одной из видных жертв которого оказался сам царь-преобразователь. По пластическому выражению историка, Петр указом о престолонаследии «погасил династию, как учреждение», сделав ее пагубным для России орудием дворцовых интриг и разных иностранных воздействий[1]. «Правда воли монаршей» не встретила сочувствия современников; в 4 года не разошлось ее и 600 экземпляров; а вскоре значительно падает и авторитет Феофана Прокоповича, сблизившегося с Бироном и нашедшего в Тайной канцелярии опору против своих политических и литературных врагов. Во вторую половину XVIII века, в глазах историка и публициста М. М. Щербатова, «Правда воли монаршей — только памятник лести и подобострастия монашеского изволению государскому»[2].

Со смерти Петра Великого прошло почти два века. Для нас и «Правда воли монаршей», и все законодатель-

[1] В. О. Ключевский. «Курс русской истории», т. IV, стр. 341.

[2] П. Пекарский. «Наука и литература в России при Петре Вел.», т. II, стр. 575.

Печать Петра Великого

ство Петра, прежде всего, исторический памятник. В этом памятнике много уродливого и странного, но не забудем, что на главном его фронтоне надпись: «общее благо» — и надпись эта принадлежит эпохе, когда по тяжким условиям народной и государственной жизни узкая забота о личном существовании должна бы занять первое место. Это объясняет, почему, несмотря на ошибочность и бесплодность многих Петровских узаконений, все-таки от законодательства Петра долгое время исходили, в своих наиболее светлых начинаниях, как русские государи, так и лучшие деятели их царствований.

Д. Жаринов

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА

«Что тя приведе в чин священнический? То ли дабы спасти себе и иных? Никакоже, но чтобы прекормити жену и дети и домашние... Поискал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса». Такими словами Дмитрий Ростовский изобличал современное ему духовенство, правда, не вполне справедливо упрекая его в забвении церковных обязанностей, но весьма метко подчеркивая кормленщицкий характер допетровской церкви. Мы знаем уже, что духовенство древней Руси, действительно, мало заботилось о поисках Иисуса, разумея под этим догматическое и нравственное учение христианства; но о спасении себя и иных оно заботилось чрезвычайно усердно, только понимало путь к достижению спасения в строгом соблюдении обрядности, освященной «старою верой». Искание Иисуса было уделом лишь немногих представителей допетровской церкви, преимущественно тех, которые получили образование в Киеве или в других духовных академиях юго-запада и даже запада, подобно

самому Димитрию Ростовскому. Для него и для подобных ему искание Иисуса было тем идеалом, к которому должно было стремиться русское духовенство; в этом искании Иисуса русская церковь, только что порвавшая со старой верой и не получившая взамен ничего, кроме нововизантийской обрядности, должна была найти свою новую веру. Но новое вино не вливается в старые мехи. Старая организация так же мало подходила к условиям Петровских времен, как и старая вера. Старая организация была построена на принципе экономической независимости церкви от государства и по существу представляла из себя систему кормления, или, выражаясь более точным и общим термином, носила чисто феодальный характер. Низшее духовенство смотрело на свои приходы и церкви, как на доходные лены, которые оно получало от прихожан в кормление за исполнение церковной службы. Нормальным правилом были подтвержденные еще Стоглавом приходские выборы; но обычный спутник ленной системы, симония, очень часто сводил эти выборы на нет; за 15—20 рублей прихожане охотно представляли на посвящение епископу не наиболее достойного, а наиболее ловкого человека. Купившие церковную должность распоряжались ею, как «отчиною», продавали должности и «корчемствовали ими», т. е. отдавали их в аренду. Нередки были случаи, когда священник владел двумя церквами, одною правил сам, другую отдавал в аренду; церковные должности сплошь и рядом передавались по наследству, даже делились между наследниками (делились, конечно, доходы, службу же правил кто-либо один). Системе кормления снизу соответствовала и система кормления сверху. Епископы кормились с вотчин, приписанных к архиерейским домам, десятильным сбором и «благословенною гривной»[1] с приходского духовенства и судебными пошлинами с ду-

[1] Плата за посвящение.

ховенства и подсудных им церковных людей. Во владении епископов и монастырей были даже целые торговые слободы, приносившие им также большие доходы и освобожденные притом от казенного тягла особыми жалованными грамотами. Такая организация давала духовенству весьма крупный «кусок хлеба», притом совершенно независимый от государства. Экономически церковь была совершенно самостоятельна, а ее особые привилегии, судебные и податные, делали из нее государство в государстве.

Но с тех пор, как после Смуты удельный феодализм разложился окончательно, постепенно отходят в вечность и старые удельные учреждения, заменяясь новыми приказными учреждениями Московского государства. Конгломерат вотчинных княжеств под сюзеренитетом московского государя превращается в сословную монархию, единую организацию дворянского господства. Понятно, что старая церковная организация должна была так или иначе видоизмениться сообразно с условиями времени. Началась и у нас в XVII веке борьба государства и церкви, приведшая при Петре к своеобразной реформации, в которой, однако, при ближайшем рассмотрении найдется немало элементов, роднящих ее с официальными реформациями XVI века на Западе. В предшествующей статье мы уже видели начало этой реформации и сопровождавшие ее перипетии борьбы царя и патриарха. Атака пошла одновременно и на старую организацию, и на старую веру. Первая была нерешительна. Двоевластие царя и патриарха со времен Михаила и Филарета было практической поправкой, смягчавшей стремления государства ограничить церковные привилегии и подчинить церковь вполне видам государства. Но уже первая серьезная попытка ограничить судебные иммунитеты церкви, учреждение по Уложению 1649 г. светского Монастырского приказа, имевше-

го «делать суд во всяких истцовых делах на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, детей боярских и крестьян их, на монастыри, на архимандритов, игуменов, строителей, келарей, казначеев, на рядовую братью, монастырских слуг и крестьян, на попов и церковный причт», т. е. на всех духовных и церковных людей, кроме патриарха и его людей,— вызвало горячие протесты со стороны тогдашнего патриарха Никона. Он, не обинуясь, заявил, что Уложение 1649 г. составлялось «ведомыми врагами Божиими и дневными разбойниками», а само оно «чуждо православия и св. апостол, и св. отец церковных законов». Он тем более негодовал на это «новое некое списание», что на практике Монастырский приказ не ограничился только судебными функциями. Он стал орудием царской власти для использования церковных учреждений и земель на службу государству. Предвосхищая меры Петра, приказ производил экстренные сборы с церковных вотчин на расходы, «куды царь положит», и требовал наряды ремесленников для «приказных царских дел» и наряды служилых людей. Другая мера, проведенная тем же Уложением, отменяла тяглые привилегии церковных и монастырских слобод; она осталась в силе даже тогда, когда Монастырский приказ был уничтожен собором 1667 года. Но упразднение Монастырского приказа было ничтожной уступкой царя в сравнении с огромной победой, одержанной им над Никоном: тот же собор осудил Никона и лишил его патриаршества. К тому же, Приказ Большого Дворца, в который были переданы все дела Монастырского приказа, был тоже светским учреждением, хотя и зависел до некоторой степени от патриарха.

В XVIII веке русская официальная церковь выступает в неопределенном положении. Расшаталась ее старая организация, упали ее доходы, великая смута царила в ее

Петр Великий. С портрета Леруа

вере. Патриарх не в силах был отстаивать свою независимость от царя; с другой стороны, среди церковных низов царило резко враждебное отношение к верхам, усилившим непомерно свои поборы и стремившимся подчинить себе низший клир ограничением приходских выборов и запрещением покупать, продавать и завещать церковные места. Старая вера была также поругана и приравнена к самой злой ереси; но на месте ее ничего не было еще поставлено нового, кроме новых служебников, в которых, впрочем, под конец разочаровался и сам Никон. Кто не хотел подчиниться, ушел в раскол; оставшимся в официальной церкви приходилось покорно идти за государством и вырабатывать сообща с ним и под его руководством новую организацию и новую веру. Предстояло превратить церковную службу в нечто иное, чем искание «хлеба куса», и найти в вере «Иисуса».

Эпоха Петра была решительным моментом в истории русской церкви, решительным и бесповоротным, ибо в то время, как другие его реформы были построены на преувеличенной оценке тогдашних производительных сил России, церковные его реформы вполне ответили назревшей необходимости превращения официальной церкви в instrumentum regni. Реформа при этом была произведена не сразу, а частями, постепенно, так что завершивший ее «Духовный Регламент» только подвел итоги разрозненным мероприятиям и тенденциям предшествующего ему времени. Поэтому в «Духовном Регламенте» мы найдем немало элементов, восходящих даже в допетровское время, и потому, несмотря на новый способ выражений, общий для всех Петровских указов, содержание «Духовного Регламента» не так уже ново, а проведение мер, в нем предписанных, далеко не так ошеломило тогдашнее общество, как проведение других реформ Петра.

В 1700 году умер патриарх Адриан, последний представитель старой русской иерархии. Петр не назначал собора для выборов нового патриарха, но поручил временное местоблюстительство патриаршего престола Стефану Яворскому, рязанскому митрополиту. Такое временное местоблюстительство имело место и раньше; но теперь все обстоятельства, сопровождавшие назначение Стефана, показывали, что дело идет не о временном порядке управления церковью, пока не будет назначен новый патриарх, а о том, чтобы использовать освобождение патриаршей кафедры для проведения коренной церковной реформы. Прежде всего личность самого заместителя патриарха наводила на размышления. Это был в полном смысле слова homo novus, человек, совершенно чуждый московскому клиру и его миросозерцанию. Родом из Малороссии, которая всего каких-нибудь полвека была под московской властью и еще не успела очиститься от подозрения в «обливанстве», Стефан Яворский имел за собою грех отступничества, хотя и временного, от православия. Первоначальное образование он получил в Киево-Могилевской коллегии, но для довершения своего богословского образования поехал в Польшу и слушал курсы богословия и риторики в иезуитских коллегиях во Львове и Познани; чтобы получить туда доступ, ему пришлось принять католичество, из которого он вновь вернулся в православие по возвращении в Киев. В качестве настоятеля Никольского Пустынного монастыря он прославился своими проповедями, составлявшимися по схоластическому католическому типу, но импонировавшими слушателям живыми отзвуками текущих событий, связью с житейскими и политическими вопросами. Еще совсем молодой для настоятеля монастыря (42 лет), а тем более для будущего своего сана, он только что в 1700 году приехал в Москву с поручением к патриарху Адриану (тогда еще живому) от киев-

ского митрополита и сделал головокружительно быструю карьеру в каких-нибудь несколько месяцев. За неимением подходящих проповедников в Москве ему было поручено сказать надгробное слово на погребении фельдмаршала Шеина, в присутствии Петра. Эта проповедь решила судьбу Стефана. Петр был от нее в восторге и сейчас же приказал патриарху Адриану назначить его на рязанскую кафедру, а через несколько месяцев, когда патриарх умер, Стефан был назначен местоблюстителем патриаршего престола. Новый человек, не имевший опоры в окружавших его архиереях, Стефан должен был невольно искать опоры у светской власти и соглашаться на все мероприятия, какие она намеревалась провести в церкви. Строгий гонитель всякого религиозного свободомыслия, в особенности протестантизма, ненависть к которому он вынес из иезуитской школы, и вообще склонявшийся к католическому взгляду на вероучение и таинства, Стефан оказался совсем не по-католически покладистым в вопросах церковной организации. Светская власть принялась тут действовать свободно и вовсю, а Стефан послушно регистрировал ее распоряжения и приводил их в исполнение.

Первые церковные распоряжения Петра производились совершенно без всякой попытки их теоретического оправдания и без всякого заранее обдуманного плана. Напротив, они носили как будто чисто практический и отчасти полицейский характер. Заранее обдумано было только упразднение патриаршества. Петр на опыте убедился, что патриаршество является головой церковно-феодальной реакции, враждебной его меркантилистическим новшествам, и потому первою же его мерой по возведении Стефана было ограничение патриаршей власти. Одним ударом он уничтожил судебную юрисдикцию патриарха, на которую не осмелилось посягнуть в 1649 г. правительство царя Алексея, распре-

делив все судебные дела, подведомственные ранее патриарху, по различным приказам. В ведении Патриаршего приказа остались только духовные дела, о расколах, ересях и «противностях церкви Божией»; их ведать стал Стефан, и на его чисто иезуитское рвение по истреблению ересей можно было крепко положиться. Таким образом, будущий патриарх, если бы все-таки пришлось его назначить, был уже заранее лишен значительной части своих доходов и огромной области своего прежнего ведения. Но и эта заранее обдуманная мера Петра носила по своей ближайшей цели предупредительно-полицейский характер. Другая мера, оказавшаяся на практике наиболее рациональною, была задумана еще во время болезни патриарха Адриана с чисто практическою целью. Изобрел ее знаменитый «прибыльщик» Курбатов. Он обратил внимание на «тунегиблемые» земельные владения духовенства и посоветовал Петру воспользоваться беспорядками, происшедшими в управлении церковными вотчинами вследствие долговременной болезни патриарха Адриана, и прибрать их к своим рукам: «Необходимо распорядиться монастырскими и архиерейскими имениями — учредить особливый расправный приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает по прихотям владельцев». Мысль была самая подходящая, еще ранее приходившая Петру в голову: собирают монахи «деньги немалые, а где те деньги, на какие расходы — неведомо», писалось в указе 1698 г. Для наступавшей войны требовалась «артерия — деньги», и мысль Курбатова 24 января 1701 г. была приведена в исполнение. Именным указом был вновь учрежден Монастырский приказ, но уже с иными функциями, чем ранее; именно, ему повелевалось ведать «дом святейшего патриарха, и домы архиерейские и монастырские дела». В этой краткой формуле скрывалось весьма обширное содержание, как показали последующие указы, опреде-

лявшие в деталях деятельность Монастырского приказа: приказ должен был заведовать управлением всякого рода церковными имениями, казенными с них сборами и гражданскими судебными делами в тех же пределах, как и Монастырский приказ 1649 года.

Итак, ближайшая цель учреждения Монастырского приказа 1701 г. была чисто фискальная, «как бы учинить прибыток государевой казне». Но на деле Монастырский приказ послужил делу секуляризации церкви и подготовил почву, на которой совершенно безболезненно и естественно вырос святейший Синод. В сущности говоря, с 1701 года уже начинается формально служение церкви нуждам государства. Монастырский приказ достигал этого двумя путями: во-первых, он окончательно уничтожил экономическую зависимость церкви от государства и систему кормлений, и, во-вторых, он ввел в обиход церковного управления формальное руководящее участие светских учреждений. С этого последнего пункта и удобнее всего начать, ибо он проще и в то же время осветит для нас понимание второго пункта.

Состав Монастырского приказа был исключительно светский. Во главе его стоял приказный боярин, как во главе других приказов, в распоряжении приказного боярина были светские же подьячие и приказные в центре и местные чиновники в епархиях. До основания коллегий приказ был самостоятельным учреждением, действовавшим наравне с другими приказами и независимо от них; а затем, в отличие от других приказов, уничтоженных после введения коллегий, он был подчинен в финансовом отношении штатс-конторе, а по судебной части — юстиц-коллегии. Это соподчинение опять-таки было вполне гражданским, независимым от какого бы то ни было вмешательства церковной власти. Наравне с прочими гражданскими учреждениями Монастырский приказ был под контролем Сената, обязан был испол-

пять указы Сената и представлять ему периодические ведомости о своей деятельности. Сообразно с этим, форма распоряжений, исходивших от Монастырского приказа, гласила «по указу великого государя царя и великого князя и по приговору боярина такого-то». Перед нами чисто гражданское учреждение, не знающее над собой никакой иной власти, кроме общих государственных учреждений, и не ведающее иных законов, кроме указов и распоряжений царя и Сената. Ничего специфически церковного не было ни в составе его чиновников, ни в порядке его деятельности. Это было одно из многих государственных учреждений, такой же винтик в бюрократической машине начала XVIII века, как и многие другие.

Уяснив себе гражданскую природу Монастырского приказа, мы перейдем к его функциям. Главную из них мы можем назвать секуляризацией церковных имуществ, ибо по существу распоряжение Монастырского приказа церковными имениями было не чем иным, как секуляризацией, хотя и не доведенной до конца. В ведение приказа были отданы все монастырские, архиерейские и патриаршие вотчины и оброчные статьи, в которых насчитывалось около 120 тыс. дворов. Приказ принял их в свое ведение по описи, произведенной его агентами, описи, правда, очень неполной и плохой, но все-таки, следовательно, не без счета. Приняв в свое ведение церковные имущества, приказ вступил в полное управление ими. Чтобы дать понятие о пределах административной власти приказа, достаточно будет указать на то, что прежние хозяева церковных имуществ, монастыри и архиереи, лишились не только права собирать какие бы то ни было доходы, но даже потеряли право высказывать хотя бы свое мнение. Приказ разослал во все подведомственные ему вотчины своих агентов; это делалось с совершенно откровенно высказываемой це-

лью лишить прежних владельцев возможности стеснять волю государства в их владениях. Вместе с тем были отменены и все пошлины, которые архиереи имели право собирать с подчиненного им низшего клира. Церковь была, таким образом, лишена всякой экономической независимости от государства. Напротив, гражданское учреждение, Монастырский приказ, распределяло все доходы, выдавая по своему усмотрению содержание монастырям и архиереям. Были установлены строгие штаты и оклады, в сравнении с которыми прежние доходы казались прямо царскими; да и те оклады, вследствие страшного беспорядка в делах приказа, некоторые монастыри не получали по целым годам, монахи голодали, а церкви разваливались. Благосостояние церковных учреждений стало зависеть от милостей Монастырского приказа и от капризов сидевших в нем дьяков.

Все «остатки» доходов, остававшиеся за вычетом окладов, шли в общегосударственную казну. Но эти остатки были львиной долей. Мало того, прежнюю свободу церковных имуществ от всякого казенного тягла Монастырский приказ заменил необычайно тяжким тяглом. На церковные имущества были распространены все общегосударственные подати и повинности, мало того, на них дождем сыпались запросные сборы и чрезвычайные повинности. «Канальный сбор» на сооружение Ладожского канала, «козловский сбор» на освобождение от рекрутской повинности, наряды в адмиралтейство плотников и кузнецов, наряды по мостовой повинности, содержание отставных военных чинов, поставка лошадей для драгун, подмога при отливке пушек — и проч. и проч., все это валилось на «тунегиблемые» до тех пор имения. Все, что могло взять с них государство, оно взяло, взяло, не обращая внимания на их платежеспособность, как, впрочем, всегда и везде поступало Петровское правительство.

Итак, мы имеем дело с несомненной секуляризацией церковных доходов. Но секуляризация доходов имеет постоянную тенденцию перейти в секуляризацию имуществ. По именным указам царя и по собственным распоряжениям Монастырский приказ продавал церковные вотчины и раздавал их новым владельцам. Церковные вотчины приписывались к Адмиралтейскому и Преображенскому приказам и Ямскому приказу; вотчины Тихвинского монастыря были приписаны к Олонецким железным заводам; все церковные вотчины Петербургской губернии были переданы в Ижорскую канцелярию. Всего за первые десять лет деятельности Монастырского приказа было отчислено к другим ведомствам и владельцам около 10 тыс. дворов. Это была уже настоящая секуляризация, хотя и частичная. Она не превратилась в общую, потому что Петр прежде всего исходил из практических соображений, и лишь самопроизвольно деятельность Монастырского приказа выливалась в определенную систему. С экономической независимостью и системой кормления было покончено. Последующее существование приходского духовенства и отчасти монастырей от доброхотных даяний уже имеет совершенно иной характер добровольной платы за услуги, но не экономической эксплуатации церковной должности, как лена, или вотчины.

Описанная сторона деятельности Монастырского приказа расчищала почву для новой церковной организации. Лишенная экономической самостоятельности, церковь должна была принять из рук государства такую организацию, какую оно захочет дать. Распоряжения приказа, имевшие уже не финансовый, а чисто церковный характер, исполнялись беспрекословно, подобно приказаниям Стефана и его коллегии, и это робкое повиновение показывало, что церковь вполне созрела для роли орудия государственной власти. Такого рода распо-

ряжения, правда, носили также практический характер, были вызваны неотложными военными нуждами; но они чрезвычайно характерны и по существу. В 1719 году издается закон, возлагающий на монастыри обязанность содержать отставных солдат; раньше это было делом добровольного благотворения. Еще ранее, в 1718 году, было предпринято заключение церкви в определенные штаты. Приказ получил от царя распоряжение составить штаты монастырей; и простыми указами приказа одни монастыри были совсем закрыты, другие превращены в приходские церкви, в третьих сокращено число монахов. Штат приходских церквей был также точно определен: на 100—150 дворов положен один священник, на 200—250 — два, на 300 — и то в исключительных случаях — три. На каждого священника было положено по два причетника. Эти штаты было предположено осуществлять постепенно, пока лишние клирики не переведутся сами собой за смертью или за сложением сана, и в этот промежуток было постановлено не посвящать новых лиц на открывающиеся вакансии, а замещать их лишними клириками из других приходов. В 1721 году последовал еще более решительный указ, запрещавший впредь постригать вновь монахов, чтобы освободить место для отставных солдат. Далее, в 1718 г. был указ, временно приостанавливавший по всей России посвящение во священники, в виду рекрутского набора. Все эти меры вмешивались прямо в область чисто церковной жизни и распорядка. Правда, они мотивировались наличием vis major, великой Северной войны, для которой были напряжены все силы государства. Но приказ привел также некоторые изменения в церковных делах вне всякой связи с войною или с другими практическими мероприятиями Петра. В связи с только что указанными они создают почву для новой церковной организации и сверху и снизу, и в то же время кладут основание новой идеоло-

гии, искания «Иисуса» в новой церкви. Это были случаи назначения Приказом настоятелей монастырей и распоряжения, которые он делал относительно приходского духовенства. Приказом был установлен новый порядок выборов священников и предписано протоиереям заводить школы и следить за тем, чтобы посвящаемые в священники непременно были из воспитанников школы. Эти меры впоследствии были развиты в систему Духовным Регламентом. Новый порядок выбора на должности священников заключался в том, что теперь прихожане обязаны были представлять епископу на утверждение не одного, а нескольких кандидатов, сопровождая это представление ружною грамотою, в которой точно определялась руга священнику, т. е. размеры плат за требы и других отчислений в пользу священника. Епископ мог не утвердить ни одного кандидата, если он не удовлетворял требованиям образовательного ценза или почему-либо иному казался неподходящим. В силу этого распоряжения приходский культ, до тех пор бывший частным, даже домашним делом общины или другой группировки, становился частью общегосударственного культа. Другое распоряжение, также подтвержденное в Духовном Регламенте, еще более подчеркивает тенденцию придать культу на всех его степенях государственный характер. Как мы знаем, для Допетровской Руси было характерным явлением существование домовых церквей, сослуживших, между прочим, огромную службу посадскому старообрядчеству. В 1718 году по распоряжению Монастырского приказа все домовые церкви, за исключением церквей, принадлежавших особам императорской фамилии, были закрыты, а утварь их и антиминсы были переданы в распоряжение бедных приходских и монастырских церквей. Домашний культ был упразднен, и Духовный Регламент, подтверждая распоряжение Монастырского приказа, прибавляет в разъяснение: «ибо

сие лишнее есть и от единой спеси деется, и духовному чину укорительное; ходили бы господа к церквам приходским и не стыдились бы быть братиею, хотя и крестьян своих, в обществе христианстем». Прежние домашние духовники, холопы своих господ, заменены были теперь приходскими, общественными духовниками, на которых была возложена обязанность доносить о всяких крамолах, открытых на исповеди, а обыватели обязывались непременно говеть Великим постом.

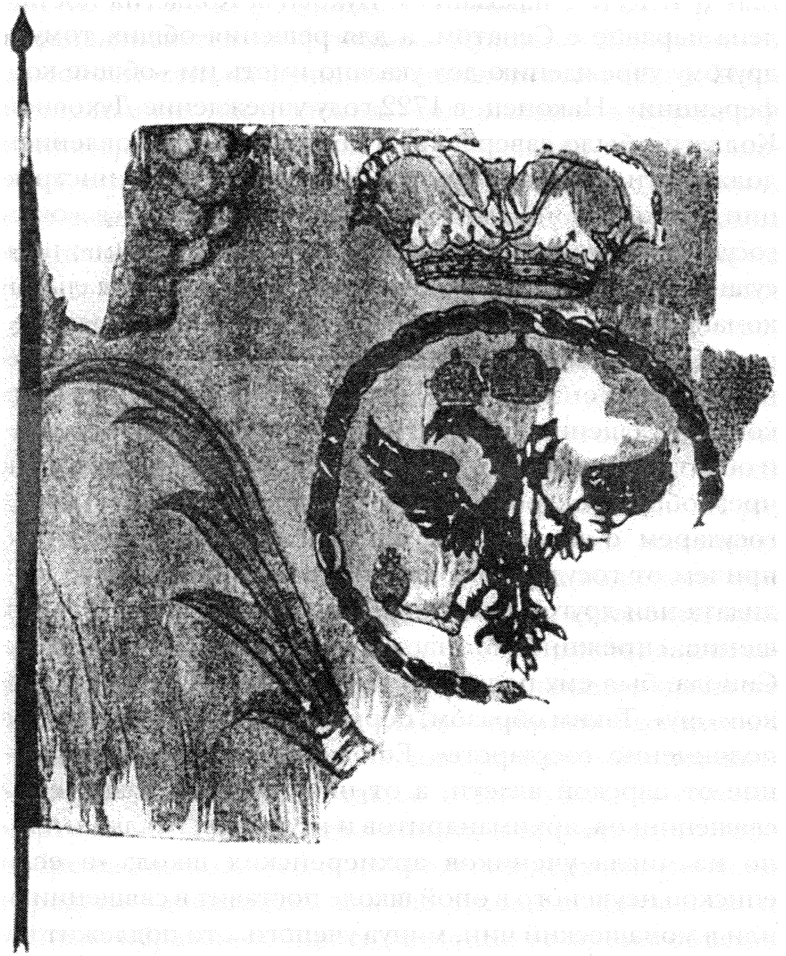
Разрозненные распоряжения Монастырского приказа были объединены в систему и развиты в Духовном Регламенте. Ко времени составления Духовного Регламента (1721 г.) Петр разошелся со Стефаном, хотя тот все еще оставался местоблюстителем патриаршего престола. Петр более всего симпатизировал протестантизму, именно, лютеранству, привлекавшему его не только рационализмом, но и организационными принципами. Лютеранская реформация с организационной точки зрения именно и свелась к тому, что в бесчисленных немецких лютеранских княжествах церковь стала отраслью княжеского управления. Князь назначал пасторов, которые таким образом были попросту его чиновниками, проводившими при помощи религии его политику. Стефан Яворский ненавидел протестантизм и имел на этой почве несколько крупных столкновений с Петром, попал в подозрение и был даже запутан в дело царевича Алексея, но сумел оправдаться. Когда после двадцатилетней деятельности Монастырского приказа Петр решил приступить к установлению нового порядка в церкви, чтобы дать, наконец, ей определенное положение и место в государстве, у него был уже другой исполнитель его намерений, не занимавший такого высокого поста, как Стефан, но занявший прочно прежнее место Стефана в царском сердце. На двадцать слишком лет моложе Стефана, также малоросс родом, Феофан

Прокопович получил образование в Киеве и в тех же иезуитских коллегиях, как и Стефан, но вместо того, чтобы подчиниться влиянию католицизма, Феофан вынес из иезуитских коллегий отвращение к католичеству и проникся симпатиями к протестантизму, против которого его учили бороться. Похвальная речь Петру по случаю Полтавской победы выдвинула его, и уже в 1716 году, всего 35 лет от роду, он был назначен псковским епископом. С этих пор Феофан стал верным идеологом всех начинаний Петровского правительства, доказывая правильность их с религиозной точки зрения; все мероприятия царя получали оправдание от Священного писания и св. отца. Когда Петр приступил к завершению церковной реформы, он поручил это дело Феофану, и 25 января 1721 г., при высочайшем манифесте, был опубликован и введен в действие «Регламент или Устав Духовной Коллегии», составленный Феофаном, прослушанный и исправленный в комиссии из архиереев, архимандритов и сенаторов, подписавших его перед утверждением царя «в исполнение непреложное».

Первая основная черта церковной реформы по Регламенту — ее происхождение от царя и направление по его указаниям. Царь считает «исправление чина духовного» такою же своею обязанностью, как и исправление чина военного и гражданского, об исполнении которой придется ему давать ответ перед «нелицемерным Судиею». А потому, по примеру ветхозаветных и новозаветных (?) благочестивых царей, царь и «уставляет Духовную Коллегию, то есть духовное соборное правительство, которое имеет всякие духовные дела во всероссийской церкви управлять». Первая часть, теоретическая, разъясняющая и оправдывающая реформу, помимо очевидных доказательств преимущества коллегиального управления перед единоличным, содержит целый ряд любопытных рассуждений, сущность кото-

рых сводится опять-таки к тому, что «царство выше священства». Доказательства этому Регламент не ищет ни в канонах, ни в «законе Божием», откровенно признавая, что искать было бы напрасно, они «зде не вмещаются»; основания реформы взяты отчасти из ветхозаветной, а преимущественно из греческой практики: «церковное синедрион в ветхозаветной церкви, и гражданский (!) суд ареопагитов в Афинах, и иные в том же городе правительствующие собрания, нарицаемые Дикастерии». Подобно им учреждены другие Петровские коллегии, а теперь, по образцу их, уставляется и «Духовное Коллегиум». Но как бы опасаясь, что для церкви ссылки на афинские судебные учреждения и на другие Петровские коллегии окажутся малоубедительными доказательствами, автор Регламента приводит еще целый ряд аргументов. Вся сила Коллегиума в том и заключается, что оно «под державным монархом есть и от монарха установлено». Между тем прежний порядок, когда был «единый собственный правитель духовный», способствовал только мятежам и смущениям, появлению и в России таких же «замахов», какими когда-то прославились римские папы. Теперь же возможность подобных выпадов исключается: «а когда видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским приговором уставлено есть, то и паче пребудет в кротости своей, весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовного».

Состав Духовной Коллегии и соподчинение ее членов не оставляли никакого сомнения в чисто гражданском характере реформы. Двенадцать членов Духовной Коллегии назначаются царем из числа архиереев, архимандритов, игуменов и протопопов; архиереев трое, а остальные назначаются так, чтобы в числе назначенных не было «подручных» синодальным архиереям. Один из архиереев назначается президентом — имя «не

Остатки полкового знамени Семеновского полка

гордое», «невозможно ему восписоватися». И президент и прочие члены Коллегии приносят при вступлении в должность присягу, «что верен, есть и будет царскому величеству», «как крайнему судии духовной коллегии»; за нарушение присяги грозит «именной штраф анафе-

мы» и телесное наказание». Духовная Коллегия поставлена наравне с Сенатом, а для решения общих тому и другому учреждению дел указано иметь им «общие конференции». Наконец, в 1722 году учреждение Духовной Коллегии было завершено и дополнено установлением должности обер-прокурора. В официальной инструкции, написанной самим Петром, он называется «оком государя и стряпчим по делам государственным»; но в сущности он стал главою и руководителем «синодальной команды». Обер-прокурор Синода, подобно обер-прокурору Сената, обязан был следить, чтобы не было упущений в делопроизводстве Синода, останавливать все незаконные решения Синода и доносить о них государю, и обратно, передавать монаршую волю Синоду; наконец, чрез обер-прокурора Синод «свидетельствует» перед государем о кандидатах на епископские должности, причем от государя зависит назначить синодского кандидата или другое лицо по своему усмотрению. В завершение, прежний Монастырский приказ, предтеча Синода, был ему подчинен и превратился в его «камер-контору». Таким образом, церковь становилась в полное подчинение государству. Епископы получали назначение от царской власти, а от них зависело назначение священников, архимандритов и игуменов, исключительно из числа учеников архиерейских школ; «а если епископ неученого в оной школе поставит в священники или в монашеский чин, минув ученого... то подлежит наказанию».

Новой организации соответствовала новая деятельность. Дореформенное управление церковными делами сводилось к отправлению треб и собиранию доходов. Но так было, пока церковь была экономически самодовлеющей организацией и жила феодальным бытом. Теперь, превратившись в государственное учреждение, она должна была изменить и направление своей деятель-

ности. Вот почему Духовный Регламент так подробно останавливается на функциях Духовной Коллегии и, в особенности, на функциях епископской власти. Многочисленные наставления, содержащиеся в разделе Регламента о епископах, конечно, вряд ли исполнялись целиком на практике, но постепенно, конечно, они вошли в употребление. Прежде всего епископ наставляется, что он должен знать и выучить, если не знает: «соборы поместные и вселенские, и что в оных заповедано», в особенности каноны о супружестве, о дозволенных и недозволенных степенях родства, и иные каноны, определяющие порядок деятельности и объем власти епископа. Но пуще всего, «ведал бы всяк епископ меру чести своея, и невысоко бы о ней мыслил, и дело убо великое, а честь никаковая». И ради этого, «чтобы укротили оную вельми жестокую епископов славу», Регламент запрещает водить их под руки и кланяться им в землю. Функции епископа, кроме поставления подчиненных ему клириков, заключаются в том, чтобы смотрел он за монахами, «дабы не волочились беспутно», «дабы лишних безлюдных церквей не строено, дабы ико нам святым ложных чудес не вымышлено, також о кликушах, о телесах мертвых несвидетельствованных, и прочих всего того добре наблюдать», а для наблюдения держать «по всем городам» «докащиков, как бы духовных фискалов» и тайным образом собирать сведения во время объезда епархий. Тут подчеркивается церковно-охранительная функция епископов: сакралии допускаются, но строго проверенные и «нелишние» — полная противоположность прежней практике, когда новые чудотворящие святыни появлялись каждый день, обогащая своих владельцев и привлекая к ним толпы богомольцев. Теперь можно было молиться только официально признанным святыням.

Но больше всего епископы должны были заботиться о насаждении школ и об образовании в них будущих клириков. Мы уже несколько раз указывали на эту заботу, выдвинутую еще Монастырским Приказом; насаждение духовной школы было, действительно, жизненным нервом Петровской духовной реформы, ибо оно было равносильно насаждению новой веры. Нельзя смотреть на духовные школы Петровского времени, как на все иные школы, им учрежденные; они не только уцелели, но сохранился их дух и организация, сохранилась их наука и дисциплина. Так произошло потому, что, быть может, без сознательного намерения со стороны ее устроителей, духовная школа дала новой церкви и новую веру, новую идеологию, заполнившую пустоту, которая образовалась после проклятия старой веры при Никоне. В самом деле, что осталось после разрыва со старой верой? Сила старого обряда была заподозрена, новый не мог сразу приобрести такого же авторитета, как старый; и еще при Никоне явилась мысль, что обряд есть дело второстепенное, дело не в нем, а в религиозной теории, т. е. в том, что всегда было на заднем плане в допетровской церкви, иерархи которой зачастую не знали даже Никейского символа. Между тем, осуждая старый обряд, старую веру, новая церковь должна была дать своим клирикам что-либо новое, что осмыслило бы для них богослужение по новому образцу и оправдало бы взгляд на второстепенное значение обряда. Отсюда забота о насаждении богословского образования, богословской схоластики, целиком заимствованной из Киева. Правда, в Регламенте, пространно трактующем об академиях и семинариях, устройство которых отнесено к первейшей обязанности Духовной Коллегии, в курс духовной школы введены и общеобразовательные предметы, включая арифметику, геометрию и физику. Но они введены были потому, что за недостатком школ в духовные школы

могли поступать и сыновья дворян, и занимают к тому же второстепенное место: шесть образовательных предметов проходятся в один год, а «богословия» — в два года. Эта «богословия» и стала основанием новой веры. Исходя из ее принципов, строились катехизисы, перешедшие из духовной школы в светскую, строились системы преподавания ветхого и нового завета, создалась современная богословская официальная система, и тот «Закон Божий», который преподается во всех светских школах. Допетровская Русь ничего этого не знала. Религия для нее заключалась в знании и соблюдении богослужения, вера состояла в том, что определенные обряды и священнодействия, определенные святые и святыни обладают чудесною силою, могут спасти человека и помочь ему в невзгоде. Новая богословская вера не уничтожила этой веры, но подвела под нее теоретический фундамент; вся сила и значение обрядов были сведены к единой первопричине божественной благодати, сведенной на землю искупительной жертвой Иисуса Христа. Из эмпирического обрядовое благочестие стало теоретическим; но, конечно, теория не всем была доступна, и простой народ до сих пор ее не знает, сохранил в неприкосновенности эмпирическую обрядность. Зато для клириков теория получила характер дисциплинирующей школы, воспитывая в них послушных слуг государственной церкви и официального credo; такой же дисциплинирующий характер богословская теория должна была получить и в светской школе. Таким образом, в новую организацию было внесено и новое содержание. Вместе с тем борьба со старою верою должна была получить еще более решительный характер. Синод учредил для этой цели «духовную инквизицию», специально для преследования раскольников. Во главе ее был поставлен протоинквизитор, игумен московского Даниловского монастыря Пафнутий, которому были

подчинены провинциальные инквизиторы, а этим последним — уездные и городские инквизиторы. Инквизиция располагала особой воинской командой, и при ее помощи разыскивала и расправлялась с раскольниками: адептам старой веры вырывали ноздри, ссылали их на каторгу, а их книги и иконы сжигали.

Так произошло превращение русской церкви из феодальной в государственную. Надо сказать, что, конечно, первое время многое, предуказанное формально, оставалось лишь на бумаге, а впоследствии и совсем атрофировалось. Но что подчинение церкви государству и упразднение «жестокой епископской славы» не было пустым звуком, показывает история новгородского архиепископа Феодосия, вице-президента Синода, разыгравшаяся в первые же годы после учреждения Синода. Сначала Феодосий был фаворитом Петра (он тоже был из малороссов) и сделал благодаря этому себе карьеру; но после смерти Петра он стал «чинить противности» императорской власти, жалуясь на притеснение церкви и архиереев и разорение монастырей, и допускал оскорбительные выражения по адресу Екатерины и Меншикова. За это он был лишен архиерейства и настоятельства в Александро-Невском монастыре; но, очевидно, рассчитывая, что реформа Петра была сильна только при его жизни, а теперь дело можно повернуть и вспять, он не подчинился распоряжению, не поехал в ссылку и должностей не оставил, а попробовал «отложиться» от Синода. Он составил и разослал по своей епархии присягу, которую должны были принести ему все подчиненные клирики «также и собственному моей правильной власти великому господину, св. Правительствующего Синода вице-президенту, преосвященному Феодосию, епископу новгородскому и великолуцкому и архимандриту александроневскому, обязуюся во всем по должности моей верен и весьма покорен быть, и все

до его архиерейской чести принадлежащее по последней моей силе умножать и охранять, и всякие его архиерейства собственные и домовые интересы соблюдать, и остерегать, и защищать» etc. Присяга была составлена по образцу императорской присяги, что само по себе было уже преступлением. Но времена были уже не те, и фронда Феодосия потерпела форменное фиаско. «Плут Федос» за «злоковарное свое воровство» приговором Синода был превращен в простого чернеца и послан на послушание в Холмогоры, а составленная им присяга была всенародно сожжена, и вместе с дымом от ее костра исчезли последние мечты о былых вольностях русской церкви.

Н. Никольский

ДВОРЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Социальным реформатором Петр никогда не был. Все внимание преобразователя было сосредоточено на войнах, непрерывно продолжавшихся в течение почти всего его царствования, и можно сказать, что эти войны были как бы основным рычагом всех преобразовательных начинаний эпохи Петра Великого. Учреждение регулярной армии и военного флота наряду с коренной реформой в сфере податного обложения были тесно связаны с событиями военного времени и оказывали сильное влияние на преобразования почти всех сторон государственной и общественной жизни. Какого-либо заранее обдуманного плана в тех переменах, которые проводились в социальном строе России начала XVIII в., мы не замечаем, да его и не могло быть у Петра, далекого от всякого рода отвлеченных теоретических построений. Смотря на все с военно-хозяйственной точки зрения, Петр видел в об-

ществе лишь необходимый социальный материал, который весь целиком должен был идти на пользу государству. Никто не должен был избегать государева тягла, все должны были быть прикреплены к своим сословным обязанностям. На рубеже XVII и XVIII ст. прежний крепостной строй общественной жизни еще более усилился, под влиянием все усложнявшихся государственных потребностей. Петр еще более нуждался в людях и денежных средствах, чем первые цари из дома Романовых, поэтому «он оставил сословную организацию почти в том же виде, в каком он получил ее от своих предшественников» (проф. Градовский).

Военная реформа, естественно, вызывала ряд перемен в организации служилого класса, а введение подушной подати изменило, с одной стороны, юридическую природу крепостного права, а, с другой — увеличило численный состав крепостного населения. Таким образом, и верх и низ русского общества были затронуты могучей рукой Преобразователя, стремившегося напрячь все силы России, чтобы превратить ее в европейское регулярное государство.

Не связанный корпоративным единством служилый класс Московской Руси отличался двумя существенными признаками: он нес на своих плечах обязательную государственную службу и сосредоточил в своих руках право владения населенными землями. Обе эти основные черты в положении служилых людей XVII в. подверглись коренной перемене в царствование Петра Великого. Государственная служба, не потеряв своего обязательного характера, получила, однако, совершенно иное юридическое основание; землевладельческие же права служилых людей были строго регламентированы законом об единонаследии 1714 г. Сверх того, на служилый класс возложена была новая повинность — обязательная школьная подготовка, вызванная техническими

особенностями преобразованной военной и гражданской службы. Вместе с тем у служилых людей, разбитых в прежнее время на чины и разряды, появляется идея корпоративного объединения, внешним показателем чего может служить то новое сословное наименование, которое входит в употребление с эпохи Петра Великого. Вместо прежних чинов — думных. московских и городовых — с 1712 г. появляется единое российское шляхетство, в состав которого входят все служилые элементы. Новые полки регулярного строя, оторванные от уездного и столичного землевладения, придавали шляхетскому сословию общегосударственный характер. В прежнее время между крупным землевладельцем — боярином или окольничим и каким-нибудь уездным сыном боярским, владевшим небольшим поместьем в несколько десятков четей,— лежала глубокая социальная пропасть, через которую удавалось перешагнуть только немногим, и то в самых редких случаях. Теперь, когда в основу служебного повышения положены были личные качества вместо прежних родовых связей, замечается общая нивелировка всего сословия, которому дается и новое наименование, заимствованное из Польши. Признак благородства, который является основной чертой в характере иноземного дворянства, переносится теперь на русскую почву и внедряется в сознание тех царских слуг, которые привыкли думать, что «всяк велик и мал живет государевой милостью». Однако и в новой облагороженной оболочке продолжало сохраняться прежнее крепостное содержание. Дворян не только заставляли служить и учиться, но даже принуждали менять место жительства, точь-в-точь как те же самые дворяне самовольно переселяли своих крестьян из одной деревни в другую. В 1714 г., например, Петр обязал 1000 шляхетских фамилий переселиться в Петербург. На Васильевском острове они должны были построить в короткий срок каменное и де-

ревянное строение, размеры которого обусловлены были числом принадлежавших им крестьянских дворов.

Не снимая с дворянства прежнего крепостного ярма, Петр всей своей сословной политикой старался подчеркнуть, что в его глазах личные способности и достоинства стоят много выше родовой чести и знатности происхождения. Он окружил себя даровитыми сотрудниками, из которых очень многие были людьми самого низкого происхождения, и тем самым «великолепие единственно делами своими показывал», и того же требовал от сотрудников. Боярская знать, обломки которой уцелели от бурь Смутного времени и занимали первые места в иерархии XVII в., почувствовала довольно скоро происшедшую перемену в отношении к ней нового правительства. Под пером одного из ее представителей, кн. Куракина, этот разрыв привычных отношений облечен был впервые в литературную форму. В своей «Истории о царе Петре Алексеевиче» он с аристократической брезгливостью относится ко всем тем лицам, которые стояли у кормила правления после переворота 1689 г., отдавшего власть в руки царицы Наталии Кирилловны. Другой носитель старинных аристократических преданий, кн. Щербатов, чутко относившийся к чести и достоинству своего сословия, возмущается тем значением, которое приобрели в государстве лица вроде Меншикова. «Упала древняя гордость дворянская,— говорит он,— видя себя управляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим, а место ее — раболепство к сему вельможе, могущему все».

Демократизируя правительственные сферы, Петр не стеснялся вводить и в дворянскую среду лиц далеко не благородного происхождения. В противоположность политике своих предшественников, отделявших резкой демаркационной чертой дворян и детей боярских от тяглых городских и сельских элементов, он для пользы

службы нередко стирал сословные грани. Так, в 1711 г. он повелел Сенату, набирая молодых дворян для запаса в офицеры, собрать «також тысячу человек людей боярских грамотных для тогож». Особенно видную роль в демократизации дворянского сословия сыграла «Табель о рангах», изданная в 1722 г. и в корне изменившая основной принцип прохождения службы. Она открывала широкий доступ в ряды дворянской массы представителям иных общественных групп, так как лица, дослужившиеся до первого обер-офицерского чина в военной службе или до VIII класса по службе гражданской, причислялись со всеми детьми, рожденными после получения этого чина, к лучшему или столбовому дворянству. «По своему духу,— говорит профессор Романович-Словатинский,— Табель о рангах была поистине демократическою: лестница в 14 ступенек отделяла каждого плебея от первых сановников государства. Она широко открыла двери, через которые посредством чина подлые члены общества могли облагородиться и войти в ряды шляхетства». Чин получил перевес над породой, и в нем дворянская масса стала видеть основу своего социального и политического значения. Шляхетство начинает проникаться чиновным духом, что резко бросалось в глаза иностранным наблюдателям. «В России,— говорит один из них,— нет джентлеменов, но есть майоры, капитаны, асессоры и регистраторы». Чиновным повышением по службе уничтожалась теперь та черта, которая отделяла верхние слои служилой массы от ее рядовых представителей. Хотя Петр и выражал желание «видеть, чтобы сыновья знатного дворянства от других во всяких случаях по достоинству отличались», однако он не давал им никакого ранга, «пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат».

Дворянское достоинство могло приобретаться не только посредством чина, но и путем пожалования, ко-

торое наряду с раздачей новых титулов являлось актом монаршей воли. Но, внося в общественное сознание демократический принцип личной выслуги, та же Табель о рангах узаконила дворянские гербы, как отличие благородства от «подлости». Сливаясь с чиновной массой, дворянство, под влиянием иноземных идей, начинает смотреть на себя, как на представителей белой кости, в отличие от низших слоев населения, имевших черную мужицкую кость. Языком и образованием благородное шляхетство стремится отделиться от «подлости».

Вообще Петр старался привить молодому русскому шляхетству понятие о знатности в европейском смысле слова и приучить дворянское общество к благородному обращению, внушая ему, например, «не разувся с сапогами или башмаками не ложиться на постели». Самая служба дворян несколько меняет свой характер. В прежнее время они служили за поместье, теперь служба приобрела значение сословной повинности. С 15-летнего возраста дворянин зачислялся на службу, причем он должен был знать «с фундамента солдатское дело», если хотел получить производство в офицеры. В 1714 и 1719 гг. Петр несколькими указами подтвердил, «чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь в офицеры не писать, которые не служили солдатами в гвардии». В 1721 г. постановлено было в гвардию определять только из знатного шляхетства, а из прочего в другие полки. Кроме службы в сухопутных войсках, дворянин должен был служить и во флоте, начиная с самых низших должностей. Превратив дворянских недорослей в гвардейских солдат и корабельных матросов, Петр строго наблюдал за тем, чтобы никто из дворян не уклонялся от службы. Для того чтобы иметь точное представление о всем наличном составе дворян, годных к военной и гражданской службе, Петр время от времени устраивал им смотры, на которых нередко присутствовал сам.

В 1704 г. сам царь разбирал недорослей «знатных самых персон», и 500–600 молодых князей Голицыных, Черкасских, Хованских, Лобановых-Ростовских и т. п. были записаны солдатами в гвардейские полки «и служат», замечает в своей истории кн. Куракин. Несмотря на ряд повторительных указов, все-таки очень много дворян не являлось на смотры. В 1722 г. Петр объявил, что, ежели кто на тот срок не явится, «таковые будут шельмованы и с добрыми людьми ни в какие дела причтены быть не могут, и ежели кто таковых ограбит, ранит, что у них отымет, а ежели до смерти убьет, о таких челобитья не принимать и суда им не давать, а движимое и недвижимое их именье отписаны будут на нас бесповоротно». По прошествии сроков «всех нетчиков имена будут особо напечатаны и для публики прибиты к виселицам на площади, дабы о них всяк знал, яко преслушателей указам и равных изменникам». Однако все эти суровые наказания оказывали мало влияния на дворянскую массу. По словам Посошкова, дворяне выезжали на смотр, только «дождався третьего указа, и буде ничем отбыть не могут. В таком ослушании и указов царского величества в презрении иные дворяне уже состарились, в деревнях живуче, а на службе одною ногою не бывали». Другой современник, майор Данилов, рассказывает о своем зяте Астафьеве, что он ухитрялся уклоняться от службы, найдя себе «милостивца» в полковом секретаре, который его отпускал в годовые отпуски «за малые деревенские гостинцы». «Секретарь доволен был,– говорит Данилов,– когда за пашпорт получит душек 12 мужеска пола с женами и детьми с обязательством таковым, когда зять мой Астафъев на срок оных подаренных крестьян не вывезет, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою к 12 душам».

«Нетство», или уклонение от службы, было при Петре Великом, пожалуй, не менее распространено, чем в

XVII в. Посошков в своей книге «О скудости и богатстве» прекрасно рисует нам служебные нравы тогдашнего дворянства. «На службе,— говорит он,— то и смотрят, чтобы где во время боя за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слыхал: «Дай Бог великому государю служити, а сабли из ножен не вынимать». В течение всего своего царствования Петр вел упорную борьбу с «нетством». Он полагал, что это явление можно искоренить самыми суровыми мерами взыскания. В 1703 г., например, было объявлено, что дворяне, не явившиеся на смотр в Москву к указанному сроку, а также и воеводы, «чинящие им поноровку», будут без пощады казнены смертью. Но эта угроза осталась только на бумаге: «нетчиков» не казнили, и для них гораздо более существенной мерой наказания являлись различного рода материальные взыскания. К этим карам и стал прибегать преобразователь. Так, в 1707 г. велено было с дворян московских чинов и городовых, не явившихся на службу, брать штраф по полуполтине и полтине, а тех, которые не явились к последнему сроку, 1 октября, «бить батогами, сослать в Азов и отписать их деревни на государя». Эти строгости находили себе оправдание в тяжелых обстоятельствах военного времени, но по мере того, как Северная война приходила к концу, в служебном положении дворян замечается некоторое улучшение. С 1721 г., например, солдат из дворян отпускали домой в полугодовой отпуск за поруками, а с 1724 г. эти отпуски получают периодический характер. Отставка же или абшид давалась только за дряхлостью, в случае тяжелых ран и неисцелимых болезней. Однако и отставные дворяне не совсем пропадали для службы: их определяли в гарнизоны или к гражданским делам по местному управлению. Только уже совсем негодным к службе назначали пенсию из госпитальных денег или отсылали

их в монастыри на пропитание монастырских доходов. Если прежде до Петра Великого на гражданскую службу смотрели, как на своего рода вознаграждение за военные труды н увечья, то с начала XVIII в. она резко отделяется от военной службы, и Табель о рангах вполне определенно фиксирует это разграничение. Желая иметь способных должностных лиц в сфере гражданского управления, Петр разрешал дворянам поступать в центральные и областные административные учреждения. Генеральный регламент 1720 г. определил, чтобы шляхетские дети при коллегиях и канцеляриях под наблюдением секретарей обучались канцелярскому делопроизводству, дабы со временем они по «градусам» могли быть произведены а высшие чины. При этом прохождение канцелярской службы никто не должен был «ставить в укоризну» лицам знатных фамилий. Но, подымая значение гражданских должностей, Петр, тем не менее, не упускал из вида интересов военной службы. Герольдмейстер, в ведении которого с 1722 г. находилось все дворянское сословие, должен был наблюдать, «чтобы в гражданстве более трети от каждой шляхетской фамилии не было, чтобы служивых на земле и море не оскудить».

Изменив юридическое основание в отправлении служебных обязанностей, Петр внес существенные перемены и в самый принцип вознаграждения за службу. Прежние поместные дачи заменены были денежным жалованием. В 1711 г. изданы были штаты, определявшие размеры жалованья по военной службе, а в 1715 и 1725 гг.— штаты гражданского ведомства.

В тесной связи с обязательной службой находилась новая повинность, возложенная на дворян в эпоху реформ начала XVIII в. Для занятия должностей по гражданскому ведомству и для службы в полках рёгулярного строя нужны были люди подготовленные, получившие

школьное образование. Указом 28 февраля 1714 г. велено было устроить повсюду в провинции начальные школы в монастырях и архиерейских домах для обучения «грамоте, цыфири и некоторой части геометрии». «Этот указ,— говорит Н. П. Павлов-Сильванский,— замечателен тем, что им впервые возложена была на всех дворян и людей приказного чина (дьяков и подьячих) обязанность начального обучения детей». Каждый дворянин от 10 до 15 лет должен был посещать школу, а не имеющим аттестата о сдаче экзамена по сей школьной программе запрещено было жениться. Дети знатных родителей 10-ти лет высылались для обучения в Петербург в специально устроенные учебные заведения повышенного типа, причем всех родителей, укрывавших своих детей от этой школьной повинности, Петр подвергал денежным взысканиям. Но в образовании Петр видел, главным образом, прикладную, утилитарную сторону н старался как можно скорее определить на службу образованного дворянина. По указу 1723 г. светских чинов людей держать в школах долее 15 лет не велено, «хотя бы они и сами желали, дабы под именем той науки от смотров и определения на службу не укрывались». Но все эти заботы Петра приводили лишь к весьма скудным результатам: «Многие дворянские дети,— читаем в «записках» майора Данилова,— грамоте с нуждою могли разуметь, писать только редкие знали». Другим важным образовательным средством Петр считал поездки молодых людей за границу. Начиная с 1697 г., когда впервые было отправлено в Западную Европу 60 молодых дворян лучших фамилий, эти заграничные путешествия принимают постоянный характер. Изучение морского дела и кораблестроения стояло при этом на первом плане. Как велико было число русских «навигаторов», бывших в эпоху Петра за границей, можно видеть из того, что в одном только Амстердаме в 1717 г. их училось 69 человек. Но и от этой

повинности дворяне старательно укрывались: многие из них, чтобы избежать отправления за границу, принимали даже монашество. В каком подавленном настроении предпринимали путешествие в Европу дворянские недоросли, можно видеть из слов Василия Головина, который, рассказывая, что в 1712 г. Петр отправил «за море для морской навигационной науки» несколько молодых людей, прибавляет: «в числе их за море и я, грешник, в первое несчастие определен». Оторванные от привычной житейской обстановки, без знания иностранных языков, эти навигаторы находились за границей в самом печальном положении. Так, кн. Михаил Голицын, один из таких недорослей, писал своим родным: «Наука определена самая премудрая, хотя мне все дни живота своего к той науке себя трудить, а не принять будет; для того — незнамо учиться языка, незнамо науки». Но Петр, несмотря ни на что, продолжал отправлять дворян в европейские государства. Он придавал этим путешествиям очень большое значение и в 1721 г. повелел даже тем лицам, которые выучатся «правам и экономии» в России, не побывав за границей, «зачитать чины вполы, понеже они ведения чужих государств видением лишатся».

Вместе с тем происходили существенные перемены и в землевладельческом положении дворянства, так как образование регулярной армии довершило разрушение основ поместного владения. Когда дворянская служба стала не только наследственной, но и постоянной, и поместье должно было стать не только постоянным, но и наследственным владением, навсегда сливаясь с вотчиной. Как поместные, так и вотчинные земли образовали одно понятие недвижимой собственности, право распоряжения которой было, однако, стеснено законом 1714 г. Этот закон в XVIII в. называли «изящнейшим благодеянием, коим Петр Великий поместные дачи в собственность пожаловал». Во введении к этому закону

Преобразователем выяснены те мотивы, которые явились побудительным стимулом к его изданию: «вследствие постоянных разделов имений между наследниками, члены знатных фамилий, размножаясь, в такую бедность приходят, что сами становятся однодворцами, и знатная фамилия вместо славы превращается в поселян, как уже много тех экземпляров есть в российском народе». Благодаря же новому закону, «фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут через славные и великие домы». Самое содержание этого важного аграрного узаконения может быть сведено к следующим немногим положениям. «Недвижимые вещи», вотчины, поместья, дворы, лавки не отчуждаются, но «обращаются в род»; по духовному завещанию все недвижимое имение переходит к одному наследнику; остальные же дети наделяются движимостью по воле завещателя. При отсутствии же духовного завещания все недвижимое имение переходит по закону к старшему сыну, а все движимое делится между остальными детьми поровну. Таким образом майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовного завещания. При отсутствии сыновей теми же правилами следовало руководствоваться по отношению к дочерям. Бездетные владельцы могли передавать свою недвижимость одному из своей фамилии, «кому похочет». Если же они никакого письменного распоряжения не оставили, то имение переходит к одному — «по линии близкому». Последний представитель данного рода может передать недвижимость кому-либо из своих родственниц с обязательством, чтобы ее муж или жених присоединил к своей фамилии фамилию угасшего рода. Обделенные наследники или «кадеты» могут вступать в купечество или в какое знатное художество, а по достижении 40-летнего возраста — в белое духовенство. По мнению некоторых современников, напр., Федора Салтыкова, царь этим за-

коном 1714 г. хотел побудить дворян к государственной службе и другим полезным занятиям. Меньшие сыновья, говорит он, «не имея отеческих стяжательств, простираться будут прилежнее к службам и наукам». Но принцип единонаследия был чужд русскому юридическому сознанию. Землевладельцы, как видно из сенатского доклада 1730 г., стремясь наделить равно всех своих детей, «почитают в деревнях обретающийся хлеб, лошади и всякий скот за движимое и отдают меньшим братьям с сестрами, и тако у наследника без хлеба и без скота деревни в состоянии быть не могут, а у меньших братьев без деревень хлеб и скот пропадают, и как наследники, так и кадеты оттого в разорение приходят». Закон 1714 г., по словам сенатского доклада, возбуждает между родственниками «ненависти и ссоры и продолжительные тяжбы, с великим сторон убытком и разорением, и не безызвестно есть,— говорит в заключение Сенат,— что не токмо некоторые родные братья и ближние родственники между собою, но и отцов дети побивают до смерти». Современник Посошков совершенно в тон с этим официальным документом описывает, как дворяне после умерших своих сродников земли, жилые и пустые, делят на дробные, со ссорами, даже с «уголовщиной» и с большим вредом для казны, одну какую-нибудь пустошь или деревню дробя на ничтожные доли, словно закона о единонаследии и не существовало. Землевладельческое значение дворянина, которое Петр хотел поднять законом 1714 г., чрезвычайно усиливается со времени введения подушной подати, постепенно вытесняя из общественного сознания прежнее представление о дворянине, как о военном служилом человеке. Дворяне обязывались уплачивать подушную за принадлежавших им крепостных. Помещик таким образом становился ответственным сборщиком податей, ограждая вместе с тем свои села и деревни от разорительных въез-

дов фискальной администрации. Недоимка в сборе прямого налога по указу 1727 г. взималась не с крестьян, а с самих помещиков и их приказчиков. В помещике законодательство Петра Великого усматривало как бы руководителя того самого труда, который являлся источником подушной подати. Одним из законов 1727 г. помещикам вменялось в обязанность приводить крестьян «в лучшее состояние». Присутствие дворянина в деревне, как сборщика подушной подати, теперь становится необходимым, тогда как его пребывание в полку не было столь существенным после введения рекрутских наборов, которыми привлекались в военную службу представители всех сословий. В связи с введением подушной подати сделана была попытка придать уездному дворянству фискально-корпоративную организацию. Ежегодно на дворянском съезде избирался особый агент для сбора подати, так называемый комиссар от земли, ответственный перед дворянским съездом, которому давалось право судить и штрафовать комиссара.

Таким образом из военной корпорации XVII в. уездное дворянство эпохи Петра Великого превратилось в финансовую организацию для сбора подушной подати. Способствуя корпоративному объединению дворян, податная реформа произвела целый переворот в судьбе крестьянской массы. Исходя из фискально-полицейских соображений, Петр видел в крестьянах как бы основной материал своей податной системы. Крестьянин привлекал к себе его внимание почти исключительно как плательщик прямой подати. Права помещиков над крестьянами в его царствование не были расширены законодательным путем, но косвенно в связи с реорганизацией всего податного механизма крепостное право заметно усилилось. В глазах Петра помещичья власть являлась сильным орудием управления, и он пользовался ею для своих государственных целей. В эпоху Петра Великого

крепостнический произвол уже начинал проявляться в достаточной степени. Господа по собственному усмотрению наделяли своих крепостных землею и вмешивались в их хозяйственные порядки, налагали повинности и оброки, сами непосредственно, или же через управителей, приказчиков и старост, управляли крестьянами, а также разбирали их «в крестьянских ссорах, в брани, в бою, в займах между собою и прочих тому подобных» делах. От помещичьего насилия, по словам одного современника, «крестьяне приходили в скудостное житье». Воеводская инструкция 1709 г. говорит о том, что среди помещиков есть такие «непотребные люди», которые, «налагая на крестьян несносные тягости», «разоряют их». О своей тяжкой доле крестьяне нередко доводили до сведения правительства. Так, крепостные помещика Сказина из Вологодского уезда били на него челом, что он «бьет их и мучит беспрестанно», и просили о том, чтобы за этим помещиком «впредь им во крестьянах не быть». Наряду с суровыми наказаниями крестьян сильно тяготил и хозяйственный гнет помещика, проявлявшийся как в тяжелой барщине, так и в значительном оброке. Попадались владельцы, у которых крестьяне работали на барщине сплошь всю неделю. «А костромским в неделю по два дни для их работы дано им, а нам нет ни по единому дни»,— жалуются крестьяне села Красникова своему владельцу кн. П. И. Хованскому. Высокий оброк взимался иногда даже крупными землевладельцами. Так, напр., крестьяне Б. П. Шереметева от тяжести денежного оброка, изделья и всяких сборов, а также от случившегося недорода, «оскудали в «конец без остатку». По мнению некоторых современников, крестьяне должны были все время «проводить в работе, летом землею управлять неоплошно, а зимой в лесу работать, что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыток учинить». Если так говорил По-

Иоанн и Петр Алексеевичи. С портрета неизвестного художника

сошков, сам близкий к крестьянской среде, то вполне естественно, что среди дворян-землевладельцев подобного рода точка зрения была широко распространена.

Тот же крестьянин-публицист является сторонником суровых, подчас даже жестоких мер взыскания. Он рекомендует помещикам давать крестьянам отдых только в воскресенье и праздничные дни, «а если какой крестьянин станет лежебочить, то бы таковых жестоко наказывать, понеже коей крестьянин изгуляется, в том

уже пути не будет, но только уклонится в разбой и во иные воровства». Однако в это время владельческие крестьяне не представляли еще вполне бесправной массы: они отбывали государственные повинности наравне с дворцовыми крестьянами, выбирали целовальников и старост, вели судебные дела от своего имени, подавали челобитные в надлежащие правительственные учреждения независимо от помещиков. Но вместе с тем в положении владельческих крестьян замечается немало резких противоречий. Являясь сам нередко владельцем крепостных душ, крестьянин принадлежал помещику, со всем своим движимым и недвижимым имуществом, на праве полной собственности. Подлежа в многих случаях юрисдикции своего владельца, крепостной крестьянин мог в то же время искать и отвечать за себя в суде. Он мог заключать договоры с посторонними лицами и с казною, а между тем имущество его не было обеспечено от барского произвола. В царствование Петра эти противоречия далеко не были сглажены. Социальное законодательство эпохи реформ то раздвигало рамки крестьянских прав, то из фискально-полицейских соображений усиливало власть и опеку землевладельцев над их крепостными.

Под влиянием все возраставшей потребности в новом регулярном войске Петр с начала Северной войны предпринимает ряд довольно решительных мер. 31 марта 1700 года холопам и крестьянам разрешено было самим записываться в военную службу. В солдаты не принимали только преступников, которые этим путем хотели избавиться от наказания, и крепостных крестьян, которые бросали свои пашни с целью поступить в солдаты.

В своей «истории» кн. Куракин говорит о первых годах Северной войны: тогда «сказана всякому чину воля, кто хочет в солдаты идти, коли хочет, тогда поди, и мно-

гие из домов шли». Хотя помещик и мог ходатайствовать о возвращении неправильно записанного в солдаты крестьянина, однако, в народе от этого времени сохранилось воспоминание, что записью в солдаты можно избавиться от крепостного состояния. Только после Ништадтского мира в 1721 году последовало запрещение принимать в военную службу крепостных людей помимо согласия их владельцев. В связи с осуществляемой военной реформой Петр начал стирать вековую социальную грань, отделявшую крестьян от холопов. В 1705 и в 1711 гг. велено было брать даточных людей наряду с крестьянами из холопов, как сидевших отдельными дворами, так и живших во дворе своих господ. С введением же правильных рекрутских наборов для того, чтобы не пострадали финансовые интересы правительства, с дворовых людей, не сидевших на пашне и не плативших, таким образом, податей, стали брать вдвое, втрое и даже всемеро больше рекрутов, сравнительно с крестьянами и задворными людьми.

Петр, как известно, держался меркантильной точки зрения в своей экономической политике и считал поэтому главным рычагом хозяйственного механизма в стране торговлю и промышленность. Уделяя много внимания поднятию значения городов, как торговых и промышленных центров, правительство начала XVIII века стремилось к насаждению в России фабрично-заводской индустрии. В тесной связи с этими мероприятиями Петра Великого стоит ряд узаконений, сильно отразившихся на положении крестьянского сословия. Так, например, указом 4 февраля 1714 г. разрешено было заниматься торговлей всем крестьянам без различия, под условием уплаты ими и торговых, и крестьянских податей. В 1723 г. крестьянам разрешено было приписываться к посадам, уплачивая владельцу подушные деньги, в размере 80 коп., и обычный крестьянский оброк.

«А которые прежде были в посадах,— читаем в том же указе,— а отданы помещикам, таких взять в посады». Таким образом, крестьянам предоставлялось право свободного выбора сферы хозяйственной деятельности. Но усиленно насаждая в России фабрично-заводский индустриализм, Петр стремился обеспечить молодую русскую промышленность даровым крепостным трудом. В 1721 году фабриканты и заводчики не дворянского происхождения получили право приобретать крепостных людей, с тем, однако, условием, чтобы эти крестьяне числились не иначе, как при фабриках и заводах. Таким образом возник новый разряд владельческих крестьян, который впоследствии получил название посессионных, чем количественно увеличилась крепостная масса.

Однако, новые военные и финансовые повинности тяжело отражались на народно-хозяйственном организме. Уже в первые годы XVIII века стал резко проявляться громадный экономический кризис. Крестьяне массами уходили на новые места, стараясь укрыться от государевых податей и рекрутских наборов. Бегство и бродяжничество населения начинали приобретать хроническую форму. По словам одного из «доносителей», крестьянина Ивана Филиппова, бегство населения было явлением повсеместным. «И от правежа доимок и от разных комендантских и приказных людей налог, пишет он, изо многих сел и деревень крестьянство разбрелось врознь, и те села и деревни опустели и пришли в сущее разорение и умножилось разбоев и татьбы». По переписным книгам 1710 г. наибольший процент пустоты замечается среди частновладельческих крестьян. От этой пустоты страдали как мелкие, так и крупные вотчинники. В 1712 г., например, власти Троице-Сергиева монастыря жаловались Сенату: «В прошлых годах бежали из монастырских их вотчин Переяславского, Ростовского,

Суздальского и иных уездов многие крестьяне с женами и детьми и со всеми крестьянскими животы, покиня свои тяглые дворы и жеребья впусте, а сбежав, живут в Алатырском уезде на покидных мордовских землях».

Беглец, как рабочий человек, за которого не нужно вносить в казну никаких сборов, говорит г. Клочков, был полезен и выгоден помещику, который, конечно, охотно, несмотря на риск и ответственность за прием беглого, укрывал его у себя, а если не явно, то молчаливо позволял приказчику или старосте таких беглых держать в своей деревне, даже поселяться им «своим двором» и жить «во крестьянстве», пользуясь усадьбой, землей и, когда нужно, господской помощью и отбывая все те повинности, какие были положены на других крестьян. Так, в 1714 г. игумен Переяславль-Залесского Николаевского монастыря Питирим «завладел насильством» — селом Керженцем и деревнями, принадлежавшими Макарьевскому Желтоводскому монастырю; и на их землях, пишут в своей жалобе власти Макарьевского монастыря, «поселил села и многие деревни и починки, напринимав, неведомо откуда, чужих беглых крестьян, по ведомости их желтовских монастырских крестьян больше 1000 дворов».

Правительство боролось с повальным бегством населения изданием ряда суровых указов. За укрывательство беглых в 1704 г. велено было виновных подвергать смертной казни. На основании нового указа, изданного через два года, у землевладельцев, уличенных в укрывательстве беглых, конфисковалась половина имения на государя, а другая половина отдавалась владельцам бежавших крестьян. Особенно удачно, по свидетельству Посошкова, укрывались беглые в понизовых и украинных местах, где сплошь и рядом попадались крупные частновладельческие села в 300—400 и более дворов. Поэтому в 1709 г. велено было выселить всех беглых из

Малороссии; аналогичные указы повторены были в 1713, 1715 и 1720 гг., но помещики, как говорят современники, опасаясь розыска и наказания за прием беглых, топили скрывавшихся у них крестьян, чтобы не платить за них штрафа. При производстве первой ревизии помещики, принявшие к себе чужих крестьян и бобылей, должны были вернуть их прежним владельцам в полуторагодичный срок, причем на будущее время установлен был штраф — 100 руб. за каждую душу мужского пола и 50 руб. за душу женского пола. Но все эти суровые меры не помогали. При поверке переписи 1717 г. обнаружено было полтора миллиона утаенных душ, а по первой ревизии 1719—1727 гг. беглых официально значилось 198 876 душ.

Правительство издает один указ грознее другого, дабы удержать рабочие и податные элементы на их прежнем месте жительства. Но для всех было ясно, что такими мерами трудно было бороться с повальным бегством и разорением населения. Беглых укрывали преимущественно лица, власть имущие, борьба с которыми была в высшей степени затруднительна. По словам Посошкова, действующий закон прямо «смеху достоин», так как он жестоко обрушивается лишь «на одних маломочных» и мирволит «сильнякам» и «высоким персонам», у которых беглые живут, никого не боясь. Так, в 1716 г. владелец села Студенца Елецкого уезда кн. Г. И. Волконский посылал в сельцо Васильевское, принадлежащее его соседу, поручику И. Колюпанову, земского дьячка да с ним крестьян человек с пятьдесят, которые, как читаем в жалобе потерпевшего, в его, Колюпанова, деревне «взяли у него сильно без указа старинных его крепостных крестьян» 4 человека с женами, детьми и родственниками с их «крестьянскими животы» и, поселив в с. Студенце, держат за собою. Конечно, бывали землевладельцы, строго следившие за тем, чтобы в их вотчинах не было чужих крепостных.

В 1713 г. А. В. Макаров дал своему приказчику Конону Дубасову инструкцию, в которой, между прочим, говорилось: «Беглых солдат и других никаких воровских людей не держать, крестьянам без прикащичья ведома дня на два и на три, и больше — не отъезжать». Для борьбы с повальным бегством такие сторонники реформы, как Посошков, предлагали правительству осуществить ряд мероприятий. Так, по его мнению, все бежавшие за 50 лет, должны быть возвращены на прежние места жительства в течение одного года, после чего за прием беглых следует назначить строжайшее наказание. По всем селениям Посошков советует «установить сотских, пятидесятских и десятских», которые имели бы неослабный надзор за своими подчиненными, чтобы те без ведома их «никуда никто ни ездили и ночной порой из домов своих не сходили бы». Всем этим нарядовым крестьянам следует строжайшим образом предписать, «чтобы они ни по какому образу никакого человека — ни бельца, ни чернца, ни нищего без такового отпуска не токмо ночевать, но и погреться отнюдь не пускали, а кто понахалится, то тех бы хватали да к суду отсылали».

Но эти советы мало могли оказать влияния, так как само правительство нередко издавало указы, находящиеся в полном противоречии с узаконениями о неприеме беглых: так, с фабрик и заводов не велено было возвращать беглых тем владельцам, за которыми они записаны по ревизии, «дабы тех заводов не опустошить». Быть может, сами обстоятельства заставляли правительственную власть вступать на этот путь в сознании полного своего бессилия побороть стихийные массовые явления народной жизни. Под влиянием колоссальной цифры беглых, констатированной во время первой ревизии в 1723 г., издан был указ, которым повелевалось, чтобы все беглые оставались на тех местах, где застанет их этот указ. С другой стороны, обнаруживая полную несостоя-

тельность своей прежней фискально-полицейской политики, правительство в 1724 г. запрещает владельцам фабрик и заводов принимать к себе чужих беглых крестьян.

Если под давлением насущных военных потребностей Петр возлагал отбывание рекрутской повинности и на крестьян, и на холопов, то те же самые соображения государственной целесообразности руководили им, когда он привлекал дворовых и деловых людей к несению подушной подати. С переходом от «дворового числа» к подушному обложению исчезает окончательно юридическая разница между крестьянами и холопами, которые с этого времени, вместе со всеми разрядами податного населения, отбывают натуральные и денежные государственные повинности. Еще в 80-х годах XVII века занесены были в податной оклад задворные люди, ничем не отличавшиеся по своему хозяйственному положению от крестьян и бобылей. По мере того, как производилась первая ревизия, исчезали податные льготы и остальных разрядов холопьего населения, т. е. деловых и дворовых людей. В 1719 г. указом 22 января деловые люди, которые пахали на своих помещиков, но своей пашни не имели, заносились в сказки особою статьею, только «для ведома»; затем деревенских холопов, в том числе и тех, которые пахали только на господина, тоже велено было «класть в расположение». Наконец, 19 января 1723 г. последовала собственноручная резолюция Петра о холопах: «писать всех и служащих, как крестьян, и положить в побор». Этой резолюцией уничтожалось древне-русское холопство, как юридическое состояние, и все сельское население владельческих земель сливалось в одну крепостную массу несвободных, но не теряющих, однако, своей связи с государством. Так завершился тот процесс сближения крестьян с холопами, который стал намечаться еще до Петра, когда в 1681 г. владельцам было повелено записывать за собой кресть-

ян по сделочным записям в Приказе холопьего суда, а в следующем 1682 г.— брать с них те самые пошлины, какие взимались с записи холопьих кабал.

Превращая холопов в государственных тяглецов, первая ревизия раздвигала вместе с тем рамки крепостного населения России. Она включила в состав плательщиков подушной подати так называемых «гулящих людей» и детей церковно- и священнослужителей. По указу 1721 г. вносились в ревизскую сказку дети священнослужителей, не состоящие на действительной службе, а также оказавшиеся излишними церковнослужители и их дети, причем они записывались крепостными людьми за теми владельцами, на землях которых жили в момент составления переписи. Если же церковный погост был расположен особо, не в чьей-нибудь вотчине, то они могли приписываться к любому владельцу по своему выбору. Вместе с тем с 1722 г. все негодные для военной службы «гулящие люди» должны были приписаться к податному состоянию: к посадским людям, к государственным крестьянам или к помещичьим крепостным. Таким образом уничтожался класс вольных людей потому, что «от таковых, которые шатаются без служб, государственной пользы надеятися не можно, но токмо умножается воровство». Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тяглецов, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысяч тяглецов, хотя с большим ущербом для права и справедливости. Всяких чинов людям разрешалось записывать за собой вольных людей, не принятых в военную службу. Этим как бы увеличивался контингент тех лиц, которые имели право владеть крепостными. Все т. н. разночинцы, а также духовные лица, купцы и горожане стали смотреть на своих слуг, как на крепостных, записывая их за собою. Сенатским указом 11 января 1725 г. существенно ограничена была свобода и для крестьян-половников поморских уез-

дов; они должны были вноситься в ревизские сказки за владельцами, на землях которых сидели, и имели право переходить от одного владельца к другому только с предварительного согласия своих хозяев и с разрешения земского и полкового комиссаров, ведавших сбор подушной подати.

В периоде 1718–1727 гг., когда производилась ревизия, определился окончательно состав крепостного населения. По словам А. С. Лаппо-Данилевского, записка «души» в ревизскую сказку того времени имела гораздо более важные последствия, чем простое привлечение лица, записанного в нее, к уплате податей. Смешав в одну крепостную массу крестьян и холопов, включив в нее бывших гулящих людей и некоторые разряды священно- и церковнослужителей, правительство указами о первой ревизии способствовало усилению помещичьей власти и умалению прав крепостного крестьянства. Теперь уже односторонняя воля владельца определяла принадлежность к крепостному состоянию путем внесения лица в ревизскую сказку. Правда, разрешалось вчинять иск об утраченной свободе, но если судебное место признавало жалобу не подлежащей удовлетворению, то челобитчика подвергали суровому телесному наказанию за своевольство. Изменяя юридическое основание крепостной зависимости крестьян от помещиков, первая ревизия вносила довольно существенные перемены и в хозяйственное положение русской деревни. Одним из ее следствий является общинное землепользование, так как покупные угодья начали переделяться по ревизским душам, а самые переделы приурочивались к подушным переписям, производившимся обыкновенно через двадцатилетний промежуток времени. С другой стороны, после того, как подать была оторвана от земли и перенесена была на рабочий труд, у крестьян явилось побуждение расширять площадь своей запашки. В конце царст-

вования Петра Посошков, как о чем-то идеальном, мечтал о том, чтобы полный крестьянский двор пахал не менее 6 десятин во всех трех полях, а в исходе XVIII ст. крестьяне пахали обыкновенно по 10 десятин на двор и даже более.

Хотя приписка к лицу владельца преследовала цели податной исправности, а не закрепощения, однако, некоторые выражения указов о ревизии: «тому вотчиннику владеть ими» или «владеть ими вечно» вполне определенно говорят о связанном с податной ответственностью праве владения. Наряду с податной ответственностью законодательством Петра на помещика возложена была забота о сохранении порядка в деревне. Еще в 1713 г. было постановлено по жалобе помещика наказывать кнутом крестьян, возмущавшихся против его власти. Расширению помещичьих прав косвенно способствовал закон об единонаследии 1714 г., которым крестьяне бывших поместных земель сливались в одну массу с крестьянами земель вотчинных, причем и те и другие получили название подданных своих владельцев. С тех пор, как подать была оторвана от земли и перенесена на душу, владельцы могли распоряжаться землей, как им было угодно, нарезая крестьянам наделы по своему желанию или даже отводя всю землю под свою личную запашку, снабжая крестьян пропитанием и одеждой. Одновременно с этим гражданские права владельческих крестьян заметно уменьшаются. В 1704 г. крестьянам, приписанным к церквам и монастырям, запрещено было, без согласия соответственных духовных властей, вступать в казенные подряды. С 1707 г. все вообще крестьяне лишены были права брать на откуп разные сборы ратушского владения. С 1722 г. крестьяне, отправляющиеся в город для подрядов, должны были запастись от владельцев особым свидетельством о своем имущественном достатке. Наконец, плакатом 1724 г. вводились паспорта или

письменные виды на срок за подписью владельца, без которых крестьяне никуда не могли отлучиться. В имущественном отношении крепостной вовсе не был обеспечен от посягательств со стороны господина. Однако, за крестьянами оставлено было право заниматься различными промыслами, иметь собственные заводы и торговые предприятия, состоя по ним в посадском тягле. Иногда в глазах правительства крестьяне сливались в одно целое с имуществом помещика: в 1717 г. велено было взыскивать на крестьянах излишнее жалованье, забранное их господами-чиновниками.

В конце царствования Петра Великого в деревне вырабатывается тип помещика-самовластца, столь характерный для русского общества XVIII в. Нередко в течение целого ряда лет помещик в своем имении упорно не выполняет требований правительства, господствуя с полным произволом над своими крепостными крестьянами и открыто восставая, при помощи этого господства, против общественной власти. Правительство фактически было бессильно положить пределы барскому самоуправству и произволу. На больших дорогах попадались нередко целые шайки разбойников, грабивших и разбивавших проезжающих под предводительством своих помещиков. Таким образом, в исходе царствования Петра были налицо все элементы крепостной неволи, которая стала так быстро развиваться в течение XVIII в.

Царевна Екатерина Иоанновна

Усиливая тяжесть крепостного состояния, Петр

вместе с тем делал ряд попыток смягчить произвол господ по отношению к их крестьянам и дворовым людям. Еще в 1722 г. Синоду было велено ведать дела «о браках в рабах по принуждению господ, без произволения сочетанных», а два года спустя последовало формальное запрещение владельцам насильственно выдавать замуж и женить своих крепостных. В ограждение личности крестьянина законодательство эпохи Петра воспретило владельцам выставлять своих крепостных в судебных местах к присяге вместо себя и подвергать их правежу за господские долги. Желая как можно скорее ликвидировать последствия громадного хозяйственного кризиса, обнаруживавшегося в связи с разорением страны, Петр предпринимает ряд мер против жестоких и разорительных помещиков. Одним из мотивов к изданию закона об единонаследии было то соображение, что «один наследник может лучше льготить подданных, а не разорять». Дела о пустоте и разорении обязаны были возбуждать земские комиссары и воеводы, выяснив предварительно путем обыска, «отчего оная пустота явилась и не было ли тем крестьянам от помещиков какого наглого разорения». Что касается помещиков-разорителей, то они, на основании воеводского наказа 1719 г., отдавались под начал, а именья их, до исправления, передавались родственникам или свойственникам. Конечно, все эти узаконения вытекали из побуждения чисто финансового характера, но они, тем не менее, вносили луч света в темное царство деревенского произвола. Теми же фискально-полицейскими соображениями отличаются и другие мероприятия Петра по крестьянскому вопросу. Так, помещикам вменено было в обязанность, под опасением денежного штрафа, прокармливать своих неработоспособных крепостных, а в голодные годы, во избежание бродяжничества населения, владельцы должны были снабжать необходимым продовольствием всех сво-

их крестьян и дворовых. Преобразователем затронут был и самый больной вопрос русской жизни XVIII в., а именно, розничная продажа крепостных, «как скотов, чего во всем свете не водится... от чего немалый вопль бывает». Довольно решительно он высказал свою волю по данному вопросу в переписке с Сенатом в 1721 г.: «оную продажу людем пресечь, а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хоть по нужде и продавали целыми фамилиями и семьями, а не порознь». Однако это желание государя не получило силы закона. От последних лет царствования Петра дошло иноземное известие, что царю не раз советовали отменить рабство, пробудить, ободрить большинство своих подданных дарованием им умеренной свободы, но царь, в виду дикой натуры русских и того, что без принуждения их ни к чему не приведешь, отвергал эти советы.

Однако, в защиту угнетенной крестьянской массы начинали в это время раздаваться голоса из общества. Так, напр., Посошков, сам крестьянин по происхождению, высказывался за составление «расположения указного для определения высоты оброка и продолжительности барщины». «Для определения всяких крестьянских поборов так, чтобы крестьянству было не тягостно», он проектировал совещание «высоких господ и мелких дворян», постановления которого должны были утверждаться государем. Судьям же следует вменить в обязанность «смотреть, чтобы помещики на крестьян излишнего сверх указу ничего не накладывали и в нищету бы их не приводили». Вместе с тем Посошков предлагает обеспечить хозяйственные интересы крестьян от притязаний со стороны их господ. Он проектирует отделение крестьянских земель от помещичьих: «на каждый крестьянский двор следует, по его мнению, отвести усадебной земли от 600 до 720 кв.

саж., а пахотной земли 6 десятин в трех полях при 1 десятине сенокоса». Хотя крестьянин мог владеть и меньшим количеством земли в зависимости от того, «могутен» ли он «семьянист и лошадист» или «убог и маломочен». Но особенно важно отметить, что уже в то время в общественном сознании зарождалась мысль о недолговечности крепостного права. В своей книге «О скудости и богатстве» Посошков весьма ярко формулировал этот взгляд: «Крестьянам помещики не вековые владельцы; того ради они не весьма их и берегут, а прямой их владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное».

Но эти эмансипационные мечты были далеки от суровых условий окружающей русской действительности. Крепостной строй железным обручем сковывал и верх, и низ русского общества. Агрессивная внешняя политика в связи с глубоким финансовым кризисом являлась основным условием закрепощения всех сословных групп на служение государству.

Таким образом бурная реформационная эпоха начала XVIII в. оставила глубокий след в истории русского общества. Однако, доводя до наивысшего напряжения принцип всеобщего закрепощения, эта эпоха логически вызывала в общественном сознании стремление сбросить с своих плеч невыносимое бремя обязательных служб и повинностей. Жажда воли и свободы одинаково проявляется и в дворянской, и в крестьянской среде. С конца царствования Петра, с момента, когда завершился, наконец, период нескончаемых войн, зарождается новый процесс в недрах русского общества: государевы холопы всеми силами стараются превратить-

ся в привилегированных землевладельцев, а их крепостные подданные — сбросить с себя барское иго. В социальном строе России начинается процесс сословного раскрепощения.

В. Бочкарев

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

I

Чрезвычайно трудно представить себе в систематическом виде преобразовательную деятельность Петра в области управления, потому что именно в ней менее всего законодателю приходилось придерживаться определенной системы.

Чтобы понять смысл и движущую силу его начинаний в этой области, поражающих своим обилием и разносторонностью не менее, чем бессистемностью, и взаимными противоречиями, нужно не упускать из виду, что для Петра реформа управления не была самодовлеющей целью, а только одним из средств достижения насущных потребностей минуты. Наилучшим

способом управления считался такой, при помощи которого государству можно было извлечь из населения наибольшее количество сил и средств, не считаясь с его благосостоянием, «понеже деньги суть артериею войны», а война, как известно, была незакрывающеюся раною царствования Петра. Для этой цели правительство Петра шло на всякое изменение в области управления, частичного или общего характера, лишь бы его ценою можно было отсрочить неминуемый дефицит, удовлетворить сверхбюджетный расход по армии и флоту и т. п.

Вследствие этого нельзя указать ни одного года или периода в царствование Петра, про который можно было бы сказать, что строй управления этого года был самым типичным выражением преобразований Петра в этой области. Не успевало войти в жизнь одно преобразование, как через четыре-пять лет оно заменялось другим или изменялось в своем значении вследствие перемен в соприкасающихся учреждениях, связанных с данным в том или ином отношении. Иногда эти перемены вводились без предварительного уяснения их связи с общим строем действующих учреждений. Согласование и приспособление начинались только тогда, когда обнаруживалось слишком заметное трение в ходе административной машины от необдуманно введенных в нее частей, причем подобное несоответствие частей целому замечалось только тогда, когда отсутствие стройности управления приводило к ущербу фискальных интересов. Впрочем, степень зависимости Петровских преобразований в области управления только от фискальных интересов была неодинакова в разные периоды царствования Петра. В этом отношении резко различаются два периода преобразований Петра: 1) приблизительно первые пятнадцать лет XVIII в. и 2) последние десять лет царствования Петра (1715—1725 гг.).

Отмеченные отрицательные стороны преобразования особенно проявляются в первом из указанных периодов и заметно уступают свое место положительным приемам преобразовательного творчества во втором периоде. Оно и понятно. Лихорадочная форма ведения войны после Нарвского поражения, когда требовалось чрезвычайное напряжение сил и средств России для защиты от могущественного врага, когда подготовка к решительной встрече с страшным неприятелем поглощала все внимание Петра и его сотрудников, не давала времени Петру сосредоточиться на пересмотре и организации управления, на спокойном обсуждении учреждений, отвечающих назревшим потребностям государственной и народной жизни. В это горячее время Петру приходилось не законодательствовать, а отмахиваться временными мерами от назойливых запросов действительности, изо дня в день пробавляясь первыми попавшимися под руку средствами, извлеченными из архивов приказной практики или новеллами, созданными к этому случаю. Под давлением обстоятельств было не до обдуманного создания новой, более пригодной правительственной машины: ограничивались по инерции нажиманием на сильные испробованные винты старой, то сосредоточивая всю силу правительственной деятельности в центре, то перенося ее в немногие точки областной периферии, и, выжавши такими экстенсивными приемами все, что можно было выжать из наличного состояния народных сил и средств, нажимали на новые еще не разбитые части машины, пока не привели в негодность всю систему унаследованного от XVII в. управления и не довели народных сил и средств до грозного кризиса.

Несколько иные условия для реформы создались в последнее десятилетие царствования Петра. Борьба со Швецией определенно склонилась в пользу России. Вопрос стоял теперь не о существовании, а о более выгод-

ных формах ликвидации тяжелой войны за счет врага. Запросы минуты не были столь остры, инициатива военных действий была в руках Петра, и от него зависело уделить время не только на обдумывание способов удовлетворения запросов дня, но и на более обстоятельное и неторопливое обсуждение общих вопросов внутренней жизни России.

Теперь Петр чаще бывает в своих столицах и больше засиживается в них, уделяя значительную долю внимания вопросам управления, подбирая материал и дельцов для работы в этой области и лично вникая в ход и суть дела. В эту же сторону толкали Петра обнаружившиеся печальные результаты экстенсивного управления прошедших лет: выяснилась необходимость более бережного обращения с тем материалом, из которого было выжато механическим прессом предшествующего времени более, чем это могло пройти безнаказанным для платежных сил народа: горьким опытом приобретается понимание связи фискальных интересов с народным благосостоянием, не без влияния, впрочем, засыпавших Петра проектов реформы, проникнутых духом западного меркантилизма; эти же проекты знакомят Петра с западными системами управления, вводя его в понимание принципиальной стороны вопроса и давая разработанные планы реформы управления в ее стройном и цельном объеме. Это было как раз вовремя, так как в доморощенных, сбитых при Петре на скорую руку учреждениях обнаружились дефекты и пробелы, делавшие непригодною всю систему управления. Все это вместе взятое привело Петра к возведению грандиозного здания управления на новых началах, по западному образцу, оказавшегося, впрочем, слишком тяжелым для фундамента и ставшего давать трещины уже при своем возведении, отчасти по неуменью строителей приспособить иноземные чертежи к «ситуации сего государства».

В пределах очерченных общих рамок мы и рассмотрим преобразование управления в отмеченные два периода царствования Петра[1].

II

Административная реформа началась с создания в 1699 г. особого ведомства городов с Московскою Ратушею во главе. Указами от 20 октября и 3 ноября приказано было городское купечество и уездное население поморских городов «ведать не воеводам, а выборным бурмистрам». Этим выборным властям предоставлено было право ведать население судом, расправою и казенными повинностями. С учреждением этого самоуправления власть воевод в городах и в Поморье сама собою уничтожалась. И самая реформа в официальных актах представлялась, как «милость и призрение» царя к подданным, что они... будут свобожены... от обид, и налог, и поборов, и взяток» воеводских: точь-в-точь, как при введении земского самоуправления при Грозном. Реформа, как видим, имевшая антецеденты в прошлом. Нового в ней было, кроме терминологии, то, что эти самоуправляющиеся миры были объединены подчинением и отчетностью центральному, тоже выборному столичным купечеством органу, Московской Ратуше. В ее ведомстве сосредоточился теперь не только общий надзор за действиями выборного самоуправления, но и главные по-

[1] Вопрос о преобразовании управления при Петре разработан в выдающихся трудах: Мрочек-Дроздовский. «Областное управление России XVIII в.»; Милюков. «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII ст.»; Петровский. «О Сенате в царствование Петра Великого»; Богословский. «Областная реформа Петра Великого»; Дитятин. «Устройство управления городов в России»; Градовский. «Высшая администрация и генерал-прокуроры» и др.

ступления государственных доходов с городов, которые были поставщиками важнейших прямых и почти всех косвенных доходов. Эта сторона реформы не только упразднила воеводскую власть в провинции, но и нанесла сильный удар старому приказному строю. Дело в том, что до учреждения Ратуши упомянутые доходы поступали, главным образом, в областные приказы (Чети, Казанский, Новгородский и др.) и в Приказ Большой казны, который в 1680 г. стянул в своем ведомстве косвенные доходы, изъятые из четей так же, как теперь Ратуша в свой черед стянула их к себе из ведомства Большой казны и других приказов финансового характера. В результате одни приказы совсем упраздняются (чети); остальные, имевшие, кроме финансового, другое назначение (военное, дипломатическое) теряют свое финансовое значение и, в большинстве случаев, начинают содержаться из средств Ратуши, которая превращается таким образом в центральную государственную кассу, куда стекается около половины всех государственных доходов (1 302 016 р.– около 20 млн рублей на наши деньги). Ратуша, впрочем, не только пассивная касса; на ее обязанность была возложена забота о «приборе», об отыскании новых доходов казне, что она и делала, особенно под руководством поставленного над ней знаменитого «прибыльщика» Курбатова, который в черные дни своей жизни напоминал Петру о своих заслугах, говоря, что «усердным своим радением в шесть лет в Ратуше учинил приборов перед прежним бургомистерским правлением близ полутора миллиона». Но доходы и «приборы» Ратуши стали быстро поглощаться шведскою войною; для удовлетворения ее требований отчасти вновь создаются, отчасти преобразуются приказы с новым значением (Военный, Адмиралтейский, Военный морской, Преображенский, Оружейная палата), которые всею тяжестью своей деятельности ложатся на

кассу Ратуши. Достаточно сказать, что только Военному и Преображенскому приказам, по окладу 1703–1706 г., Ратуша должна была выплачивать от 698 до 998 тысяч рублей, чтобы понять, что деятельность Ратуши не могла удовлетворять потребностям войны: скоро ее ежегодные расходы стали превышать сумму поступлений в ее кассу.

Курбатов в 1709 г. жалуется уже на непреодолимые тормозы деятельности Ратуши: «Истинно, государь, оклады ратушские растащены врознь», а потому Ратуша «не только своими годовыми доходами, но и собранными недоимками прошлых лет не может покрывать возложенных на нее дач». Петру нечего было больше ждать от Ратуши, и он ищет новых источников дохода, создавая для их организации новые ведомства, своим существованием тормозившие или совсем упразднявшие старые учреждения. Такова Ижорская канцелярия, которой поручено было пересмотреть доходность государственных угодий и увеличить количество поступавших с них оброков, причем поступление оброков, раньше распределявшееся между некоторыми старыми приказами, должно было сосредоточиться в этой канцелярии, что наносило решительный удар старым приказам, терявшим вместе с доходами и всякий жизненный смысл. С другой стороны, доходы Ижорской канцелярии составили самостоятельную, в личном распоряжении государя состоявшую кассу, поступления и расходы которой не входили в общую смету государственного бюджета.

Но эти и другие преобразования, связанные с финансовыми операциями, не приводили бюджет прихода и расхода в равновесие, и в смете на 1710 г. уже обозначился крупный по тому времени дефицит в полмиллиона рублей. Хлопоты Петра о займе за границей не удались: Россия еще не имела кредита на Западе. Для предотвращения кризиса пришлось прибегнуть к отча-

янному средству: возложить на областные рационы непосредственное удовлетворение насущных потребностей государства, минуя передаточные центральные учреждения и приостанавливая на неопределенное время удовлетворение местных расходов. Это был логический вывод из неудачных результатов первой административно-финансовой реформы Петра и паллиативной поправкой к ней. Концентрация и централизация управления оказались недостаточно гибкими пред запросами жизни и довольно дорогими для плательщика. Эту мысль и высказывает Петр в ответе Курбатову, предостерегавшему об опасности «разного правления»: «Господин Курбатов, письмо твое нам вручено, а что напоминаешь, что в разных руках не будет лучше, о том уже мы довольно рассуждали и нынешнего порядка не нашли хуже, (при котором) каждому курчанину близь двадцати отписей (т. е. квитанций в уплате податей в разные места) надлежит взять, хотя по полушке, итого 5 коп. К тому же,— говорит далее Петр в пользу сосредоточения управления на местах,— человеку трудно за очи все разуметь и править».

У Петра было и другое важное побуждение перенести центр тяжести управления из центра в области. Полтавская победа дала надежду на скорое окончание войны. Это обстоятельство возбуждало вопрос о расквартировании и содержании армии, ставшей постоянною. Отчасти под влиянием шведских порядков, Петр пришел к мысли распределить полки по областям и превратить каждую область в непосредственный источник содержания расквартированных в ее пределах полков.

Если в эту сторону толкали Петра непреодолимые обстоятельства, то, с другой стороны, не было задерживающих препятствий к переносу силы управления в областные центры губернии: скорее многое благоприятствовало этому. В самом деле, центральные учреждения

могли быть дееспособны только в присутствии высшей власти, их направляющей; но Петр большую часть времени двигался по окраинам и областям, редким гостем заезжая в столицу, да и столицы-то в это время определенной еще не было. С другой стороны, в практике московского управления было исстаринным фактом управление крупною областью в областном приказе, который, находясь в столице, сосредоточивал в своем ведомстве управление всеми сторонами жизни данного района. Таковы приказы: Казанский, Сибирский и др. Простого перенесения этих приказов из общегосударственного центра в центр данной области было бы достаточно, чтобы осуществить мысль Петра об устройстве губерний как областных центров управления. Кроме того, последней четверти XVII в. были знакомы и крупные правительственные образования в области с военно-финансовою компетенцией: я разумею «разряды», крупные военные округа на окраинах, с обширною воеводскою властью над всеми входившими в разряд уездами. Наконец, еще задолго до учреждения губерний, бурные явления Петровской поры вызвали ряд экстренных мер и поручений, объединявших крупные районы в целую областную организацию на более или менее продолжительный срок. Таково возникновение воронежско-азовского ведомства в связи с постройкой флота и азовской гавани; образование «губернации» Меншикова из отнятых у шведов областей; расширение власти смоленского воеводы в виду грозящего вторжения Карла XII и т. п. Можно сказать, таким образом, что Петр шел по проторенному пути, когда указом 18 декабря 1707 г. приказал боярам расписать города к Киеву, Смоленску и другим областным центрам, и 341 город был поделен между 8 губерниями,— Московской, Ингерманландской, Киевской, Архангелогородской, Смоленской, Казанской, Сибирской и Азовской, из которой в 1711 г. была выде-

лена еще девятая, Воронежская губерния; администрации каждой губернии, во главе с губернатором, поручалось «ведать те города всяким управлением, а именно: судом, расправою и в прочем, в чем прежде сего ведомы те города были на Москве во всех приказех». Таким образом, компетенция губернских властей уравнивается с компетенцией приказов: недаром такие приказы, как Сибирский, Казанский, переводятся в области, а Московская Ратуша, Ямской приказ и др. становятся из общегосударственных только губернскими учреждениями.

С организацией губернского управления на губернию накладывается довольно сложная административная сеть учреждений. Губернаторы в большинстве случаев были очень видные сотрудники Петра и часто отвлекались от управления губернией посторонними важными делами. Поэтому уже в 1709 году в помощь губернаторам назначаются ландрихтеры, вначале с чисто судебной компетенцией, представляя из себя высшую судебную инстанцию в губернии; но потом на них же взваливается обязанность составления новых переписных книг губернии. Впоследствии рядом с губернатором появляется в качестве его ближайшего помощника вице-губернатор; причем такой, напр., вице-губернатор, как Курбатов, играл в управлении своей губернии далеко не вторую роль.

Но Петровские губернии были слишком велики по объему, чтобы управление ими могло ограничиться одной губернской администрацией; при делении губернии на более дробные административные округа Преобразователь воспользовался отчасти старыми учреждениями.

Введение бурмистерского управления в 1699 г. вытеснило воевод из городов и поморских уездов; но воеводы остались в качестве администраторов в уезде, управляя, главным образом, военным служилым сословием. Правда, в помощь воевод, и отчасти для контроля

над ними, в 1702 г. было указано дворянству каждого уезда выбрать от 2 до 4 «добрых и знатных людей из помещиков и вотчинников тех городов», чтобы «ведать всякия дела с воеводы»; но эта попытка привлечь уездное дворянство к участию в областном управлении была обречена на неудачу ввиду того, что Петровская служба выбрала из уезда все здоровое и трудоспособное, и «доброго и знатного» дворянина можно было сыскать в уезде только тогда, если он уклонялся от служебной повинности. Поэтому власть воеводы мало чем изменилась от назначения «воеводских товарищей», и при организации губернского управления 1708 г. воевода вошел в его систему, как живой элемент уездной власти, переименовавшись в 1710 году в коменданта. Впрочем, с переменой имени произошли изменения и в объеме власти воеводы. Разрушение ратуши, как центрального органа городского самоуправления, снова подчинило город воеводе-коменданту, и в его руках снова была соединена судебно-финансовая власть над всем населением уезда. Но в то же время воевода понижен был на лестнице субординации. Если раньше он непосредственно сносился с центральными приказами (где не было «разрядов»), то теперь между ним и центром стоят промежуточные инстанции. Уезд был слишком мелкой ячейкой, чтоб составлять нормальную единицу губернского подразделения: ведь на каждую Петровскую губернию средним числом приходилось по $42^5/_8$ старинных уезда; некоторые из уездов бывали слишком удалены от губернского центра, чтоб поддерживать с ним нормальную связь. Это обстоятельство и побудило Петра образовать из таких отдаленных уездов промежуточную между губернией и уездом административную инстанцию — провинцию, которая была далеко не общим явлением. Так, в Московской губернии было 8 провинций, в Архангелогород-

ской же их было только две. Во главе провинции стоял обер-комендант, подчиненный губернатору и ближайший начальник по отношению к уездному коменданту; где не было провинций, там комендант был второю губернскою инстанцией.

В 1714 году вводится крупная реформа в губернском управлении: как в 1702 г. при воеводах, так теперь при губернаторах должен был состоять выбранный дворянством совет из 8—12 ландратов, который не подчинялся губернатору, а соправительствовал с ним. Губернатор в ландратском «консилиуме» должен вести себя «не яко властитель, но яко президент», а его советники должны именоваться им «товарищами, а не ландратами». Губернатор мог дать поручение ландрату только «по прилучившейся нужде... с общего совета, подписавшись руками...» Это первое административное заимствование из отнятых у Швеции провинций, имевшее очень определенный смысл контроля и содействия губернскому управлению со стороны дворянского общества губернии. Впрочем, судьба этого учреждения является прекрасной иллюстрацией к тому, как под влиянием фискальных интересов создававшиеся Петром учреждения принимали совсем не отвечающее их первоначальному смыслу назначение.

В связи с подворною переписью 1710 г. Петр озаботился ввести более точное разложение по губерниям расходов на армию. Была выработана особая платежная единица, приравненная к 5536 дворам. Цифра эта составляла одну «долю» участия в общегосударственном сборе на содержание армии. Сколько раз эта цифра содержалась в общем количестве населения губернии, столько долей падало на губернию в несении общей тяжести платежей. Но доля эта не была только счетной единицей раскладки подати; она по указу 28 января 1715 г. стала основанием разделения губерний на област-

ные административные части, под названием «ландратской доли». При делении губернии на доли количество дворов часто отступало в ту или другую сторону от 5536, «по рассуждению губернатора». Новая областная единица, во главе с ландратом, упразднила предшествующее деление губернии на комендантства и провинции и образовала более правильное, всеобщее деление губерний на подчиненные ей подразделения, причем ландраты из советников губернатора превратились в подчиненных ему администраторов низшей инстанции, с финансовой, полицейской и судебной властью.

Соответственно количеству долей губернии к каждой из них приписывалось определенное количество полков, содержание которых доставлялось особо назначенным комиссаром, ставшим подвижною связью между полком и содержащей его областью. Более богатые губернии (Казанская, Архангелогородская) должны были из своего бюджета высылать обязательные субсидии губерниям менее доходным (Петербургская, Смоленская) и остатки сверх сметы пересылать в центральные кассы. На обязанности губернской администрации лежало изыскивать «приборы» «без тягости народной», «кроме наложения на крестьян».

Но и губернскою реформой Петр не мог остаться доволен. Не удалась основная задача реформы, непосредственное удовлетворение военных нужд из местных касс, так как и после Полтавы армия не могла расположиться на мирные квартиры еще более 12 лет; связь области с приписанными к ней полками через подвижного комиссара была очень шаткою: то комиссар не мог добиться положенной суммы от властного губернатора, и его били смертным боем за оплошность других; то с полученными деньгами он не заставал полка на том месте, где его оставил, и должен был разыскивать его на необъятных пространствах маршей Петровских армий: и в

том и в другом случае голодал и холодал полк. Центральные военные учреждения годами не могли добиться недоимок с губерний, которые вместо субсидий и «остаточных сумм» присылали «отписки» и требования «зачетов» за сверхсметные расходы, произведенные иногда по указу свыше. Местные губернские кассы, вообще говоря, проявляли тенденцию не выпускать сумм из своих сундуков и не отказывались от удовлетворения местных расходов и даже личных потребностей своего начальства, за счет удовлетворения общегосударственных интересов. Губернаторы грабили казну, грабили население, и в течение ряда лет от них нельзя было добиться отчета, как это было с сибирским губернатором Гагариным, повешенным по суду за невероятные злоупотребления. Другие губернаторы, чтоб блеснуть своими «приборами», не останавливались пред дутыми цифрами в своих отчетах и страшным разорением населения. Таков был первый казанский губернатор П. М. Апраксин. В отчете он показал приходу в три года своего правления 398 416 р., когда на самом деле было прибрано 281 931 р.; да и этот прибор был куплен ценою «учиненных впусте 32 215 дворов ясачников», и «с той пустоты» казна ежегодно теряла «табельных и сверхтабельных доходов по 216 021 р.»; зато этот губернатор «подарил» в личное распоряжение царя 120 тыс. рублей... Едва ли и в других областях преобразованные учреждения Петра принесли народу пользу. Уже частая ломка учреждений и связанная с нею смена лиц, замешательство в ходе дел не могли не отразиться на населении отрицательным образом. Кроме того, с переменой названий и перетасовкой учреждений лица, их наполнявшие, не перерождались, оставаясь сами собой со всеми пороками, унаследованными от московского воеводско-приказного строя. Обнаруженная переписями тенденция к понижению численности населения была явным показателем тяжес-

ти Петровских преобразований, между прочим, и в области управления.

Учреждение губернского управления имело еще и ту свою отрицательную сторону, что им окончательно был разрушен строй центральных учреждений. Приказы или были перенесены в области, или стали губернскими учреждениями Москвы, или совсем закрылись. Оживилась только под влиянием неудачной связи армии с областями деятельность новых военных приказов, ставших, в конце концов, передаточной инстанцией средств губернии в приписанные к ней полки. С еще большею энергией действует учреждение, довольно неожиданно появившееся в 1711 г. Я разумею Сенат. Его происхождение и роль объясняются не столько учредительными актами, которые очень скудны по своему содержанию, сколько условиями правительственной деятельности Петра в этот период. Старая Боярская Дума, опиравшаяся на систему приказов и на традиционную практику, постепенно принимала новый вид, под влиянием уже известной нам ломки приказного строя и связанных с ним приемов управления. В силу постоянных отлучек Петра из столицы Дума принимала характер временной комиссии, из доверенных сановников наличного состава «не всегда родовитых и думных чинов», которой поручалось руководить управлением в отсутствие государя, объединять деятельность сохранившихся или вновь образованных центральных учреждений. Самое название «боярской конзилии» или «канцилии министров», которыми Боярская Дума стала обозначаться с первых же годов XVIII в., оттеняет ее состав и назначение в это время. Чаще всего «министры» собираются для присутствования в «конзилии» при «ближней канцелярии», ставшей с 1699 г. государственным контролем и вместе канцелярией «канцилии министров». Значение этого учреждения вытекало из доверия в силу необходимости, которым облекал его Петр. В 1706 году

Петр писал адмиралу Головину из Смоленска: «Уже я... довольно писал, чтобы вы ко мне оттоль (из Москвы) ради решения низовых дел (т. е. усмирения Астраханского бунта) не писали, а сами б и вершили там; ибо мне довольно и здешнего, також и времени будет продолжение, что и сам я, будучи на Москве, приказывал, чтоб вам за тем и прочими делами трудиться, а именно: вам, Тихону Никитичу (Стрешневу), господину адмиральтейцу (Ф. М. Апраксину) и прочим, кого возьмете к себе. И ныне о том же подтверждаю: извольте распечатывать и делать так, как вам дать ответ в день судный». Но до судного дня гг. министры могли очень злоупотребить доверием царя, и Петр обязывает своих доверенных оставлять следы своей деятельности для суждения об ее пользе в этой жизни. В 1707 г. было указано, чтобы «всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый министр своею рукою подписывал, что дело нужно, ибо сим всякого дурость явлена будет». Но значение канцилии министров, как центрального органа управления, росло по мере того, как с преобразованием Петра приходила в полное разрушение «храмина» приказного строя; с учреждением же губерний канцилия осталась фактически единственным центральным органом общего управления, так как стоявшие рядом с ней полномочные военные приказы имели слишком специальное назначение, чтоб они могли конкурировать с нею в руководстве делами общего управления. Но помимо этой, так сказать, внутренней необходимости, выдвигавшей фактическое значение канцилии в качестве главного и единственного органа центрального управления, в 1711 г. явилась экстренная необходимость оформить создавшееся положение дел и официально придать этому органу высокое положение в государстве, а вместе произвести некоторые изменения в его организации. Начиналась война с Турцией. С берегов Дуная, куда уносили Петра боевые замыслы, было уже труднее руководить

управлением, тем более, что губернская система налаживалась с большими трениями и далека была от возложенных на нее чаяний. Нужен был полномочный доверенный, который бы мог действовать «вместо присутствия персоны Е. Ц. В.». Вот почему указ об учреждении Сената и начинается словами: «определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления» в составе девяти сенаторов и с обязанностью для подданных всех чинов «быть послушными Управительному Сенату так, как нам самому (т. е. царю) под жестоким наказанием или смертью, по вине смотря». В прямую обязанность Сенату вменялось: 1) суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения; 2) денег как возможно более собирать, понеже деньги суть артериею войны; 3) дворян собрать молодых для запаса в офицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать; такоже тысячу человек людей боярских грамотных для того же». Уже из этих данных слишком к сему пунктов инструкции выясняется взгляд Петра на Сенат, как высшее финансовое, судебное, административное, военное, надзирающее учреждение в государстве. Ученые все еще спорят о пределах власти Сената, одни расширяя его полномочия до компетенции высшего правительственного учреждения с законодательной властью, другие суживая его значение до роли простого исполнителя поручений государя, причем и те и другие в большинстве случаев подходят к вопросу с рамками современного государственного права. Для Петра вопрос о юридической природе Сената не существовал; его полномочия определялись потребностью момента и практикою. Деятельность Сената вытекала не из определенных основным законом прав, а из очень широких по своей общности обязанностей «иметь о монаршей и государственной пользе неусыпное попечение, доброе бы простирать, а все, что вредно может быть, всемерно отвращать». Это был доверенный

коллективный приказчик большой вотчины Петра, во время отсутствия последнего, обязанный ему одному только отчетом в пределах своей всеобъемлющей компетенции, по удачному выражению В. О. Ключевского — «alter ego царя в глазах народа, ежеминутно чувствующий над собою царское quos ego». В таком своем значении Сенат иногда не по праву, а по необходимости, за отсутствием царя, вступал в его верховное право — законодательство, до молчаливой апробации государя или до гневной отмены неудачных решений, вступивших уже в силу, и в этом отношении Сенат не только издавал свои постановления, имевшие силу закона, но отменял даже Петровские именные указы, опять-таки не по праву, а, лучше сказать, вследствие отсутствия у Петра самомнения, его мужества всенародно признавать свои ошибки и изменять то, что было им «не осмотря сделано». Вооруженный такою бытовою мощью, всегда понукаемый Петром к самостоятельной рациональной инициативе, Сенат в то же время был лишен фактически возможности широко проявлять себя в управлении. Этому большому организму недоставало еще сильных и окрепших мышц, конечностей, которые бы помогали ему всегда целесообразно и быстро реагировать на окружающие его явления. Прежде всего у Сената не было вспомогательных центральных органов, которые производили бы предварительную подготовку доходивших до него дел и, выполняя черновую работу вместе с обобщением поступающего по специальным ведомствам материала, давали бы возможность Сенату заниматься только общим направлением, руководством управления и решением дел высокой государственной важности. В этом отношении Петровский Сенат до учреждения коллегии был поставлен даже в менее выгодные условия сравнительно с Боярской Думой, базировавшейся на приказах. Ему приходилось разменивать свое внимание часто на самые мелкие дела, которые свободно

могли исполняться низшими инстанциями. Но заваленный мелочными делами внутри, Сенат с трудом мог проявлять свою власть в области, так как у него почти не было средств воздействовать на слишком самостоятельных губернаторов, которые в качестве областных децентрализованных органов управления были почти недосягаемы для него. Правда, при Сенате присутствовали «всегда безотлучно» комиссары от губерний «для спроса и принимания указов», но эти агенты области при Сенате были слишком хрупкой и легковесной связью центра с областью и чаще подвергались нещадному битью батогами в канцеляриях Сената за неисполнительность своего губернского начальства, чем добивались от последнего исполнения приносимых ими в губернии приказов Сената, и это несмотря на то, что комиссар в силу необходимости стал одним из деятельнейших агентов власти, занимая в губернии положение казначея, а при Сенате представляя из себя живую справочную канцелярию своей губернии: простой курьер исполнял роль областного центра при высшем правительственном учреждении.

Другим средством надзора Сената за подчиненною ему администрациею был институт фискалов, «чин» которых, по словам Петра, был «тяжел и от всех ненавидим», потому что был основан на принципе: «лучше доношением ошибиться, нежели молчанием», и за свои «ошибки» пользовавшийся вначале полною безнаказанностью. «Чин» этот ведал «делами безгласными, иже не имеют челобитчика о себе»; куда относятся: 1) неисполнение указов; 2) взятки, казнокрадство «и прочее, что ко вреду государственного интереса быть может»; 3) дела частногражданского и уголовного характера, по которым не могло быть челобитчика (напр., убийство приезжего, выморочные имущества и пр.). Орудием действия фискала были заявление в суд о преступнике и донос на него по начальству; от последнего не избавлялись даже

сами «господа сенаты», которые не только не склонны были пользоваться этим оружием своего надзора, но не умели даже скрывать своей ненависти против этих «антихристов и плутов, уличных судей», как бранили сенаторы Я. Ф. Долгорукий и Племянников обер-фискала Желябужского. Так плохо сложенная в ответ на запросы жизни административная машина, из старых материалов и по доморощенным образцам, естественно, не могла удовлетворить ни этих запросов жизни, ни Петра.

III

Мысль об устройстве центральных учреждений по западным образцам начинает занимать Петра уже в 1715 году. На нее прежде всего наталкивала неудовлетворительная практика губернского управления с одним Сенатом в центре. Пробел в организации управления, как мы видели, сам напрашивался на заполнение. Да и перенос столицы в Петербург вместе с Сенатом, поближе к театру войны, давал Петру возможность принимать более близкое участие в управлении и почувствовать непосредственно недостаток центральных органов. В ту же сторону склоняли мысль преобразователя наблюдения над управлением в соседних европейских государствах и особенно проекты иностранных и русских прожектеров, всесторонне разбиравшие недостатки существующего строя и предлагавшие планы преобразования на новых началах с детальною их разработкой[1]. Прежде всего Петр заинтересовался введением коллегий, которые ему и его сотрудникам представлялись необходи-

[1] Интересующихся этим вопросом мы отсылаем к книге Павлова-Сильванского «Проекты реформ»; Милюкова «Государственное хозяйство», отд. III, 383 стр. и далее; Богословского «Областная реформа П. В.».

мою принадлежностью хорошего строя управления. Достоинства коллегиальной формы управления заключаются прежде всего во внутренней доброкачественности и в высшей дееспособности коллегиального ведения дел: «в коллегии предложенную нужду разбирают умы многие,— читаем мы в Духовном Регламенте,— и что един не постигнет, то постигнет другой, а чего не увидит сей, то оный увидит»; действия коллегии непрерывны и неподкупны, потому что за болезнью или смертью одного члена дела не приостанавливаются и ведутся под взаимным контролем; коллегии не страшны сильные люди, она же хорошая школа для неопытных членов и т. д. Но помимо этой внутренней доброкачественности коллегиального строя, бросалось в глаза превосходство его высокой систематичности вследствие распределения дел между центральными органами по однородным предметам ведомства и правильности расчленения центральных органов. Это достоинство особенно бросалось в глаза по сравнению с приказною системою управления, с присущей ей несогласованностью, бессвязностью учреждений и чересполосицей ведомств. За образец реформы Петр принял шведские учреждения, для изучения которых послал в Швецию своего тайного агента Фика. Шведские административные учреждения считались в то время лучшими по своей систематичности и согласованности действий. Кроме того, близкое соседство с сравнительным сходством бытовых условий России и Швеции, большее знакомство с этими учреждениями, чрез наблюдение над отнятыми у Швеции провинциями, а также чрез пленных шведов и русских, возвратившихся из шведского плена[1],— все это также имело свое решающее влияние на выбор образца. Введению коллегий предшествовало очень продолжительное обсужде-

[1] Богословский. «Областная реформа П. В.» стр. 30 и дал.

ние их. От первых шагов по введению коллегий до окончательного осуществления их прошло более пяти лет; следовательно, было меньше риска, «неосмотря того сделать», как это заурядно случалось в предшествующую пору. Кроме того, разработка вопроса велась выдающимися знатоками государственного права, какими были бар. Люберас и Фик. Введение коллегий не было рабским, механическим перенесением чужих учреждений на русскую почву, как это утверждал Фоккеродт: шведские регламенты перерабатывались сообразно «ситуации сего государства», как того сознательно требовал Петр. И действительно, приспособление шведского административного строя к русской действительности привело к крупным переделкам в нем. Два начала проглядывают в устройстве русских коллегий. Прежде всего стремление создать органы удовлетворения главнейших потребностей государственной жизни, какими были войско и финансы; с другой стороны, явно проглядывает доселе неведомая забота о народном благосостоянии, навеянная идеями меркантилизма. Первую категорию коллегий составили коллегия иностранных дел, воинская и адмиралтейская, возникшие на месте живых соответственных приказов, начальники которых (канцлер Головкин, фельдмаршал Меншиков и адмирал Апраксин) стали президентами этих коллегий. Между камер-коллегией (государственные доходы), штатс-коллегией (расходы) и ревизион-коллегией (государственный контроль) распределилась финансовая сторона управления. Коммерц-коллегия, мануфактур- и берг-коллегии являлись уже плодом приложения начал меркантилизма к русской государственности. Совершенно новым, не имевшим себе образца в шведской системе, учреждением была юстиц-коллегия, которая, подобно военным, стянула в себе ведомства еще живых доморощенных приказов (судных, поместного, сыскного и земского),—

дань «ситуации сего государства». Но на этом приспособление западных чертежей к русской действительности не окончилось. Нужно было определить место коллегий, поставленных на запустевших местах и развалинах приказов, в ряду живых действующих административных учреждений: компетенцию коллегий, как самостоятельных органов центрального управления, нужно было размежевать прежде всего с ведомством Сената, этого универсального правительственного органа в центре. В Швеции Сенат не стоял, подобно русскому, во главе управления, а потому этот вопрос приходилось опять-таки решать сообразно «с ситуацией сего государства по своему рассуждению». Вначале хотели было примирить антагонизм между Сенатом и коллегиями тем, что президентов коллегий сделали сенаторами, не без влияния старых порядков Швеции; но это повело, с одной стороны, к полнейшему аннулированию самостоятельного значения коллегий, которые превратились в канцелярии при своем президенте — сенаторе; а с другой — Сенат фактически перестал быть надзирающим органом, так как сенаторам приходилось надзирать за собою же. В 1722 г. Петр признал, что «то неосмотря сделано», и отнял у сенаторов президентство в коллегиях, назначив на этот пост менее влиятельных лиц. Таким образом Сенат стал над коллегиями в качестве высшего и независимо воздействующего на них органа центрального управления. В то же время ревизион-коллегия была превращена в стол при Сенате, «понеже (ее) дело едино есть (то же), что Сенат делает, и не рассмотря тогда учинено было».

Но «ситуация сего государства» требовала, кроме того, размежевания между коллегиями и губерниями, которые как-никак были центральными органами управления в областях, и их компетенция теперь совпадала в своих частях с отдельными коллегиями. Размежевание в

этой области повело к полному переустройству областного управления, на совершенно новых началах, заимствованных у той же Швеции. Обсуждение и введение областной реформы происходило в связи с реформой центральных учреждений и тоже продолжалось около трех лет (с 1718 по 1721 г.). Уж одно это предполагает бульшую обдуманность общего плана и согласованность частей. И действительно, иноземные чертежи и иностранцы-руководители помогли Петру разработать стройную систему управления, к тому же в значительной степени приспособленную к условиям русской жизни. Что особенно замечательно было в этой реформе, это — принцип разделения компетенций — отделения суда от администрации и расчленение администрации на специальные органы управления. В частности, собственно областная администрация приняла такой вид. Главным ядром областного управления была провинция во главе с воеводою, которому принадлежало общее руководство управлением провинции. Ближайшими его сотрудниками, исполнявшими, так сказать, черновую работу управления, были: 1) камерир — заведывавший сборами податей в провинции и казенными имуществами; 2) рентмейстер — казначей, принимающий и выдающий провинциальную казну по ордерам и квитанциям строго определенной формы; 3) провиантмейстер — заведующий натуральными сборами провинции. Каждый из этих администраторов имеет свою канцелярию и ведет дела под общим надзором воеводы. Так устроенная провинция подчинена только центральным органам управления — коллегиям и Сенату; прежние губернии хотя и остались, но они были сокращены в территориальном объеме и уравнены по компетенции и в порядке субординации провинциям, так что воевода ни в чем не зависел от губернатора. Всех таких центров провинциального управления было образовано 50 вместо старых

8, позже 10 губерний. Несмотря на эту сравнительную дробность основной областной единицы управления, каждая губерния и провинция была подразделена на дистрикты, нормальным объемом которых считалось 2000 тяглых дворов. Таких дистриктов было разное число в разных провинциях, в зависимости от населенности ее. Так, в Московской было 19 дистриктов, а в угличской — 4. Дистрикт был почти втрое меньше замененной им «ландратской доли» (5536 дворов). Дистриктом управлял земский комиссар, назначаемый камер-коллегией и подчиненный непосредственно провинциальному воеводе. Комиссар был главным агентом воеводской власти в дистрикте, объединяя в своих руках все управление дистрикта, кроме суда. Администрации вообще приказано было «до юстиции не касаться». Для суда была устроена самостоятельная система учреждений. Первой судебной инстанцией были так называемые «нижние» суды,— единоличные в малых городах и коллегиальные (из председателя — обер-ландрихтера и 2-4 асессоров) в больших. Эти суды были независимыми одна от другой инстанциями; на них можно было апеллировать только в следующую инстанцию «надворных судов», которые были учреждены в главнейших городах России в количестве 11. Суды эти были коллегиальными и состояли из президента, вице-президента и нескольких асессоров (до 6). Президентами чаще всего бывали провинциальные губернаторы и воеводы,— единственное отступление от принципа отделения суда от администрации. Надворные суды ведали поступавшие в них апелляции из «нижних» судов, в качестве второй инстанции, и дела, неподсудные «нижним» судам (преступление по должности, расследование по доносам фискалов и др.), в качестве первой инстанции; впрочем, надворные суды разбирали в первой инстанции и мелкие дела, подсудные «нижним», если тяжущиеся были обывателя-

ми того места, где находился надворный суд,— древнерусский обычай. На решения дела в надворных судах можно было жаловаться в юстиц-коллегию, которая таким образом была третьей судебной инстанцией и вместе министерством юстиции. Здание суда увенчивалось Сенатом, решения которого в порядке апелляции (а не кассации, как теперь), были окончательны и не подлежали отмене, «понеже,— говорит указ 1718 г.,— тот вышний Сенат от Е. Ц. В. высокоповеренным есть, и в (из) особах честных и знатных состоит, которые не токмо челобитчиковы дела, но и правление государства поверено есть».

Из очерченной административно-судебной системы были изъяты и получили самостоятельную организацию управления: 1) церковное ведомство, «синодальная команда», со времени учреждения Синода, 2) дворцовое и лесное, 3) городское самоуправление, получившее в виде городских магистратов, во главе с главным магистратом, подчиненным Сенату, минуя коллегии, самостоятельное управление по всем отраслям посадской жизни. Если мы прибавим к сказанному, что в инструкциях предписывалось администрации заботиться не только об интересах фиска, но и о материальном и духовном преуспеянии населения, а судам рекомендовалось «лучше повинного оправдать, нежели неповинного безрассмотрительно осуждать», причем вся администрация была переведена с кормления на жалованье, то пред нами предстанет очень сложная, стройная и рациональная система управления, вполне способная создать «регулярное государство».

Но одно дело планы и намерения, другое — действительность. Реформа эта оказалась не по плечу Петровской России, как это блистательно выяснили в своих трудах М. М. Богословский и П. Н. Милюков. У русского народа не оказалось ни средств, ни подготовленных

лиц, ни достаточно культурной среды, чтобы воплотить эту систему в жизнь, наполнить ее формы соответственным содержанием. У государства не было средств, чтобы регулярно содержать на жалованьи введенный реформой в оборот административный персонал, и последнему приходилось или впадать в «окончательное мизерие», или брать взятки — «кормиться» по старине. Большинство административно-судебного персонала приходилось вербовать из тех же старых подьячих, дьяков, воевод, воспитавшихся на старой приказной практике со всеми ее пороками и косностью, и получивший новое наименование старый служилый персонал никак не мог проникнуться новыми началами реформы. Судебные и административные власти с трудом понимали принцип разделения ведомств и труда: в результате губернаторы по привычке «заезжали» в ведомство воевод, воеводы и комиссары «по старине» судили, судьи вмешивались в распоряжения камериров, комиссаров и воевод и, по словам указа юстиц-коллегии, власти «с яростью и презрением тщатся» уничтожать одна дела другой, вместо требуемого от них единения и взаимного содействия. Администрация, так же как и население, знать не хотела инстанций и лезла в Сенат и к государю, по старой уездной практике, с такими мелочами, которые вполне были подведомственны администрации дистракта и «нижних судов»,— и это несмотря на частые грозные указы и жестокие наказания, которыми хотели разъяснить смысл нововведения; при всем том не хватало людей, «заобыклых» в правлении, и должности подолгу «ваковали». Все это заставило Петра забить отбой к старине, к доморощенной простоте и дешевизне управления. В первую очередь пожертвовали принципом разделения властей, и уже в 1722 г. началась новая ломка в только что наладившейся в 1721 г. системе: Петр указал «нижние суды подчинить воеводе». Согласно этому указу «нижние»,

коллегиальные и городские суды были «отставлены», и вместо них стал ведать суд воевода с одним или двумя асессорами; а в городах, удаленных на 200 верст от провинциального центра, воеводе предоставлялось назначать под своею «командой» «судебного комиссара». Тормозящее влияние на осуществление областной реформы 1719-22 гг. оказали также введение подушной подати и расквартирование войск среди населения провинций.

Организация того и другого дела, производившаяся почти одновременно с областной реформою, ввела в область новые власти и учреждения, с компетенцией переплетающейся и аннулирующей всякое значение областной администрации. «Генералитету», производившему долгие годы поверку подушной переписи -ревизию и разбросавшему свои переписные канцелярии по всей России, были предоставлены подавляющие полномочия и средства их приведения на местах в виде военной команды. Для постоя и содержания войск были образованы особые «военные дистрикты», которые ничего общего не имели с комиссарскими дистриктами провинции. В главной квартире полка, ставшей центром военного дистрикта, выросла власть полкового командира, который не хотел знать провинциальной администрации и пускал в дело послушную ему силу там, где у него не было права вторгаться в ведомство воеводы и комиссара. «Трудно себе представить,— говорит М. М. Богословский,— более униженное и зависимое положение, чем то, в каком очутилась провинциальная администрация 1717 г. Сфера деятельности ее сужена; свобода ее действий была стеснена. Сверху ее давил властный и требовательный переписчик, с боков ее сжимали полковые командиры. Наконец, существенные изменения потерпели и самые орудия ее действия на местах — земские комиссары. Значительная доля их обязанностей, а именно, сбор подушной была передана другому, новому

институту — выборным комиссарам при полках, не подчиненным провинциальным властям».

Что же удивительного, что новая администрация, уже в своей природе носившая элементы разложения и парализованная в своих действиях посторонними ей силами и учреждениями, далеко не оправдывала возложенных на нее надежд, с трудом «волоча» не только дела своих челобитчиков, но и прямые свои обязанности пред центральными учреждениями. Тщетно Петр изощрялся в изобретении способов и должностей, подтягивающих и подгоняющих ее агентов. Все эти фискалы, исподтишка следившие за беззакониями, прокуратура (с 1722 г.), обязанная открыто в учреждениях пресекать беспорядки, гвардейские солдаты, «понукатели», получавшие право сажать воевод и других чиновников на цепь и закованными присылать их в коллегии, за неисправность, в каком бы чине они ни были,— все это только вело к осложнению административного механизма, к дискредитированию его в глазах общества и к отягощению этого общества новыми «командирами» и взяточниками, которые, пресекая преступления по службе других, считали их позволительными для себя. Процессы обер-фискалов и обер-прокурора Скорнякова-Писарева с Шафировым показали, как далека была Петровская бюрократия от понимания тех высоких требований, которые ей предъявляла идейная сторона реформы.

Все эти преобразования, непрерывным потоком следовавшие одно за другим, разрушавшиеся и вновь созидавшиеся на народном теле, искусственно пристегиваемые к живым местам его, не только не вели население к материальному и нравственному преуспеянию, но были гнетом, мало чем уступавшим войне Петровского времени. Не удивительно, что со смертью Петра его преемники и сотрудники поспешили сбросить с народного тела реформированные областные учреждения, считая ста-

рый воеводский строй панацеей всех болезней современной им России.

Не удивительно и то, что эти преобразования были одним из стимулов оппозиционного настроения в народе, выражения которого мы показали в статье: «Оппозиция Петру Великому» (*см.* стр. 72–108 данного издания).

В. Уланов

СОДЕРЖАНИЕ

XVII век и реформа Петра Великого. *В. Я. Уланов* 7
Петр Великий (опыт характеристики).
Проф. М. М. Богословский 23
Петр-писатель. *Е. В. Сивков* 42
Оппозиция Петру Великому. *В. Я. Уланов* 72
«Птенцы Петровы». *К. В. Сивков* 109
Петровская эпоха и литература проектов.
В. Я. Сторожев 139
Внешняя политика Петра Великого. *В. В. Нечаев* 167
Петр Великий как законодатель
и «Правда воли монаршей». *Д. А. Жаринов* 209
Церковная реформа Петра. *Н. М. Никольский* 233
Дворянство и крестьянство при Петре Великом.
В. Н. Бочкарев 258
Преобразование управления при Петре Великом.
В. Я. Уланов 289

Литературно-художественное издание

ТРИ ВЕКА

РОССИЯ ОТ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 6 ТОМАХ

ТОМ 3

Выпускающий редактор *В. Н. Костромская*
Художественное оформление: *Т. Ю. Прокуратова*
Корректор *Ю. П. Баклакова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.08.05 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».
Печ. л. 10,0. Тираж 10000 экз.
Заказ № 98.

Отпечатано в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

КНИЖНЫЙ СЕЗОН

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

ISBN 5-88682-249-6

